



«С ВОЙНОЙ ПОКОНЧИЛИ МЫ СЧЕТЫ...» ?

«С ВОЙНОЙ  
ПОКОНЧИЛИ МЫ  
СЧЕТЫ...»







**Нисенбойм Григорий Юльевич**

**«С ВОЙНОЙ  
ПОКОНЧИЛИ  
МЫ СЧЕТЫ...»**



Израиль 2015

НИСЕНБОЙМ Григорий Юльевич  
С войной покончили мы счеты: сборник  
воспоминаний / Серия «Биографические рассказы»,  
Израиль: Изд-во IASA -2015, 175 с.

**ISBN 978-965-7533-09-03**

В книге представлены невымышленные истории вре-  
мен Холокоста, собранные из рассказов беженцев, пе-  
реживших ужасы Второй мировой войны и тяготы эвакуа-  
ции, репатриировавшихся в конце двадцатого и начале  
двадцать первого веков в Израиль и поселившихся в г.  
Арад.

Редакция выражает благодарность Тамаре Белой,  
Любови Горелик, Нелли Гельман, Шошане Бродской и  
Элле Веремба за техническую помощь в создании дан-  
ной книги.

Особая благодарность объединению «Рука помощи  
Израиля» за финансовую поддержку этого издания.

Книга создана по инициативе Любови Горелик, пред-  
седателя арадского отделения израильского общества  
«Пострадавшие в Холокосте».

**ISBN 978-965-7533-09-03**

© Григорий Нисенбойм, автор-составитель 2015

© Григорий Нисенбойм, оформление 2015

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....	5
-------------------	---

### Глава 1. *Беженцы Холокоста – участники боевых действий ВОВ*

Астрахан Владимир .....	7
Белый Вилен .....	16
Рефас Григорий.....	20
Фунштейн Аркадий.....	27
Шистер Михаил.....	32

### Глава 2. *Дети – беженцы Холокоста*

Альтшуль Абрам.....	39
Альтшуллер Кира.....	51
Аронс Лев .....	52
Беленькая Анна .....	54
Ботвинник Алла .....	55
Веремба Анна.....	58
Визельман Яков.....	61
Виценовская Инна.....	63
Высоцкая Елена.....	66
Гельман Нелли .....	67
Горелик Любовь .....	70
Гришина Елена .....	78
Гройзберг Лев .....	85
Гройзберг Фрида .....	89

Гуревич Этя.....	93
Енукова Шеля .....	97
Каплан Любовь .....	99
Козлов Михаил .....	100
Козлова Александра.....	101
Кушнер Нина.....	104
Лейтес Аэлита .....	108
Лобачевская Анна.....	112
Мазо Наталья .....	117
Пекарская Жанна.....	118
Полоцкий Зиновий .....	119
Ронис Ида.....	123
Сиркис Шура.....	124
Слободкина Елена.....	127
Слободкин Марк.....	130
Соловьева Наталия.....	133
Сотников Яков.....	139
Тульчинская Жаннета.....	144
Фертель Ева.....	147
Хаит Иосиф.....	149
Хусид Леонид .....	153
Царенко Геннадий.....	159
Чеброва Роза.....	163
Шперлинг Кира.....	166
Штрафун Семен.....	168
Эсауленко Юлия.....	171
P.S. (post scriptum) .....	175

## Предисловие

Говоря о главных вызовах современности, прежде всего, упоминают экономические, политические и климатические проблемы. На мой взгляд, в этом пазле не достаёт важной детали - быстротекущее время. Именно быстрое его течение и делает время одним из главных и вечных вызовов на земле.

Людская память - один из аспектов этой неизбежности. Бег времени неумолимо делает свое черное дело, и редуют не только шеренги победителей, участников боев во Второй мировой войне, но и гражданских лиц, пострадавших в ту годину. К счастью, коллективная память не исчезает, а исторические записи передаются по наследству. Времена устной Торы давно миновали, и именно записи живых свидетелей надежно, как и артефакты, создают и хранят страницы истории.

Последнее время ширится движение по созданию архива воспоминаний пострадавших в Холокосте. Вот и в Араде, отпраздновав семьдесят лет со дня великой Победы, создали свою книгу, которая ляжет в копилку истории, осев в библиотеках и учреждениях, занимающихся изучением этого вопроса.

В этой книге воспоминания беженцев Второй мировой войны, которые репатриировались в Израиль с Большой алией и поселились в городе Арад. В книге два раздела. В первом - свидетельства тех, кто после эвакуации, став красноармейцем, смог непосредственно и как следует ударить по врагу, сорвавшему с насиженных мест их семьи, принеся смерть и страдания близким. Во втором – воспоминания беженцев войны, большинство из которых были в те времена малолетними детьми, поэтому отдельные подробности им известны из свидетельств родителей или других старших членов семьи, и, прежде всего своих матерей, вынесших на хрупких плечах бремя минувшего лихолетья.



«С войной покончили мы счеты...». Трагедия из этой песни врезана в историю Булатом Окуджавой. Да, кто-то свел личные счеты с минимальными для себя потерями. Для большинства же, как и для героя песни Окуджавы, это всего лишь ободряющие слова, потому как счеты свести с войной невозможно! Детство изуродовано войной, здоровью нанесен ущерб, а главное - не вернешь родных и близких. Знак вопроса в названии книги оставляет каждому возможность дать свой ответ.

Барельефы на внутренней стороне обложки – это фрагменты мемориала в г. Арад (скульптор Владимир Зухин), которые символизируют не столько страдание еврейского народа, сколько героизм и решимость дать отпор врагу.

При составлении сборника, даже в той части, которая сложилась из интервью, был сохранен оригинальный стиль изложения авторов воспоминаний.

Основной рефрен всех представленных воспоминаний: спешные сборы, путь-дорога под бомбежками, голод, холод, неустроенность, болезни и возвращение к руинам отчего дома. В каждом рассказе, кроме общих черт, своя трагедия выживания в эвакуации.

Работая над этой книгой, я лишний раз убедился, что люди той войны - из поколения железных. Они благодаря силе своего духа не просто выжили в беспощадную годину, а на зло врагу состоялись в дальнейшей жизни, добившись успехов на личном или общественном «фронте».

Перед нами еще одно не лишнее доказательство вечности еврейского народа, который постепенно собирается на своей земле, Земле обетованной, достойно воспринимая очередной зигзаг парадигмы в своей непростой истории.

**Григорий Нисенбойм**, член СП Израиля

# Глава 1.

## *Беженцы Холокоста - участники боевых действий ВОВ*

**Владимир Астрахан**

*Гомель, 1941 год*

В один прекрасный день мы, пацаны, обратили внимание, что в нашем городе оживилась жизнь военных. По железной дороге в сторону Запада шли эшелоны с военной техникой, которая почти вся была зачехлена.

На полянке напротив наших окон около большой липы появился броневик темно-зеленого цвета. Его обслуживали 3 человека: лейтенант с кубиками, двое с треугольниками, возможно, сержанты. Я в званиях еще не разбирался. Мы им готовили чай, а сухой паек у них был свой.

В один из дней к нам постучался лейтенант и передал конверт с письмом моей маме, сказав при этом, что уезжает по делам службы и просит отправить письмо по указанному адресу, если они не вернутся через три дня. На конверте был адрес Москвы.

Лейтенант вернулся один, голова его была перевязана. Мы его накормили, ничего не спрашивали, знали, что обстановка серьезная и тревожная.

О начале войны мы узнали по радио. Во дворе, где была наша горка, установили репродуктор – большую черную «тарелку», поставили скамейки для людей. Там мы и слышали сообщение о начале войны.

По радио выступал Молотов. После окончания выступления все молча разошлись. У всех было подавленное настроение.

Город Гомель не так сильно подвергался бомбардировкам, как Минск, но и к нам самолеты долетали. У нас появилась новая игра – кто больше соберет осколков от снарядов.

Однажды мы узнали, что на другой стороне реки Сож упал немецкий самолет, и летчики спустились на парашютах. Мы никогда не видели немецких летчиков, хотели посмотреть на них, но нам сказали, что их уже увезли. Мы очень огорчились и пошли домой. Хорошо, что мы зашли в наш подъезд со двора. На улице стоял часовой с винтовкой.

С большим трудом дозвонились в нашу квартиру. Когда мы вошли в зал, мы увидели, что все наши четыре окна облепили соседи. Мы их растолкали на правах хозяев и тоже прильнули к окнам. Под нашими окнами стояла автомашина «ЗИС – 5». На соломе лежали два немецких летчика. Они были по пояс голыми, грудь обоих была перебинтована, у одного через бинты выступала кровь. У второго рот был открыт, здоровой рукой он отгонял мух. На бортах грузовика сидело по одному солдату с винтовками.

Так я и Коля впервые увидели раненых фрицев.

## Эвакуация

Когда зашла речь об эвакуации, нашлось не мало людей, которые говорили, что немцы - культурная нация, что они не будут убивать гражданских, поэтому эвакуироваться не обязательно.

Отец на уговоры не поддался и однажды, придя с работы сказал, что надо собираться.

Куда едем, никто не знал. С собой мы взяли необходимые документы, серебряные ложки, одеяла, обувь, одежду. Кое-что закопали в сарае в погребе, положили туда альбом с марками.

Этот альбом мне подарили на мой день рождения. Дядю, подарившего мне этот альбом, звали Гера. На обложке альбома был изображен корабль и море, а в море был каменный туннель, из которого выглядывал паровоз с вагонами. На первой странице альбома можно было прочесть правила пользования марками и как их приклеивать. Внутри были напечатаны рисунки марок, которые надо было приобрести и наклеить на соответствующий рисунок. На первых страницах размещались рисунки всех царей России, а потом в алфавитном порядке страны Европы, тоже с рисунками. Альбом был издан в царское время. Его тоже купили в Торгсине. Это были времена НЭПа. Что еще помню из того, что взяли с собой, это скатерть, которую вышивала ришелье моя мама. Эта скатерть и маленькая серебряная ложечка сохранились до сих пор. Скатерть 1927 «года рождения», а ложечка еще древнее.

Я вспомнил еще один эпизод из моей жизни, когда мама работала на Гомельской малярной станции в регистратуре. Я приходил к ней на работу и просматривал

регистрационный журнал, выискивая смешные фамилии. Один раз я пришел и в углу увидел кресло, похожее на зубоучастное, но у него по бокам почему-то торчали две полудуги. Я залез на него и задал маме вопрос: что это такое? Мама покраснела. Она опешила и не знала, что ответить. Мама сказала, чтобы я немедленно слез и больше никогда на него не садился. Этот ответ меня не удовлетворил, но я больше на него никогда не садился даже будучи взрослым. Вскоре его оттуда убрали.

10 июля 1941 г. подъехала автомашина. Мы положили на неё свои скромные пожитки и поехали на железнодорожный вокзал, где нас погрузили в товарные вагоны. Мы поехали на Восток. Прощай, Гомель, такой красивый городок с 120-ю тысячами населения, с очень красивым парком и деревянным мостиком над озером, где жили белые лебеди, с речкой Сож, с ее Мельниковым Лугом с островком, который образовался в результате расхождения двух рукавов реки. В этом городе я родился и прожил без малого 16 лет, здесь прошло мое детство с его радостями и бедами, и отсюда нас выгоняли фашисты. Вернемся ли мы когда-нибудь сюда? Никто из нас не знал ответа.

Через города Бахмач, Конотоп, Курск, Орел, Тула, Серпухов, Подольск, Клин мы добрались до Калинина. В Калинин подогнали бывшее нефтеналивное судно, посадили в трюм без иллюминаторов, с двумя или тремя люками наверху. Дали тюфяки, на которых можно было лежать. Никаких удобств. Хочешь по нужде - выходи на палубу. Днем металлическая палуба нагревалась так, что босиком на неё нельзя было ступить, невозможно было выдержать и минуты. Воду пили из реки. Только ночью

можно было ожить. По Волге мы прошли много городов: Кимры, Клязин, Углич, Рыбинск, Ярославль, Кострому, Кинешму, Самару, Сызрань и Вольск. Вольск был конечной пристанью. Мы выгрузились и стали ждать автомашину, чтобы погрузить свои пожитки и поехать на место жительства.

Нас привезли в Солянский зерносовхоз Пугачевского района Саратовской области.

Там отец стал работать начальником производства. Мама не работала. В то время мне исполнилось 16 лет, и я, конечно, не хотел сидеть на шее у родителей и решил пойти учиться в ремесленное училище, чтобы получить специальность. Но сначала надо было получить паспорт, для чего надо было прибыть в г. Пугачев.

Время было зимнее. Морозы доходили до 40 градусов. Из одежды у меня был лыжный костюм коричневого цвета, короткий тулупчик, шапка-ушанка с искусственным мехом, ботинки, варежки и две пары носков. Наняли возницу с санями. Голая степь, сильный ветер. Возница в тулупе, валенках и шапке-малахае. Кое-как добрались к вечеру до города. Отогрелся в какой-то хате. Утром получил паспорт.

Поехали назад. Пурга улеглась, но мороз был лютый. Чтобы я согрелся, возница сбросил меня с саней и приказал бежать за ними. Но этот вариант не получился – я так и остался лежать на дороге. Он смачно выругался и сказал, что ехать со мною больше не хочет. Мы как раз проезжали через какую-то деревню. Он постучался в ближайшую избу. Меня внесли в хату. В хате было тепло. У меня обморозились кончики пальцев на обеих ногах. Не помню, чем меня оттирали, но мне стало лучше.

Даром хлеб у хозяев этой хаты я не ел. Я делал деревянные ложки, что давало мне право зачерпывать еду из чугуна сразу после хозяина к большому неудовольствию его двух детей, которые видели во мне конкурента. Когда приехал за мной отец, хозяин не хотел меня отпустить и говорил, что я делаю хорошие ложки и работу выполняю с любовью. Я и папа очень благодарили эту семью за то, что она спасла меня от холода и голода. Отец привез валенки и более длинный тулупчик, который на время у кого-то одолжил.

### *Ремесленное училище в Саратове*

Получив паспорт, я стал раздумывать, куда пойти учиться. Кто-то посоветовал в ремесленное училище в городе Саратов. Так я и поступил. В ремесленном училище N 8 я учился на модельщика, потому как еще с детства любил дерево. Но учеба продолжалась недолго. Нужно было работать на заводе.

Нас послали на военный завод в деревообрабатывающий цех по изготовлению ящиков для зенитных снарядов. Платили 53 коп. за ящик. И ещё мы собирали из готовых изделий большие ящики для аккумуляторов подводных лодок, за них платили 2 рубля 15 коп. Готовую продукцию принимали военпреды. Делалось это выборочно. Военпред становился на столярный верстак и с высоты примерно 2 метра ящик бросали на пол. Если он ломался, то в брак уходила вся партия.

На заводе была военная дисциплина. За опоздание на работу на 5 минут можно было угодить под суд. Если работу закончил раньше своих товарищей, уходить с завода было нельзя.

На завод каждый добирался своим ходом. А что творилось в трамвае, это не передать словами. Трамвай был набит «под завязку». Люди цеплялись за каждый выступ, даже «колбаса» была занята страждущими. Крики, плачь, ругань – всё перемешивалось. Вспоминать об этом страшно.

Жили мы в большой комнате «Красного уголка». В ней стояли кровати, бильярдный стол с металлическими шарами, где можно было перекинуться, т.е. поиграть. Проигравший лез под стол. Я иногда проигрывал деньги, честно заработанные на заводе. Но игры у нас были и другие – жестокие.

Самой безобидной была игра «Пожар». Выбиралась жертва, носящая очки. Во время сна очки с жертвы снимали, на стекла наклеивали папиросную бумагу, и очки осторожно одевались на спящего, но так, чтобы он не проснулся. При крике «Пожар!!!» жертва вскакивала, и так как ничего не видела, под общий хохот начинала махать руками, как бы разгоняя дым. Была и игра «Велосипед». Здесь тоже выбиралась жертва. Спящему пацану между пальцами ног закладывалась бумажка и поджигалась. От боли человек просыпался и начинал двигать ногами, как при езде на велосипеде. Были и другие даже более изощренные.

Нашу группу расформировали, но скорее всего не за упомянутое баловство, а за более серьезное «преступление». В комнате, где мы спали, висела вешалка, на которой стояла картина «С. М. Киров на субботнике», написанная на полотне. Учащиеся нашей группы в подпитии начали бросать металлические шары от бильярда в эту картину и порвали ее. Возбудили уголовное де-



ло. Нашли зачинщиков и посадили. Группу разогнали, и нас отправили по домам. Так я снова очутился в семье дома.

Как я уже говорил, мама не работала. Чтобы прокормиться, она купила козочку. Из ее шерсти связала мне шарфик. Помню, шарфик был светло-серого цвета с черной полоской. Я же вырезал мундштуки на продажу и тем самым немножко облегчал финансовое положение семьи.

### *Ремесленное училище в г. Балаково*

Пробыв дома примерно месяц, я снова поехал поступать в ремесленное училище, но уже в город Балаково на Волге. Меня снова приняли. В группе было 25 человек: 18 ребят и 7 девушек. Все хотели учиться и получить специальность столяра-рулевого. Теперь такой специальности нет, а во время войны она была.

Суть ее заключалась в следующем. Летом ты был рулевым на буксире, а зимой, когда Волга замерзала, столярничал на судах. Мы изучали речное дело, конструкцию катеров, лодок и всевозможные речные команды. В то же время нас учили столярному делу. Девушки работали не хуже ребят.

Я был старостой группы. У нас был очень хороший мастер по столярному делу. Звали его Владимир Петрович. Жил он в городе в деревянном доме, окна которого были отделаны резными наличниками с достаточно сложным узором. Вообще на Волге почти все дома, тем более окна, покрыты резными наличниками. Жил он очень скромно. У него была жена и дочь Маша. Я часто бывал у него дома, мы играли в шахматы. Помогал я ему

и материально - делал гребешки из граба и точил веретена. За гребешок или веретено давали по тыкве. Делалось это так. Мы отправлялись на лодке на другую сторону реки Волга. Она была равнинная, и там местный хозяин имел бахчу, где росли тыквы на пригорке. Мы привозили нашу продукцию, а получали взамен тыквы. Это был бартерный обмен, как говорят сейчас. Я острым ножом отрезал плеть, и тыква своим ходом скатывалась к лодке.

На занятиях по военной подготовке нас учили поднимать затонувшие суда под Сталинградом. То есть нас готовили быть водолазами. Водолазный костюм был большой, громоздкий и тяжелый, особенно свинцовые подошвы. В воде вес терялся, но на суше поднять ноги было проблемой. Слава Богу, нам это не понадобилось. Наступила зима. И новый 1943 год стал для меня годом начала военной службы. Детство и юношество закончилось.



## Вилен Белый

Вилен родился в Ленинграде в 1925 году, но вскоре после рождения вместе с семьей покинул его, переезжая из города в город: Донбасс, Хмельницк, Винница, Хабаровск, Владивосток. Перед самой войной осели на Кубани в станице Невинномысской, в просторечье - Невинка. К этому времени уже появился младший брат, и Вилен, чтобы материально помочь семье, оставил учебу в 9-м классе и в шестнадцать лет подался на заработки. Устроился на строительство Невинномысского канала на реке Кубань. Шел 1941 год.

Там его поставили на участок, где делали железобетонные балки для защитных сооружений, дотов и дзотов.

Платили настолько мало, что он перешел в МТС (машинно-тракторная станция) – слесарем. Но и здесь денег не хватало, чтобы существенно помогать семье. В селе Прасковее, Буденовского района, Ставропольского края устроился трактористом. Работал на трудодни, и все положенные ему за это продукты отправлял родным в Невинку. «Неожиданно» немцы прорвали фронт и подошли к Буденовску. Трактористы получили приказ на эвакуацию в район Моздока, вместе со своими стальными конями. Прошли полпути как появились немцы. Когда их стали бомбить, зам. начальника МТС повернул колонну обратно в Прасковее. Но село оказалось к тому времени уже оккупированным фашистами.

Не имея сведений о семье, Вилен решил идти пешим ходом домой в Невинку, а это «все-то» несколько сотен километров. Притом, что у него не было ни гроша и даже обуви, которая напрочь изнасилась во время трак-

торной кампании. По дороге питался чем попало или, как говорится, что бог подаст. Его подкармливали местные крестьяне, когда он проходил через селения. Он знал, что родные края оккупированы, но не знал, что его мама с маленьким братом Артемом эвакуировалась на Восток, в то время как отца направили в Минеральные воды.

По дороге наткнулся на немцев. Группа молодняка нацистской армии, очевидно, только-только призванного на войну, рыла траншеи. Один такой салага из этой роты увидел Вилену и велел ему копать вместо себя на том участке, который был за ним закреплен, а сам развалился отдыхать. Когда Вилен откопал положенное, его отпустили на все четыре стороны.

Добравшись до Невинки и узнав, что семья эвакуирована, нанялся на работу в частное хозяйство погонщиком волов. Хозяин на них пахал, а в обязанности Вилену входило вести вола по пашне, держа за ярмо, подавая команды животному на его воловьем языке: «Цоб, Цобэ!», что на нашем означало «направо» и «налево». Шел 1942 год.

Вилен решил выйти самостоятельно из оккупированного немцами района и, пройдя пёхом и босым почти двести пятьдесят километров, добрался до своих, где и попал в лапы НКВД как “шпион”. Он просто-напросто заночевал в стоге сена возле станицы Екатериноградской, а утром хозяин близлежащего дома донес на него в органы. Его взяли, допрашивал офицер по фамилии Жиров, после чего посадили под замок в арестантский подвал. Там уже сидели четверо мужчин и несколько проституток. Юноша так и не понял, за что.

После того, как станица была захвачена немцами, охрана бросила заключенных, и они разбежались. Переправившись через Терек, Вилен оказался за линией фронта, но уже с нашей стороны. Здесь сообразительный парень не стал дожидаться, когда его схпают, и уже по собственной инициативе отдался в объятия недремлющих сотрудников НКВД.

После допроса он был направлен в г. Урюпинск в лагерь для перемещенных лиц, где скопилась огромная масса людей, перешедших самостоятельно через линию фронта, уходя от оккупантов. Люд там был самый разнообразный, и среди них много интересных личностей. С одним из них, оказавшимся писателем, Вилен провел много времени в разговорах.

После допросов молодого скитальца направили в село Аргун, расположенное недалеко от г. Орджоникидзе. Пройдя фильтрационный пункт и перешагнув в семнадцать лет призывной возраст, был определен рядовым в гужтранспортную роту стрелкового полка. Выполняя боевую задачу в разведке, получил пулевое ранение в руку, но после операции и лечения вернулся в строй. Теперь уже в Краснодарскую девятую казачью пластунскую дивизию. Пройдя учебный отряд и получив звание сержанта, стал командиром отделения.

После того как Кавказ был очищен от оккупантов, семья вернулась домой в Невинномысскую станицу. Туда же в сорок пятом вернулся орденосцем и Вилен, но ... без ноги.

В составе казачьей дивизии он дошел до Кракова, где в январе сорок пятого его боевая судьба дала осечку, и он получил сокрушающее ранение разрывной пулей в

голень. А дальше, как бывало после таких случаев, газовая гангрена, ампутация и госпиталя, госпиталя...

Когда он увидел маму, то не узнал ее. Перед ним стояла изможденная старуха – кожа да кости, а ей было всего-то сорок лет отроду. Так для семьи беженцев Белых закончилась эпопея испытания голодом, физических и моральных страданий.



## Григорий Ирмович Рефас

*На северо-востоке Литвы, между семью озерами, одно из которых носит название Зарасайтис, расположен городок, в котором в январе 1927 года родился Григорий Ирмович Рефас. В те времена этот городок с населением около четырех тысяч человек, расположенный в 180 км от Вильнюса, назывался Эжеренай. В 1929 году он получил нынешнее название Зарасай.*

### Зарасай

В те времена больше половины населения городка были литовские евреи, которые довольно дружно жили с местными литовцами и русскими староверами, поселившимися в городке с петровских времен.

Отец мой был рыбаком и работал на хозяина. Он не в состоянии был самостоятельно прокормить своих детей, и спасала нас только помощь еврейской общины.

Чем крепче становилась новая власть в России после Октябрьской революции, тем сильнее идеи коммунизма проникали в молодые головы Зарасайской бедноты. А наиболее вовлеченными в антибуржуазную деятельность оказались по большей части евреи и русские.

Не обошла стороной эта участь и моего старшего брата Шолома, рабочего типографии.

Он был коммунистом - подпольщиком, и я, будучи совсем мальчишкой, уже в 1939 году выполнял отдельные его поручения. Часто мне приходилось скрытно расклеивать по городу листовки с призывами к борьбе против буржуазного правительства Литвы.

Когда в Литве установилась власть Советов, литовцы, в отличие от евреев и русских, ее не приняли и встретили в штыки. При новой власти буржуазные и националистические элементы подлежали высылке в Сибирь. Под эту депортацию попал и мой близкий друг Алекс Лукашавичюс, отец которого служил полицейским в городе.

С началом Второй мировой войны литовцы, члены сохранившихся ячеек различных националистических организаций, воспрянули духом и с энтузиазмом встали на немецкую сторону. Когда под натиском врага части Красной Армии отходили на восток через Зарасай, то местные литовцы стреляли по ним из засады со всех сторон. Вслед красноармейцам били из пулемета даже с крыши местного костела.

Отец наш не хотел покидать Зарасай и говорил, что немцы в 1914 году показали себя порядочными людьми, и все слухи об их зверствах - это не более чем пропаганда, но мой старший брат, коммунист, подогнал к дому грузовик и заставил всю семью залезть в кузов, и мы двинулись на Восток.

После ухода Советов из города со всей звериной страстью начались еврейские погромы.

Литовцы, вступившие в ряды сформированного в округе полицейского карательного батальона, устроили массовый расстрел евреев. Для начала к этому месту, расположенному в семнадцати километрах от города, пригнали пятьдесят военнопленных и, прежде чем их расстрелять, готовясь к «акции», заставили вырыть большой ров. К расстрельной яме пригнали не только евреев нашего города, но и евреев-беженцев из соседних городов и стран, застрявших в Зарасае вследствие



закрытой границы с СССР, и литовцы принялись за дело. Руководил расстрелом единственный немец-офицер. Из восьми тысяч расстрелянных в тот день евреев удалось выжить только двум. Один из них, мой друг Мендель Дойч, упал в яму недобитым, ночью выполз из могилы и вместе с еще одной выжившей при расстреле девочкой выбрались и нашли пристанище в семье староверов Побойных. Эти люди скрывали их у себя на хуторе больше двух лет.

Несколько выживших евреев Зарасая, и я в том числе, в 50-е годы собрали деньги и поставили два памятника убиенным на этом лобном месте: один - евреям Зарасая и рядом второй - с пятиконечной звездой - расстрелянным красноармейцам, которых перед «акцией» убили литовские полицаи.

### ***Бегство на Восток***

Когда, благодаря моему брату, мы доехали до границы с Россией, то нам не позволили ее перейти. На всех дорогах стояли красноармейцы и пограничники, держа стволы винтовок наперевес, и мы слышали от них только одно и то же: "Назад! Возвращайтесь по домам!". Поскольку это была уже граница с Латвией, мы остались на "ничейной земле", в селе, заселенном русскими и латышами. Спали на сеновале, подрабатывали у местных за кусок хлеба. Однажды ночью нас разбудил крик хозяина: "Убегайте! Быстро! Немцы идут!"

Мы вновь кинулись к границе - там уже не было никого из заградотрядовцев. И началось массовое бегство. Тысячи людей бежали по дорогам и лесам на восток. Нас постоянно бомбили, многие погибли или просто не мог-

ли идти дальше. Это была по-настоящему "кровавая каша" - люди гибли сотнями, а то и тысячами. Среди беженцев постоянно витали слухи: "немцы обошли слева, немцы обошли справа", кругом смерть и жуткая паника.

Во время одной из бомбежек я отстал от семьи и потерялся. Когда все затихло, то я не смог найти своих родных, на дороге лежали одни трупы и раненые. В это время мимо шла отступающая группа красноармейцев, я пытался им что-то сказать, объясниться, но я абсолютно не знал русского языка.

Среди них оказался еврей в звании капитана, и он заговорил со мной на идиш. Он посадил меня на попутную машину-полуторку, и таким образом под бомбежками я добрался до Ржева. Здесь собрали больше двух сотен детей из Прибалтики, отставших от своих семей, но было немало и таких, которых сами родители, утратившие надежду выбраться из этого кошмара и ада, отдавали красноармейцам, отступавшим на машинах и имевшим хоть какую-то призрачную возможность добраться до линии фронта. Во Ржеве нас посадили в восемь товарных вагонов и отправили в Ленинград, но мы не проехали и десятка километров, как налетели немецкие самолеты и наш поезд разлетелся на мелкое крошево. Это было страшным потрясением... Детские трупы вдоль полотна железной дороги, горящие вагоны... Оставшихся в живых детей посадили на грузовики и отправили в Москву.

Здесь, на вокзале, переписали наши имена, покормили, помыли, дали какую-то одежду, снова погрузили в поезд, и оказались мы в Башкирии, на станции Туймазы, откуда нас распределяли по деревням, по три человека

на деревню ... Башкиры к детям из Прибалтики отнеслись прекрасно. Я попал в маленькую деревушку, мне дали лапти. Старик, у которого меня поселили, принял меня как родного. Вот так посчастливилось уцелеть.

## *Доброволец*

Весной 1942 года из Башкирии меня отправили в ФЗУ в Куйбышев, и после шести месяцев обучения я стал работать токарем на военном авиационном заводе №51. Жили мы в общежитии, но часто приходилось спать прямо в цехах возле станков. Завод выпускал штурмовики ИЛ-2, но были у нас и цеха, изготавливавшие мины. Работали по сменам - восемь часов через восемь.

Я был стахановцем, норму перевыполнял, и за это в качестве премии в заводской столовой выдавали дополнительную порцию каши и стакан морса. Весь рабочий коллектив авиазавода имел бронь от призыва в армию. Осенью 1943 года я случайно столкнулся с солдатом из 16-й дивизии, который возвращался из госпиталя на фронт, и он сказал мне, что мой родной брат Фишель и двоюродный брат Максим Соломяк после ранений находятся в запасном Литовском батальоне в Балахне. И я, решив попасть на фронт в свою национальную дивизию, "дезертировал" с завода. До Балахны добрался в октябре и нашел Максима Соломяка. Он был ошеломлен: "Так ты живой? Как же ты нас нашел!?" Брата Фишеля здесь не оказалось, потому что к этому времени его уже "списали под чистую" из армии, и он работал портным в тылу. Я попросил Максима помочь мне попасть в дивизию добровольцем. И он, поразмыслив, предложил изменить год рождения, так, чтобы меня, как

совершеннолетнего, могли взять добровольцем. Так с его легкой руки моим годом рождения стал 1926-й. Я был зачислен в запасной батальон, состоявший сплошь из литовских евреев и русских Литвы, возвращающихся в дивизию после госпиталей и ожидающих отправки в свою часть. На сутки давали 600 граммов хлеба и кашу три раза в день, проводились какие-то занятия по боевой и строевой подготовке.

В последних числах декабря нас переодели во все новое и направили на фронт в 16-ую СД. По дороге старые опытные солдаты продавали и меняли на станциях наши шинели, гимнастерки и прочее солдатское обмундирование на еду, и когда мы прибыли в свою дивизию, то выглядели как банда беспризорников-оборванцев. Тыловики 16-й СД, увидев нас, схватились за головы. Нас снова переодели, выдали оружие и стали распределять по полкам. Группу, в которую я был определен, привели в 156-й стрелковый полк, которым командовал литовец, полковник Луня. Стоим возле штаба, ждем, когда нас заберут "покупатели" из батальонов, и вдруг слышу крик: "Ты как сюда попал!?" Оборачиваюсь,... стоит передо мной бывший сосед и друг моего старшего брата Лева Фельдман.

Я прошу его: "Лева, только молчи, никому не говори, с какого я года рождения на самом деле". Фельдман забрал меня в полковой взвод автоматчиков, в котором он был помощником командира взвода. Штабной писарь записал мои данные, и мы отправились в расположение взвода.

Своей роты автоматчиков в полку не было, был только отдельный взвод из 25 человек. Большинство бойцов

взвода были земляками: кто из Каунаса, кто из Шауляя, и среди нас было несколько ребят из Зарасая и его окрестностей. Взводом командовал литовец, лейтенант Янкавичус, а я был самым молодым солдатом этого взвода.



## Аркадий Шаевич Фунштейн

Родился в 1926 году в Крыму в еврейском колхозе недалеко от Джанкоя. Окончил еврейскую семилетку.

Когда началась война, Аркадию было 15 лет. Ждать того времени, когда стала слышна канонада взрывов и видны вспышки в ночном небе, пришлось недолго.

### *Керчь – отправная точка*

Евреи, кто как мог, стали уходить из родного села. И все в одночасье стали беженцами. Старший брат Хаим работал в колхозе трактористом и в его ведении был пустовавший вагончик для служебных нужд. Аркадий с родителями и семья брата забрались в этот вагончик, и он, подцепив его трактором, взял курс на Керчь. Прибыв в Керчь, Аркадий расстался с семьей и ушел на фронт, как и еще трое его братьев.

Для дальнейшего продвижения на Восток необходимо было перебраться на противоположный берег. Сразу это не удалось. Как только катер загружался беженцами, появлялся в небе немец и поливал их пулеметными очередями, не давая возможности двинуться в путь. Только с пятого раза удалось отчалить. Да вот незадача – в суматохе отец Аркадия остался на берегу, и он с перепугу на грани истерики поднял такой шум, что капитан судна вновь причалил. Подобрали папу, и благополучно переправились. Так первый этап эвакуации прошел без потерь.

## *Временное пристанище*

Из Керчи направились на Северный Кавказ, где обосновались в одной из станиц. Сначала Аркадий устроился на сельхозработы, а потом его перекинули на строительство дороги. Работал возницей с парой лошадей в упряжке, обеспечивая песком рабочих. За трудолюбие и добросовестное отношение к порученным делам его ценили в управлении, и когда пришло время, это очень пригодилось. Северный Кавказ оказался для их семьи временным пристанищем, так как немцы добрались и до него. И вновь надо было уматывать и поскорей. Отец был пожилым человеком, а мама инвалидом, так что забота о выживании легла на плечи Аркадия.

В станице возникла необходимость перегнать стада скота в Махачкалу, а желающих взять на себя ответственность не оказалось. Ведь дальняя дорога - тяжелое испытание для человека, а для скота, которому надо обеспечить в достатке корм и воду, тем более. Не приведи господь, не дотянешь скотину до пункта назначения... Время-то военное!

Председатель так обрадовался, когда Аркадий предложил себя в качестве погонщика, что разрешил взять с собой подводку, чтобы увезти родителей.

## *Снова в дороге*

Так семья Фунштейн вновь оказалась в пути. Телега, управляемая отцом, шла по дороге, а Аркадий верхом на коне гнал скот. Поскольку двигались неравномерно, то в один прекрасный момент потерялись. Дорога оказалась более чем тяжелой, особенно трудно было найти пропи-

тание скоту. Так что до конечного пункта, Махачкалы, дошла лишь половина стада, и это было неплохо.

Оформив соответствующие документы, Аркадий в поисках семьи поехал на поезде в Баку – очередной перевалочный пункт по пути на Восток. Народу на вокзале было, как воды в море. Все эвакуанты ждали переправы через Каспий. Несмотря на море людей, Аркадию удалось найти своих родителей, благодаря случаю. Острым взглядом он вырвал из толпы знакомое лицо. Оказался земляк. Он-то и сообщил ему, где искать родителей.

## *Узбекистан*

Объединившись, они добрались до конечной точки их пути - одного из аулов (селение, узб.) под Самаркандом. Их поселили в местном клубе, а в качестве спальных мест им служили зрительские кресла. Аркадий, будучи единственным кормильцем в семье, словно у себя в родном колхозе включился в сельхозработы, привычные для крестьян. Благо, были знания, опыт и старание.

Помогая родителям выжить в непростой обстановке, работал молотобойцем в кузнице, прицепщиком на тракторе, помощником комбайнера и т.п.

Однажды ночью его разбудила мама: - Отец умер. Аркадий обратился к председателю колхоза за помощью в похоронах. Тот дал ему двух человек из местных, и они вырыли яму. Мама дала ему Талес, и он завернул в него тело отца. Когда могилу засыпали, Аркадий установил на ней камень, чтобы можно было опознать это место.

Шел 1943 год, и Аркадий продолжал работать за еду и крышу и взрослеть. Однажды, когда он посетил местный базар, там была облава, и он обратился к одному из



офицеров на выходе с вопросом, как попасть на фронт. Офицер записал его данные. Вскоре пришла повестка, и его призвали в Красную Армию. Во время курса в учебном полку под Ташкентом он получил сообщение о смерти мамы. Когда он в растерянности стоял с телеграммой со слезами на глазах, его заметил комвзвода и велел со ссылкой на его согласие обратиться к командиру полка, и тот дал ему увольнительную на пять суток.

Пока Аркадий добирался до места, его маму уже похоронили. Но поскольку у санитаров было много работы, то они не смогли показать ему могилу матери. В расстроенных чувствах сел на обратный поезд и обнаружил, что единственные у него пять рублей пропали вместе с документами. Уперли. Настроения ему не добавило, но мысли переключились на вопрос, как действовать, чтобы выбраться из передраги из-за утери воинских документов?

Он решил сообщить о происшествии начальнику поезда. Но находившийся рядом с ним пожилой военный посоветовал не делать этого, так как нач. поезда на ближайшей станции сдаст его в комендатуру, а там уже никому ничего не докажешь. Он посоветовал ему перемещаться по составу, чтобы не находиться в том месте, где рыскают контролеры. Так, увиливая от опасности быть арестованным, он добрался до своей части. Но за утерю документов все же получил свои три дня гауптвахты.

Когда прокатилась молва, что на фронт в первую очередь берут комсомольцев, он вступил в ВЛКСМ.

В январе 1944 года рядовой Аркадий Фунштейн оказался в Восточной Пруссии на Третьем Белорусском фронте. После тяжелого ранения стоял вопрос об ампутации.

тации ноги, но после ряда операций ногу удалось спасти. Демобилизовался в 1946 году инвалидом войны и с боевыми наградами. В родные края он уже не поехал – никого из близких не осталось. Направился в Куйбышев: там жила знакомая девушка. На вокзале его настигла старая история – вновь у него украли кошелек с деньгами и документами. И снова случай! В военкомате проездом оказался знакомый капитан, и он помог выписать новый военный билет. Дальше все заладилось и наладилось. Семья, дети и переезд, в конечном итоге, в 1992г. в Израиль.

Все вместе поселились в Араде. Супруга умерла и похоронена здесь же. У Аркадия четыре внука и внучка, которые уже отслужили срочную службу в Армии обороны Израиля, и семь (!) правнуков.

Бывший сержант Аркадий Фунштейн - инвалид ВОВ, активный общественник, член арадского комитета СИВ - заместитель председателя.



## Михаил Шистер

### *О семье*

В Черниговской области, север Украины, есть город Прилуки. Город имел большую общину евреев. Одни из них занимались разными коммерческими делами, а другие зарабатывали на жизнь ремеслами, будучи сапожниками, портными, извозчиками и прочее.

В городе была махорочная фабрика, табак был местным – его выращивали в близлежащих сёлах. А еще через город протекала речка Удай, где водились раки и рыбы, которых было в изобилии, чем и пользовались горожане. Мой дед со стороны мамы, Левицкий Илья, работал на махорочной фабрике. В его обязанности входило составлять договора с крестьянами, которые выращивали табак, и принимать его, определяя качество. Семья Левицких считалась зажиточной, и их четыре дочери, в том числе Бася, моя будущая мама, были образованными невестами.

Мой второй дед, Шистер Гершель, был военнопленным во время 1-ой Мировой войны. Сам он из Америки, и когда был заключен мир, вернулся туда обратно, оставив Бейлю с двумя сыновьями - Сеней и Наумом. Октябрьская революция прошла на их глазах.

Вопреки мнению своих родителей Бася вышла замуж, и 31 мая 1925 года у неё родился мальчик Миша.

Мальчик Миша - это был я. Помню, как-то летом ребята, что постарше, собрались в соседский сад по яблоки. Я тоже полез с ними, но по верху забора была колючая проволока, и я, зацепившись ладонью, повис и под-

нял крик. Снял меня сосед. Руку в поликлинике обрабатывали, наложив 5 скобок через всю ладонь.

Когда однажды в нашем дворе умер сосед, я, сидя в тёмном углу, задумался, зачем человек рождается, если потом все равно умрёт?

## *Перед войной*

Довоенная жизнь сложилась непросто. Отец жил с другой семьей, и его мать поднимала одна троих детей. Поэтому я, несостоявшийся пятиклассник, в двенадцатилетнем возрасте вынужден был пойти работать. Счет трудовой жизни начался на обувной фабрике. И, что интересно, никто не обратил внимания, что детский труд запрещен законом советской республики.

Повзрослев, я сменил профессию и стал работать помощником фотографа в артели «Фототруд» в г. Луцк, где его отец состоял на службе заместителем прокурора города.

Шел сороковой, предвоенный. Сопровождая фотографа на съемки в НКВД, куда привозили не только пойманных бандеровцев, но и тела убитых, в свои пятнадцать посмотрелся на них в таком количестве, что без усмешки не мог воспринимать официальные рассказы о том, как счастливы западные украинцы после присоединения их к братской семье народов СССР.

## *Так начиналась война*

Летом 1941 года отец достал мне путёвку в пионерский лагерь. Двадцать второго июня в лагере должно было быть открытие, костёр, и мы готовились. Наши ок-

на были в сторону города, и утром мы увидели над Луцком дым. Я был в старшей группе. После подъёма во двор въехал автобус маленький. В автобусе красноармеец с винтовкой, и говорит, что он приехал забрать детей в город, так как началась война.

Мы побежали, нашли старшего пионервожатого, а он начальника лагеря, и была команда забрать младшую группу, а потом 3-им рейсом забрали и нас. Самолёты шли на Восток, а на Запад целый день шли танки, машины с солдатами-красноармейцами. Много народа собралось в центре, где было радио, и все слушали обращение товарищей Молотова и Сталина.

Ночь мы провели в подвале, где собралось много местных людей и большинство евреев. Так как хозяин наш был еврей, то к нему в подвал пришли соседи евреи. Всю ночь на улице был слышен шум техники, которая шла на Запад. Люди, сидевшие в подвале, говорили, что нашла коса на камень, и немцам не так легко будет - это не Польша. 25 июня отец посадил меня на поезд до Чернигова, где была мама, сестра и брат. Мама работала на макаронной фабрике, и они сушили сухари из хлеба для армии. Город эвакуировался, а фабрики работали, и вот уже прошёл разговор, что немцы в Гомеле.

К нам во двор, где было 3 дома, въехала полуторка, на ней были два лейтенанта, врачи и шофёр. Они попросились переночевать, мама их пустила. Спросила, откуда они, они сказали, что они врачи с Прилукского госпиталя. У нас они спросили, где аптекоуправление, это было от нас недалеко. Узнав, что они утром поедут на Прилуки, мама попросила, чтобы они нас взяли. Утром они нас взяли без всяких вещей, заехали на склад аптекоуправ-

ления, погрузили оплетенные корзинками стеклянные бутылки. Бутылки эти были со спиртным, и мы поехали на Прилуки. В Прилуках находился папин брат с семьей и бабушка. Дядя Наум демонтировал обувную фабрику для эвакуации в г. Орск. Мы же утром пошли на станцию, там было полно народу, и люди подсаживались на проходившие поезда - пассажирские и товарные. Подошел санитарный поезд, мы попросились в тамбур, но нас не пустили. На следующих путях стоял товарняк с площадками, мы сели туда. Рядом на платформе был самолет, видно, неисправный, его сопровождал сержант из экипажа. В этом составе был вагон с зерном, вагон без крыши, вертушка. К вечеру этот состав отправили.

Всю ночь мы ехали на платформе, там было полно народу. Утром поезд остановился на каком-то разъезде. Нам сказали, что вечером отправят, но никто нас не отправил, говорят, что немцы разбомбили мост. Еды у нас не было, стали брать пшеницу из вагона и жевать. На платформе, где стоял самолет, мы познакомились с сержантом. Он нам дал хлеб из пайка, который получил на дорогу.

Опишу один из случаев. Сержант нам показал патроны, которые были на самолете в ленте. Пули там были с черным окончанием на носике, зеленым и красным. Он нам, пацанам, объяснил, что немцы применяют запрещенные разрывные пули. Наши черные - это бронебойные, зеленые - обыкновенные, красные - трассирующие. Он взял одну из пуль, положил на борт платформы, взял зубильце и молоточек, стал рубить. Пуля разорвалась, ранив его мелкими осколками лицо. На станции был медпункт, и ему там оказали помощь. Глаза были не по-

вреждены. Так мы узнали, что есть и наши пули разрывные.

Затем нас отправили до Харькова. Тут мы зарегистрировались на эвакупункте, и всех погрузили в поезд, который повёз нас на Восток. На одной из станций нас обогнал поезд, в котором ехали из Прилук работники обувной фабрики. Мы увидели дядю Наума и его семью. Он забрал нас в свой вагон.

### *В эвакуации*

Здесь началась расформировка кого куда. На станции Алга стоит огромный Химкомбинат им. Кирова. Он в степи имел карьеры, где добывали руду. Туда ходил поезд «кукушка». Это узкоколейная железная дорога, по которой доставлялась руда для комбината. В составе вертушек был один вагон для пассажиров. Нас отправили туда и разместили в бараках. Мы получили одну комнату, а рядом жила казашка с двумя ребятами. Мы получали паёк: хлеб, сахар, крупу, соль, чай в плитках, зелёный. Я пошёл работать жестянщиком.

В карьерах стояли экскаваторы, крыша которых текла. Мы ремонтировали крышу. Дед готовил листы, и при их соединении я держал правилку.

В 1941г. мы получили от папы армейский аттестат, что позволяло получать деньги в военкомате. На Новый год мама пошла пешком в Алгу получить деньги. Это было в 4-х километрах. Когда, получив деньги, она возвращалась домой, началась пурга - снег идёт стеной и ветер заметает все следы. Пока мама шла по железной дороге, было полбеды. Дойдя до переезда Поленья, она решила идти на рудник по дороге, а снег на поле высотой дохо-

дил до метра, а то и больше. Пройдя с километр, она сбилась с пути, начала проваливаться в снег, силы ее покинули, и она, присев, уснула, и в результате замёрзла. Нашли её на 3-й день - согнутая рука под голову, ноги поджатые. Отвезли на комбинат, в котельне отогрели и положили в гроб. Хоронили на том кладбище, где 3 дня назад хоронили замерзшего казаха. Зимой, пока земля ещё рыхлая, хоронят по 2-3 человека в одну могилу.

Летом 1942 г. Тамбовская авиашкола эвакуировалась в Актюбинск. На станции папа встретил прилукчанина, который сказал ему, что где-то здесь его семья. Он служил в этой школе. Они были направлены в Узбекистан, г. Джизак. После того, как школа разместилась, он стал искать нас. Мне пришлось после смерти мамы быть и поваром, и пекарем. Я видел, как мама пекла хлеб, и это мне пригодилось.

Летом 1942г. папа нашёл нас и семью дяди Наума и всех перевёз в г. Джизак. Я работал со слесарями по ремонту пробоин на самолётах. Курсантов обучали на ДБ-3 (дальний бомбардировщик). Самолёты стояли на аэродроме, а под открытым небом стояла невыносимая жара. Я обратился с просьбой и меня перевели к слесарю-водопроводчику в помощники.

Мы делали горячее снабжение столовой. Вода здесь бежит ручейками в хауз с гор, где вечные снега, бежит по арыкам. Хауз – это бассейн, в котором собирается вода для дальнейшего использования.

Вот мой учитель делал змеевик, который ставился на кухне в топку, а вода накачивалась в ёмкость на столбах и под собственным давлением попадала в змеевик и шла на мойку в столовую. Мне надо было нарезать



резьбу на трубах, которые шли на сборку змеевика, на крестовиках, уголках и тройниках. Когда мы это сделали, меня перевели на электростанцию.

Училище имело свою электростанцию, которую обслуживали двое - машинист и помощник. Помощником был я. Станция работала с наступлением темноты, стоял двигатель динамо и пульт. Нагрев головку паяльной лампой докрасна, мы запускали двигатель. Начав работать, он крутил динамо, и это до 1-2 часов ночи каждый день.

В 1943г. мне не было 18 лет, когда вызвали в военкомат и взяли в армию, направив из Узбекистана в Пензенскую область, где в лесу Селикса были учебные лагерь. Жили в землянках. На всю большую землянку одна печка, сделанная из бочки, и мы, по очереди дежуря, подбрасывали в нее дрова.

Воевал в составе первой танковой роты 25-го танкового корпуса 111-й танковой бригады. Демобилизовался в 1947году.

После демобилизации поселился в Чернигове, где уже жили мои отец и брат с сестрой. Работал слесарем в строительно-монтажном управлении, учился в техникуме, а потом до самой пенсии работал техником в котельной теплосети. Был отмечен медалью «Ветеран труда».

В Израиле с 1995г., в Араде с 1999г. Внуки отслужили срочную в Армии обороны Израиля.



# Глава 2

## Дети – беженцы Холокоста

**Абрам Альтшуль**

### *Родной Бобруйск*

В отличие от некоторых выходцев из г. Бобруйск, которые стараются не вспоминать, что они уроженцы этого местечкового города, я горжусь тем, что в нем родился.

Г. Бобруйск находится на правой стороне реки Березина, и в неё впадает речушка Бобруйка, которая была названа так потому, что в ней водилось огромное количество бобров. В связи с этим город назван Бобруйск, символом которого является «Бобр», установленный в центре нынешнего города, которому уже свыше 600 лет.

Я попытался восстановить схему г. Бобруйск с указанием расположения домов, в которых проживали друзья детства, родственники, а также некоторых достопримечательностей послевоенного времени. Сейчас многое изменилось, и Бобруйск превратился в культурный и промышленный центр, став одним из крупнейших городов Белоруссии. Многие выходцы из этого города известны не только в БССР и СССР, но и в других государствах (Израиль, США, Канада, Австралия).

Самыми легендарными улицами Бобруйска довоенных и послевоенных лет были ул. Лекерта (Московская), Инвалидная (Энгельса) и Октябрьская.

Какими они были, эти улицы? Не широкие и не узкие, с булыжной мостовой или частично земляными, а

также с земляными тротуарами, кое-где выложенными кирпичами и досками. Когда-то на этих улицах можно было насчитать несколько каменных одноэтажных домов. Они были неказистые, обшарпанные, в них проживало много семей голытьбы, от которых пахло нищетой за версту. В основном на улицах жил простой люд: извозчики (балагулы), сапожники, парикмахеры, плотники, убогие и др.

*“Ребята, родившиеся на этих улицах, говорили на идиш, ходили в синагогу и отмечали Песах. А еврейские заботливые мамы готовили дома для своей семьи «цимес». Осталось в наследство бобруйчанам и кое-что от знаменитой еврейской хитрости, предусмотрительности, благоразумия и еврейской мудрости - не подмажешь, не поедешь. Чужие парни с соседних улиц соваться сюда не смели, была прямая перспектива уйти с этих улиц действительным инвалидом” (Э. Севела «Легенды Инвалидной улицы»).*

Здесь русские и белорусы-«старожилы» приняли еврейский образ жизни. Говорили они тоже на идиш, хорошо дружили с еврейскими семьями и нередко прятали их от погромов. Так, моя бабушка в 1904г. в 12 лет во время казацкого погрома пряталась в погребе соседнего дома и пробыла там 15 дней. Ей в погреб доставляли пищу и воду. После этого она была полностью седой (ни одного чёрного волоса). Поэтому её звали «Соня де шива». В судьбе этих улиц есть и другие истории. Многие не хотели эвакуироваться, так как думали, что скоро вернуться, как только кончится этот кошмар.

В ноябре 1941г. были расстреляны, навсегда ушли в «Каменный ров и превратились в уголь. В 11 километ-

*рах от Бобруйска в посёлке Каменный, на месте, где был расстрел, стоят теперь у Обелиска урны, наполненные чёрным углём» (Л.Ковель «Стон»).*

Большинство евреев уехало в начале войны в разные, в основном южные и сибирские, районы СССР, с освобождением которых возвращались выжившими, вшивыми и больными на свою Родину. Мой дядя Абелев Лёва был командирован в город Бобруйск для организации работы школ из Челябинской области, где проживал в г. Каясан с мамой, папой, братом Юдиком, сестрой Розой и братом Элей. Как он рассказывал, дом моей семьи на улице Ватной был разрушен, а дом бабушки и дедушки стоял целый и невредимый.

Там жили уцелевшие русские люди (даже в русской печке сохранились чугунки и другие предметы). Естественно, что, когда бабушка с дедушкой со своей семьёй вернулись, люди, проживавшие там, вынуждены были покинуть не принадлежавшее им жильё. Мы с мамой и братом Борисом поселились тоже там. Дом был переполнен семьями друзей и знакомых бабушки. Жили мы все как пчёлы в улье и, как говорится, «в тесноте, но не в обиде». В 1945г. дому было уже 84 года.

Детская память очень устойчива, поэтому я помню многое. Жили мы до войны в переулке Ватный рядом с дядей Максом (братом папы), его женой Фирой и их детьми Борисом (1935г.) и Ниной (1938г.). Тётя Фира была очень гостеприимной. Она часто готовила медовый пирог («леках»). У них в доме даже был специальный стол, где выдвигалась доска для нарезания «леках». Папа был на Финской войне и когда демобилизовался, то привёз мне матросскую бескозырку с ленточкой. Мне

всё время кажется, что я в эту ленточку вложил деньги, не помню сколько, и сожалел, что перед эвакуацией забыл (дома) эту бескозырку. Не только папин подарок остался в брошенном доме - всё имущество семьи оказалось брошенным. Папа до войны был директором Бобруйского смолоскипидарного завода и, очевидно, членом ВКПб.

Помню, как в самом начале войны немецкие самолёты бомбили город, и даже одна из бомб попала в здание школы №2.

### *Годы скитаний*

24 июня 1941г. с мамой и двумя братьями Борисом и Наумом (1940г. рождения) и семьёй папиного брата Максом мы бежали из горящего Бобруйска на предоставленной для этого заводской полуторке с папиного завода.

Помню хорошо, как во время бомбёжек нас останавливали советские солдаты и приказывали спрятаться в окопах. Мы с братом видели в окопах двух наших раненых солдат, которые стонали и плакали, но мы никак не могли им помочь, так как были детьми, и мама уже звала нас быстрее сесть в машину. Позже тётя Фира (жена Макса) сказала нам, что в нашей машине ехали двое солдат, под гимнастёрками у которых она увидела немецкую форму (было очень много диверсантов). Так, мы неоднократно выскакивали из машины, пока не приехали на вокзал г. Могилёва. Там мы сели в вагоны, в которых в мирное время перевозили скот. Людей было много, и было душно, поэтому все стремились пробраться к дверям-воротам вагона. Очень хорошо помню, как

кричала мама, когда в пульмановском вагоне проходящего в противоположном направлении поезда увидела своих - папу Хоню, маму Сару и брата Лёву. Это было всего одно мгновение.

Эвакуировались мы в город Троицк Челябинской области. Первоначально нам выделили квартиру на втором этаже деревянного дома. Было голодно и холодно, поэтому хозяева посоветовали нам спуститься в подвал, где было теплее. Они помогали нам продуктами. Бабушка Сара (мама папы) спала на печке и ночами кричала «мяу», отпугивая крыс и мышей, чтобы они не погрызли крошки хлеба. В 1943 году после ранения на Сталинградском фронте приехал папа, больной. Кушать было нечего. Врачи рекомендовали нам уехать в Ташкент. От голода и болезней ещё в дороге умерла бабушка Сара, в 1943 году уже в Ташкенте умер братик Нахум.

Поселились мы в колхозе около станции Чирчик, что в пригороде Ташкента. Местные ребята (узбеки), играя с нами, закапывали кого-нибудь в горячий песок, оставляя только открытую голову, или бросали в хаус (озерцо), которое кишело змеями, и когда мы начинали тонуть, вытягивали на берег. Так мы научились плавать. Чтобы прокормить нас, мама запекала сахарную свёклу и продавала её на станции Чирчик. Я помню, что была страшная жара, и от солнечного удара было плохо брату Борису.

Папа работал дворником в Ташкентском институте мелиорации и водного хозяйства. Помню, как у него украли все документы и немного денег, и в каком отчаянии он находился - ходил из угла в угол и кричал. Вскоре, в том же 1943 году, от голода и болезни папа умер и был

похоронен в Ташкенте. Пили мы воду из арыка, и я заболел лишаем вместе с Борисом, сыном Макса. Помню, как мне облучали голову, и я ходил лысым. Благодаря тому, что я часто находился в больницах, и там давали что-то покушать, я выжил. Потом мы нашли папиного брата Макса Альтшуля и его семью (сына Бориса и дочь Нину), которые нам помогали пережить голод. Сводные сёстры тёти Мани (жены папиного брата Абрама) подкармливали нас продуктами.

## *Возвращение*

В конце 1944 года, когда Бобруйск освободили от немцев, мы решили возвратиться в родной город. Денег на поездку не было, и дирекция института, в котором работала мама, помогла нам приобрести билеты.

Мы возвращались домой, голодные и больные, вместе с семьёй папиного брата Макса. Ехали в пульмановских вагонах, битком набитых обездоленными людьми, в течение 15 дней. Я говорил маме: «Настанет ли когда-то время, когда на столе будет лежать кусок хлеба и я не захочу его скушать?»

Прибыли на станцию Харьков. Ждали поезда на Минск, и дядя Макс, подработав пару копеек, пошёл искать харчевню, чтобы покушать самому и принести нам еду. А в это время объявили посадку на поезд, но дяди всё не было. Мама и тетя Фира (жена дяди) кричали и звали его. Он появился лишь спустя часа два. И в это время объявили, что поезд, который ушёл в Минск, потерпел крушение, и очень много людей погибло. И поэтому, вместо того, чтобы кричать и ругать дядю, они

стали его целовать, так как он невольно спас нас от смерти. Такое вот оказалось счастье!

Поезд, в котором мы ехали в Бобруйск, был отремонтирован незадолго до поездки, и поэтому, когда мы приехали в Бобруйск, то не могли оторвать телогрейки от свежеекрашенных полок.

### *Ура! Вот мы и дома*

В 1944 году, будучи переростками, мы с братом пошли в школу, в 1-й класс. В классе были еще переростки, очень много ребят блатных с хулиганскими наклонностями, и я от них мало чем отличался. Жили мы на улице Леккерта (потом Московская). Улица была весёлая - все ребята были еврейского происхождения. Шкодничали, совершали набеги на сады за яблоками и другими фруктами. Летом по утрам играли в футбол. Мяч был матерчатый, и день начинался с того, что кто-то бил мячом в окно. Это был вызов на улицу. Зимой катались на коньках из двух палок, привязанных к валенкам. Цеплялись металлическими крюками за борт машин-полуторок. Водители резко останавливались, вылавливали нас и избивали. И они были правы, ничего не поделаешь.

Нередко мы ходили на место «Бобруйского котла», залезали в танки и у убитых немцев вытягивали шоколад. Тащили из танка часовые механизмы и снаряды. Вытягивали из них интересные для нас детали. При этом часто они взрывались, и много наших ребят погибло. Брали с собой ружья, обрезали стволы и вечером стреляли из уборных.

Были тяжёлые послевоенные годы, и по утрам мы ходили к магазинам, в которые привозили хлеб. И здесь



начиналась борьба за то, чтобы первым залезть в машину после выгрузки хлеба. Мы собирали крошки, а затем замачивали их и делали хлебцы. При карточной системе на хлеб его тяжело было приобрести. Поэтому мы, пацаны, пробирались под ногами к прилавку и брали хлеб без очереди. А потом точно так же, под ногами у очереди, выползали, зачастую без пуговиц.

Когда была реформа денег, мы из газет вырезали две стороны рублёвки, склеивали и покупали у техничек в школе самодельные конфеты. Были и потасовки - когда привозили в школу барахло (помощь из Америки) - питание, рубашки и игрушки. Учитель математики в нашем классе (подполковник в отставке) был без обеих ног и передвигался на деревянной низкой коляске на колесиках. Зимой мы заходили к нему домой и на плечах несли его в школу. Когда мы не были готовы к занятиям, то «забывали» принести учителя в школу. Вот уж была радость!

Был такой случай в классе. Ученик по фамилии Немец, сын балагулы (извозчика), учился плохо и поэтому в конце учебного года он украл журнал годовых оценок и забросил его в горящую печку. Разразился скандал. Часто развлекались мы в школе на «границах»: в чернильницу забрасывали карбид и чернила выкипали; на переменах прибивали гвоздями галоши учителя к полу, и в конце урока он не мог сойти с места. Класс был переполнен учениками, и почти все были евреи.

Хочу изложить несколько интересных (с моей точки зрения) событий из послевоенных лет на нашей улице. В конце улицы Московской сохранился фруктовый сад «Магер». Его охраняли с ружьями, и вокруг периметра

была сделана канава, по которой протекала вода, но это не было для нас преградой.

Несмотря на всю опасность проникновения в сад, мы нередко успешно возвращались с урожаем. Но и нередко в задницу попадала из ружья соль, и нам приходилось отсиживаться в воде и вдобавок получать нравовучение от родителей. Бобруйск после войны кипел от драк, ругани (особенно на базарах), воровства, участниками которых были подростки, и был переполнен инвалидами войны. Я помню одного инвалида без обеих ног на маленькой тачке с колёсами – подшипниками. Звали его Олег, герой Советского Союза. Так он был всегда пьяный, крикливый и предлагал, чтобы у него купили «Золотую звезду» и «Орден Ленина».

Мой дедушка работал в районе базара стекольщиком. Я удивлялся твёрдости его руки и зрения, когда он на глаз, без линейки отрезал определённые размеры стёкол. Я приносил ему на работу скудные обеды, приготовленные бабушкой. Они заменили мне погибшего на фронте отца и маму (она работала с утра до позднего вечера). Однажды я возвращался от деда через базар и увидел двух милиционеров, которые подталкивали какого-то воришку в наручниках. Здание милиции, куда они его вели, находилось по дороге к моему дому. Вдруг они обернулись и увидев меня, следующего за ними, прихватили с собой. Я плакал, кричал, чтобы отпустили, но они завели меня в отделение. Выяснили, кто я и где живу, после чего сказали: «Вот тебе два ведра, принеси воды из колонки, помой полы и убирайся вон». Я пошёл за водой, набрал ведра и, убедившись, что за мной не следят, другими улицами убежал домой.

В день Пасхи мы приходили к церкви, куда приезжало много сельских женщин с корзинами яиц, чтоб освятить их. Был у нас соблазн украсть яйца. Как же мы это делали? Завязывали три рубля (трёшка) тонкой ниткой и клали её около тётки, чтобы она увидела её и потихоньку тянули нитку от неё. Естественно, она отходила от своей корзины, и ребята с другой стороны забирали яйца.

Мы часто ходили в кино гурьбой, почти бесплатно. Для этого внутрь свертка клали бумагу и давали в руку женщине, которая пропускала людей по билетам. Так мы попадали в кинотеатры «Товарищ» и «Пролетарский», где кинолента через аппарат крутилась вручную. Однажды мы пошли таким образом в кино с Гилей и Нахумом. Они только приехали из Узбекистана (глухого аула) и даже забыли русский язык. Кино они впервые в жизни увидели. Как сегодня помню, мы смотрели фильм «Сказание о земле Сибирской». Когда появился кадр Москвы и Кремля с большим количеством машин, то они закричали: «Машины и люди как живые!». За это их вывели из так называемого кинозала.

Была у нас традиция на наших улицах. Когда среди жильцов появлялся новый пацан, то всегда проверяли его силу. Устраивали настоящую драку с кровью из носа, царапинами на спине и т.д. Так устанавливалась субординация, и слабый не имел права не подчиняться более сильному. Помню, когда Гиля мерился силами с кем-то из ребят, то он исцарапал лицо напарнику так, что не было живого места, и кровь струилась на одежду, а он кричал: «Кровь! Но не умер!»

Помню большую драку, прогремевшую на весь Бобруйск, с военными лётчиками. Никто не мог установить причину. Это был 1953г., когда я приехал на каникулы из техникума. Собрался идти по Московской улице на Социалистическую, там всегда встречались знакомые и бывшие одноклассники.

Смотрю, на меня бежит толпа на ширину всей улицы. Никто не знал, в чём дело. Выяснилось, что из-за какого-то инцидента на танцплощадке в городском парке пострадал один лётчик, и поэтому они решили устроить гражданским (а это были евреи) ответную реакцию.

Так и не состоялась моя прогулка. Выскочили родители и стали звать нас домой. На следующий день, а это было воскресенье, еврейские ребята решили военным отомстить. Был пляжный день, и много военных пришли со своими девушками отдыхать. Но не тут-то было.

Гражданские стали палками и руками избивать военных. Они тогда уходили купаться, а свою военную форму прятали под платьями девушек, но ребята смекнули и стали каждое платье приподнимать, а увидев военную форму, стали поджидать. И тот получал своё. Но на этом всё не кончалось. Как я говорил, это было воскресенье, и в фойе драматического театра были танцы, и военные подготовились. В разгар танцев подъехали три грузовые машины с военными и шомполами стали избивать гражданских. Пришлось и мне получить удар по заднице. Правда, скоро приехало много военных патрулей и милиции, которые успокоили обе стороны. С тех пор в течение 3-х месяцев был наложен карантин на воинскую лётную часть. Стало спокойно. Интересный случай был опять на пляже. Все мы ребята пошли купаться,

Яша Норкин принес с собой кусок хлеба, и когда мы вышли из воды, Яков бросился бежать за козой, которая из-под одежды выхватила кулёк с его едой.

А был ещё эпизод, связанный с купанием в Березине. Рано утром я выскочил со двора на улицу и увидел, что много ребят идёт на речку, и позвали меня. Я даже никого не предупредил, что пойду на речку. Там я встретил своего старшего двоюродного брата Иосифа Шваба (Абелева), он угостил меня едой. Объявили, что через час прибудет баржа, на которой можно поехать на пляж посёлка Паричи. Так мы оказались в Паричах. Мы там загулялись, ходили в лес за орехами. Когда пришли на пляж, то там оказалась группа пацанов в 25 человек, в том числе наших пятеро. Связи ведь тогда никакой не было. Был уже поздний вечер. Мы беспокоились за наших родителей, которые, как стало потом известно нам, узнали, что видели нас на массовке. Подвернулась оказия, шёл плот в сторону Бобруйска. Мы стали кричать, и нас подхватили. Было голодно, холодно и комары кусали нас.

Когда плот пришёл к причалу, я в темноте среди толпы встречающих увидел своего деда и маму. Я проскочил через толпу и побежал домой, залез в кровать и ожидал, что скоро начнётся «порка». Но пришли родители (меня никогда не били) и, увидев, что я сплю, пошли тоже отдыхать.



## Альтшуллер Кира

Когда началась война, мне не было и 3-х лет. Поэтому о происходившем в те времена я знаю со слов моей мамы.

Уже в августе 1941 года всю бомбили наш город Ленинград. Горели Бадаевские склады, где были огромные запасы продовольствия. Немцы понимали, что оставляют жителей города умирать без еды.

Маме моей пришло предписание в течение 24 часов собраться и эвакуироваться с двумя маленькими детьми из города. Мы покинули город 19 августа 1941 года. Поезд наш сопровождали два истребителя, т.к. немецкие самолеты сбрасывали на наш состав бомбы. В результате бомбежки в какой-то момент загорелся последний вагон и люди, чтобы укрыться, бросились в лес. Обгоревший вагон отцепили и поезд отправился дальше. Куда он направлялся было неизвестно. Привезли нас в Кировскую область (ныне Вятка) в глухую деревню, где нас приютила одна пожилая женщина. Немного позднее нас переселили в ближайшее село, где дали небольшую комнату.

Было холодно и голодно. Счастье, что мама посадила кое-какие овощи, так что мы не пропали. Морозы были страшные до 40 – 45 градусов, а у нас зимней одежды не было. Помогли нам местные жители, собрав для нас кое-какую зимнюю одежду.

В общем выжили и после победы нашей армии вернулись в ноябре 1945 года в родной Ленинград.

Наш дом был наполовину разрушен, а мы остались без жилья и без имущества.

Восемь месяцев мы жили у папиного друга, а потом нам дали комнату 13 квадратных метров, так что у нас появилась постоянная крыша над головой.

Вот все, что я помню из рассказов мамы.



## Лев Аронс

Когда немецкие войска приблизились к Ленинграду, авиационный завод, на котором мой отец работал экономистом, был эвакуирован на Урал, в город Чкалов (ныне опять Оренбург). Вместе с заводом отправились и мы. Дорога оказалась не легкой, а ехали мы в товарных вагонах вместе с заводским оборудованием. В месте назначения нас высадили в пустом поле.

Подробности обустройства на месте я, конечно, не помню. Но мама рассказывала, что некоторое время персонал жил под наспех сколоченными навесами и родителям с трудом удавалось защищать детей от дождя в непогоду. К нам повадился приходиться жеребенок, который раз за разом пытался лизнуть меня в лицо. В Оренбурге мы поселились на улице Рыбаковской.

Это название я запомнил на всю жизнь. Вообще помню себя лет с трёх. Жили мы в небольшом частном доме. Его владелицей была милая женщина, которая меня очень любила. По ночам она где-то работала, а утром, приходя домой, перед тем как лечь спать, ставила у изголовья кровати табуретку, которая служила мне столом, клала на неё карандаши и бумагу.

Пока она спала, я рисовал. Я хорошо помню эту узкую комнату и висящий над кроватью ковёр с сердитым тигром. После трёх, почти подряд, воспалений лёгких у меня в возрасте около четырёх лет началась бронхиальная астма.

Приступы, как правило, начинались ночью. Меня одевали и выводили на улицу. Там, через какое-то время становилось легче... от запаха паровозного дыма. Где-то недалеко от нашего дома была железная дорога, и ветер приносил этот запах, который я ностальгически люблю до сих пор. Особенно он запомнился мне зимой, перемешанный с морозным воздухом.

В Ленинград мы вернулись в конце мая 1945 года. Ехали через Москву опять же в товарных вагонах. В столице поезд остановился на каком-то вокзале в месте, где перрона не было.

К вагону подошли мои дедушка и дядя. Дедушка взял меня на руки и поцеловал в лоб. Потом вернул в вагон. Вскоре они ушли. Ни до, ни после я больше никогда дедушку не видел, но его поцелуй я запомнил на всю жизнь.

После школы в 1957г. я поступил в Ленинградский институт точной механики и оптики, который закончил в 1965-м.

В Израиль мы (родители, супруга и сын) прибыли в 1990 году, поселились в Араде и благополучно абсорбировались.





## Беленькая Анна

Когда началась война, наша семья жила в г. Брянск. Мне было 6 лет, поэтому многое помню.

Двадцать второго июня весь день шел проливной дождь. Уже на следующий день, чтобы купить хлеб, надо было отстоять необычно большущую очередь.

А вскоре начались бомбежки и постоянные походы в бомбоубежище. Отлично помню, как разбомбили сахарный завод, и запах паленого сахара врезался в память на всю жизнь. Уже в первых числах августа для нас началась эпопея с эвакуациями. Сначала мы на машине поехали в город Севск и, прожив там около месяца, двинулись дальше, в Орел. Из Орла нас повезли в товарных вагонах на Восток – в тыл.

Ехали мы три недели и, наконец, прибыли на станцию Николаевка Ульяновской области. Это было в начале октября. На телегах нас повезли в Мордовское село Баевка, и по приезде разместили в школе. Утром пришли жители и разобрали нас по своим домам.

Здесь же в селе я пошла в школу и закончила 2 класса. За короткое время я научилась очень хорошо говорить по-мордовски. Даже сейчас помню отдельные слова.

У меня остались очень светлые воспоминания об этом не очень грамотном, но очень добром народе. Они делились с нами и хлебом, и кровом на протяжении всего времени, что мы там пребывали.

В 1944 году пришел вызов, и мы уехали в г. Энгельс, где встретили долгожданную Победу.



## **Ботвинник (Канторович) Алла**

Война застала нас под Минском, в Уручье, куда на лето выехал детский сад, которым заведовала моя мама, Михелес Гита Лазаревна. Мой младший дошкольный возраст позволял находиться среди детсадовцев, и мама взяла меня с собой. А вот старшую сестру, одиннадцатилетнюю Июлю, впервые отправили в пионерский лагерь, который находился по другую сторону Минска.

В Уручье располагался большой военный городок. Поскольку немецкие войска стремительно наступали, военные экстренно начали эвакуацию своего оборудования и обслуживающего персонала. Возникла реальная опасность, что детский сад окажется на захваченной территории, а забрать вовремя своих детей удалось лишь нескольким родителям.

Оценив безнадежность ситуации после отступления военных, моя мама, сильный и энергичный человек, буквально прорвалась к начальнику гарнизона и решительно заявила:

- Мы здесь не останемся. Сядем с детьми на рельсы - и будь что будет!

- Поднимайтесь в вагон! - последовало тут же.

Так мы оказались практически в последнем уходящем в тыл составе.

Нашим конечным пунктом стала Татарская АССР, поселок Займище, возле Казани. Там расположились сразу три детских сада: из Москвы, Ленинграда и Минска. Случилось так, что по приезде я очень тяжело заболела. В больнице меня положили в изолятор безо всякой надежды на выздоровление. Можно понять состояние

мамы: отца уже не было (он погиб еще во время финской кампании); устрашающая неизвестность о судьбе старшей дочери (все попытки найти ее в начале войны ни к чему не привели); и реальная угроза потерять младшую.

Выходила меня врач из Ленинграда, и я вернулась к жизни. После выписки принять меня вновь в детский коллектив не могли из-за карантина в двадцать один день.

Хозяйка квартиры, готовая взять меня к себе, потребовала... дров. Чтобы выполнить ее условие, все сотрудники трех детсадов собрали деньги на их покупку.

В дальнейшем наш детсад перевели в Казань, где он находился до конца войны.

После освобождения Минска мама получила страшную весть: наша Юлия погибла в гетто. Мама закрылась в комнате, рыдала в голос и кричала, как раненый зверь. Эту боль она держала при себе до конца жизни, никогда не говоря о ней вслух.

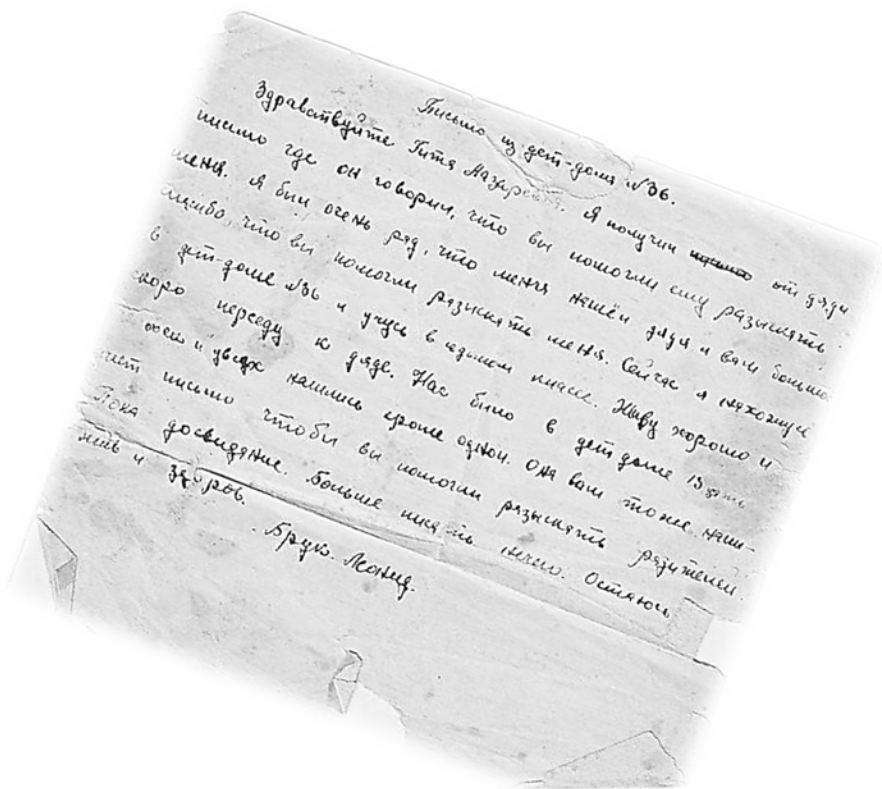
Хорошо помню День Победы. Стук в дверь и крик сторожа: «Флаг, дайте флаг!» Смех и слезы радости, объятия и поцелуи. Дети кричали и прыгали на кроватях. В этот день им разрешалось все.

Мама спешила вернуться в Минск, а вдруг... дочь жива?! Ведь надежда умирает последней... Город, как оказалось, лежал в руинах. От нашего дома не осталось и следа.

Начались тяжелые послевоенные годы.

**P.S.** У моей мамы душа болела не только за своих дочерей, но и за тех воспитанников детского сада, которых она вывезла из района оккупации. Поэтому она сра-

зу по возвращении начала разыскивать родителей или родственников этих детей. Успокоилась она только после того, как выяснила, что все дети благополучно воссоединились со своими семьями. Мы до сих пор храним письма с благодарностями от спасенных детсадовцев.



## Веремба Анна Леонтьевна

Родилась я на Украине, в городе Николаев. Мне было уже 15 лет, когда началась война. Кроме меня, младшей, в семье было ещё трое детей: Лиза (Лея), 1912 г., брат Миша (Меер), 1914 г. и Таня (Туба) 1924г. Двое старших к началу войны жили отдельно от нас. Лиза в июне 1941-го вышла замуж, а брат Миша с 1935 года служил радистом на Днепровской флотилии.

22 июня – день рождения моего отца. Накануне мы получили телеграмму от Миши с просьбой отложить празднование дня рождения на 26 июня, потому что он собирался приехать. Но судьба распорядилась иначе.

Днем 22-го июня прозвучало сообщение Молотова о начале войны. Для многих это было неожиданно.

У нас во дворе был вход в катакомбы еще с турецких времен. После объявления войны к нам зачастили военные и стали обустривать в катакомбах бомбоубежище. Мы, дети, бегали все это смотреть, и должна отметить, что когда в дальнейшем над нами проезжали танки, в катакомбах ничего не было слышно. Уже в июле первыми подверглись бомбежке николаевские судостроительные заводы, крупнейшие на Украине. Были жертвы, и началась эвакуация. Сначала незаметная, но увеличивающаяся день ото дня.

Отец мой был кузнецом на авторемонтном заводе и председателем профкома. Ему сообщили, что для нашей эвакуации выделили машину, и семье с вещами нужно быть готовыми к отъезду. Мы прождали трое суток... Никто, естественно, не приехал! И тогда папа принял решение, и мы двинулись пешком к железной дороге. На пя-

тачке возле его завода была огромная толпа народа. Эшелона не было, а бомбежки продолжались.

Во время одного из налетов немецкой авиации, мама спрятала нас с Таней под огромное корыто... Однажды мы увидели молодого солдата – босого, грязного и очень веселого. Он ходил среди измученных людей и уговаривал остаться дома, приговаривая, что бояться нужно только коммунистам и евреям. А так как основная масса людей были евреи, то его «утешение» не прибавило оптимизма.

Наконец на третий день ожидания пришел эшелон. С трудом мы в него забрались, и поезд увез нас в направлении Запорожья. Папа рассказал, что состав, прошедший до нас, и состав, шедший после, немцы разбомбили полностью.

Ехали весь сентябрь. Чем питались – не помню. Помню, как на одной из станций потерялась Таня, и папа пошел ее искать. Нашел. Когда добрались до Чкалова (ныне – Оренбург), на вокзале увидели невероятное количество людей и тучи вшей, которые, как волны, перекачивались по полу вокзала. Мы приткнулись в каком-то углу и каждые полчаса бегали на улицу стряхивать с себя вшей. Так прошли сутки.

Папа добился направления нашей семьи в город Переволоцк Чкаловской области. По приезде нам дали проходную комнатку в деревянном неотопляемом доме. Спали мы на полу, вповалку. Задержались мы там недолго, потому как начались морозы, и я к тому же отморозила ногу. Нам дали разрешение уехать, и мы на свой страх и риск двинулись на юг, в город Фрунзе.

Благодаря тому, что отец был кузнецом, сразу же приняли на работу, правда, с условием, что зарплата будет крошечная, но зато нам дадут комнату. Спали мы, как и раньше, вповалку, и комнатка была крошечная, но все нашли работу: папа в кузнице, мама чистила обувь на улице, а мы с Таней в совхозе «Майский», недалеко от Чуйского канала. Научились работать кетменем, обрабатывать сад, рыть арыки. За это нас кормили один раз в день.

Через год, осенью нас уволили, но мы нашли другую работу. Таня устроилась мыть специальную посуду в лабораторию, где производили столбнячную сыворотку из конской крови. Когда возникал переизбыток крови, ее отдавали работникам, и мама, добавив в кровь немного муки, делала нам оладьи. Это был праздник!

Я поступила на курсы бухгалтеров, а окончив их, стала работать в добровольном пожарном обществе счетоводом. Периодически оттуда работников посылали на торфоразработки, за что давали 800 граммов хлеба. Однажды меня не забрала машина вечером, и я шла домой ночью по степи одна... Было очень страшно.

Со мной вместе работала женщина, которая с трудом нашла на фронте мужа. Муж прислал ей вызов, чтобы приехала по месту его службы, но наше начальство категорически отказалось ее отпускать. И тогда она ушла без разрешения. Ее арестовали и посадили на 7 лет...

За неимением других кандидатур, меня взяли на ее место, и я отработала на этом месте до января 1946 года. А потом со мной чуть не повторилась история моей сослуживицы. Меня категорически не хотели отпускать на родину, в Николаев! Но всё обошлось.

Мы вернулись в Николаев в 1946 году. Это было страшное возвращение! Город стоял в руинах, наша квартира была занята, и мы с трудом нашли пристанище, а тут еще и известие о брате - пропал без вести! У моей сестры Лизы погиб муж. А скольких близких и дальних родственников мы недосчитались?!

А как страшно было увидеть плиты с еврейского кладбища, которыми были вымощены дорожки на центральном бульваре!

Война окончилась, и нужно было всё начинать сначала. Но это уже другая история.



## **Визельман Яков Ильич**

Я родился в 1936 году в украинском городе Проскуров (Хмельницкий по - новому). Мои родители – Илья Осипович Визельман и Лея Яковлевна Визельман - после моего рождения переехали в Мариуполь, где отец был назначен директором средней школы № 10.

Когда началась война, школу, где работал мой отец, срочно перепрофилировали под госпиталь, но немцы наступали, и в начале августа наша семья вместе с госпиталем была погружена в санитарный эшелон и отправилась в глубь страны.

На подъезде к Ростову-на-Дону наш эшелон неожиданно остановился. Никто ничего не знал и не понимал, в чем дело. Наконец начальник эшелона выяснил, что



сбежал машинист. Это была трагедия - в поезде ехало очень много раненых и больных людей! Причина бегства машиниста была в том, что буквально в нескольких километрах от шедшего эшелона машинист увидел немецких мотоциклистов, направлявшихся в нашу сторону. Он струсил и сбежал. Его помощник собирался сделать то же самое, но ему не дали - под дулами пистолетов он повел состав в тыл. Так мы остались живы.

Поезд же проследовал до Тифлиса. Но городская администрация категорически отказалась принимать госпиталь, и санитарный поезд вынужден был пересечь государственную границу и остановился в Иране, в Тавризе. Целую неделю состав стоял в Иране, и людей не выпускали из вагонов!

А если кто-то пытался выйти, по нему стреляли! К сожалению, без жертв не обошлось!

Наконец в Тифлисе нашлось помещение, город принял раненых, а остальных кое-как расселили. Нам с мамой досталась маленькая комнатка прямо в здании бывшего сельхозинститута, а папа ушел на фронт. Жили очень тяжело, но дружно. Как могли, помогали друг другу. Мы ничего не знали о судьбе отца до 1944! А он целых полгода лежал тяжело раненный в госпитале в Батуми!

После ранения он вернулся к нам и до конца войны, а потом и до 1948 года был старшим преподавателем математики в Тбилисском пехотном училище.

Мы остались в Грузии, и она стала нашим настоящим домом! Я окончил школу, Тбилисский университет и политехнический институт и пошел по стопам отца, стал преподавать в школе математику. Более двадцати лет

проработал завучем и директором в разных школах города и уже более двадцати лет живу в Израиле.



## **Виценовская (Равинская) Инна Гилелевна**

Спустя месяц с небольшим после начала войны мне исполнилось три года. А 21 июня в 1941 году родилась моя сестра Маргарита. На следующий день началась война.

Мы с родителями жили в Ростове-на-Дону. Мама, Золотухина Александра Борисовна, была до войны танцовщицей, папа, Равинский Гилель Пейсахович, работал на хлебозаводе.

После нападения немцев на нашу страну сразу же по городу разнесся слух, что немцы уничтожают евреев.

Папу призвали в армию, а мама с нами, бросив все, эвакуировалась в Коканд (Узбекская ССР). Помню, как она не могла пробиться к вагону. Какой-то мужчина сумел протолкнуть ее к поезду, а нас, детей, сумел втащить в окно.

По прибытии в Коканд нас поселили в землянке. Моя сестра, совсем еще малютка, часто болела. Мама вынуждена была лежать с ней в больнице, а я оставалась совсем одна. Было страшно. Крысы постоянно сновали по нашему убежищу. Я же, вооружившись палкой, гоняла их. Тогда я еще не понимала, что они могли бы на меня накинуться и загрызть. Но, слава богу, обошлось.

В эвакуации мама не могла устроиться на работу. Она не знала, как и с кем оставить нас с сестрой. Да к тому же эвакуированным вообще было трудно устроиться на работу. Мы голодали, помощи ждать было неоткуда. Мы уже пухли от голода и практически умирали. Мама написала на фронт папе прощальное письмо, объяснила всю ситуацию. Командующий фронтом очень любил моего отца. Папа обладал хорошим баритоном, пел в ансамбле, поднимал дух бойцов, а когда наступали бои, с оружием в руках шел в бой со всеми бойцами. Был неоднократно ранен, контужен. Чинили его в Киевском госпитале, и он снова возвращался на фронт.

Узнав о тяжелом положении нашей семьи, командующий отправил письмо в кокандский горисполком с просьбой трудоустроить Золотухину Александру Борисовну, а детей устроить в ясли. Так папин авторитет спас нас от смерти.

В 1943 году г. Ростов-на-Дону освободили от немцев. Мама стала подумывать о возвращении домой.

Вскоре вышел указ Сталина о том, что все эвакуированные после освобождения городов должны вернуться в свои дома, в противном случае квартиры будут отданы другим нуждающимся. Узнав об этом, мама пустилась в путь, несмотря на то, что ее отговаривали, да к тому же наступили холодные дни. Мы возвращались морем. Пароход был переполнен, и спали мы на палубе в холоде. По дороге я и сестра заболели корью.

Наконец мы добрались до дома. В нашей квартире были две изолированные комнаты и большая кухня, где стоял большой дубовый стол. В наше отсутствие в каждой из комнат поселились две женщины. Когда мы вер-

нулись, нас в комнаты не пустили, а поместили в холодной кухне. Там, на дубовом столе, в холоде мы ночевали в первую ночь.

На следующий день мама пошла в Военкомат с просьбой вернуть ей квартиру, как жене военнослужащего. В 24 часа квартира была освобождена. Но моя сестра Рита получила после кори осложнение на легкие. Лечить было нечем, пенициллина не было, и через некоторое время ее не стало. Мне уже тогда было 5 лет. Не передать словами страдания моей мамы. А я, когда осталась одна, настолько нервничала, что все в доме перевернула, била чашки, плакала, кричала. Моя сестренка умерла в возрасте 2-х лет.

В 1945 году папа демобилизовался, поступил на работу артистом в Ростовский театр оперетты. Мама после войны стала работать секретарем – машинисткой.

В возрасте пятидесяти четырёх лет мама умерла от тяжелой болезни. Папа, участник ВОВ, прожил долгую жизнь. Умер в 94 года.



## Высоцкая Елена

Родилась я в октябре 1934 года в Одесской области и в начале войны проживала с родителями в г. Сталино (Донецк).

Помню, как самолеты бомбили город и мы спускались в погреб. Нам повезло, что наша маленькая съемная однокомнатная квартирка оставалась цела, а рядом были разрушения. Уже была зима, когда мы эвакуировались. Помню, как было холодно в вагонах и болели люди (в вагоне было много людей). Ехали мы очень долго – месяц, два или более. Мы больше стояли, чем ехали. Были бомбежки.

Я умудрилась отстать от поезда, и отец на ходу спрыгнул, чтобы я не осталась одна. Затем он отвел меня в детприемник, и я там находилась, пока нам удалось связаться с ушедшим поездом. Я очень хорошо запомнила этот детприемник на вокзале, где мне дали 2 печеные картофелины. Я была голодна, но мне мои родители запрещали брать еду у чужих людей, т.к. это "некрасиво".

Когда мы приехали в г. Копейск Челябинской области, нас разместили в деревянном бараке. Было холодно, голодно и много болезней. Мой братик только к 3-м годам начал говорить и ходить. Родители устроилась на работу, и был кусок земли, который помог нам выжить. Я помню эти пайки хлеба, которые делились на кусочки. Я ходила в школу, и на перемене выдавали по 100 г хлеба и одну ложечку сахара. Помню, я, получив этот кусочек, принесла его домой, т.к. наша семья была без хлеба несколько дней.

Отец очень болел язвой желудка, у него были сильные обострения. Я помню, как он сидел на корточках, корчась от боли, и, чтобы работать, принимал морфий.

Дождались мы радостного для всего народа дня Победы. После войны вернулись в г. Сталино.



## **Гельман Нелля**

Мне было 5 лет, когда началась война. Мы жили в Одессе. Отец до войны был призван на плановые офицерские сборы, поэтому он не был в городе. Мама не могла эвакуироваться с заводом в организованном порядке, т.к. не могла оставить в городе свою маму и сестру с ребенком.

Согласно сложившейся обстановке – взятие Одессы было делом ближайшего времени – отцу дали грузовик и один день, чтобы вывезти семью. Он заехал за нами (мама, бабушка и я), затем на Молдаванку за маминной сестрой с сыном - ему было двенадцать лет. На все про все ушло каких-нибудь два-три часа. Понятно, что взяли с собой документы и самое, самое необходимое. Папа также заехал за своей мамой, но она ни за что не хотела уезжать, т.к. одна из ее дочерей не могла покинуть город из-за определенных обстоятельств личного характера.

Папа на коленях ее умолял, но ничего не помогло. Забегая вперед, скажу, что потом, во время оккупации,

ее выдали немцам соседи, с которыми она прожила рядом несколько десятков лет, и она погибла неизвестно где и как.

А мы в открытом кузове грузовика помчались из города. Грузовик именно мчался, т.к. вокруг уже рвались бомбы и надо было быстрее ускользнуть от этого кошмара. Я хорошо помню разрывы снарядов, огромные воронки от них, и как в ужасе бросались в стороны беженцы, шедшие пешим ходом. Не иначе, как чудом, можно считать, что при таком плотном огне мы проскочили целехонькими, и ни один снаряд не попал в нашу машину. К ночи мы приехали на какую-то станцию, где стоял одиночный товарный вагон, куда мы погрузились, а отец сразу уехал на фронт.

В товарняке было много женщин с детьми и пожилых людей. Мы в нем прожили целый месяц. И непонятно, как матери смогли там выжить и сохранить детей. Они целыми днями были в поисках еды, воды... Мой двоюродный брат все это хорошо помнит, и часто мы с ним вспоминали это.

В конце концов мы оказались в Саратове, куда был эвакуирован из Одессы завод, на котором мама работала экономистом. Завод был перепрофилирован на нужды военного времени – там выпускали "катюши". Тетя с сыном и бабушка остались в деревне под Саратовом, где было легче прожить. Но все же бабушка там умерла, т.к. у нее был диабет. Хотя мама работала, но жизнь в Саратове была очень нелегкой, особенно для мамы. Голод, холод, болезни, жили по несколько семей в одной квартире, которые часто приходилось менять.

Я ходила в детский садик, и мама, чтобы успеть на работу, вынуждена была приводить меня раньше на попечительство сторожа. За это она отдавала ему сахар, который получала на заводе. Радовалась, если на базаре могла для меня купить одну морковку, т.к. деньги были обесценены.

Заболела я корью и попала в больницу, где мама, хоть и не разрешалось, была все время рядом и не давала меня купать и переносить в сильные морозы после купания из одного помещения в другое, благодаря чему спасла меня и забрала домой, что не всем мамам удалось...

В начале 1943 года папа каким-то образом нас разыскал, приехал на пару дней и привез продукты – муку, крупу. А в конце 1943 года, после госпиталя, папе дали назначение в г. Астрахань, где было артиллерийское и пехотное военные училища. Ему дали отпуск, и папа приехал за нами. На пароходе по Волге мы переехали в Астрахань. Папа преподавал в училище, мама работала экономистом на железной дороге. Там мы уже не знали нужды.

В апреле 1944 года освободили Одессу, и мама сразу стала настаивать на возвращении. Папа взял отпуск и поехал на разведку в Одессу. Наша квартира оказалась занятой чужими людьми, и добиться ее освобождения было возможно только офицеру, мама бы с этим не справилась - тому было много примеров.

В Одессу мы с мамой перебрались в конце 1944 года. Там первое время было все не так просто. Но это уже дома!!! Помню, как день Победы мы встречали на Кули-



ковом поле, как мы все туда бежали, как кричали, обнимались, ликовали...

Папа демобилизовался в 1946 году. И началась мирная жизнь!



## **Любовь Горелик**

### *По дороге к спасению*

Мой папа, Горелик Израиль Меерович, был кадровым офицером Красной Армии. Подразделение, в котором он служил, находилось в г. Бобруйске (Могилевская обл., Белоруссия).

Моя мама, Горелик Циля Бенционовна, вместе с годовалой дочкой Майей жила в Бобруйске, в доме для семей военнослужащих. 21 июня 1941 года папа приехал из воинской части на выходные дни домой. Утром 22 июня 1941г. мама (беременная на пятом месяце) с папой и с коляской, в которой находилась Майя, вышли погулять в сквер, расположенный рядом с домом. Внезапно в воздухе появились самолеты без опознавательных знаков, поливая землю пулеметной стрельбой. Родителям здорово повезло в этот раз, потому что пули всего лишь взрыхлили клочок земли между ними, никого не задев. Счастье еще было в том, что коляска с дочкой стояла в стороне, и ее тоже обошла беда, а спустя время за папой приехал вестовой, и он отправился в часть. Больше мама его не видела. На все ее запросы во время войны и после войны она получала извещения о том, что

"Горелик Израиль Меерович пропал без вести 27 июня 1941 года".

Маму с дочкой Майей и с семьей ее старшей сестры Берты, у которой было три дочери (самой младшей семь лет), вывезли на время в ближайший лес, как было сказано, на несколько часов, пока прекратится обстрел.

Больше они в город не вернулись.

В лесу, куда их привезли, уже располагалась большая группа людей – беженцев из западной Белоруссии (в те времена Польши). В лесу они находились несколько дней без пищи, страдая от холода.

Муж Берты, который работал вторым секретарем Горкома партии и отвечал за эвакуацию города, прислал в лес машину. Всех находящихся там забрали и отвезли на ближайшую железнодорожную станцию, где их погрузили на открытые товарные платформы, и состав отправился на Восток.

Платформа, на которой находилась мама с дочкой и ее сестра с детьми, была в конце состава. Поэтому, когда на станциях поезд останавливался, они не могли добежать до места, примерно посередине состава, где организованно раздавалась пища для беженцев. Поэтому они ехали впроголодь, и все могло закончиться трагедией уже в пути, если бы не местное население на остановках, среди которых сердобольные иногда подбрасывали им пищу. Был и такой случай: на одной из станций пища, которую раздавали организованно, оказалась отравленной, и очень многие люди из первой половины состава, которым досталась эта пища, умерли.

В такой невероятно тяжелой обстановке они доехали до Тулы, где был распределительный эвакуопункт. По

их просьбе всю семью (мама с сестрой и четверо детей) отправили на Урал в г. Челябинск, где главным инженером тракторного завода работал их двоюродный брат Цезарь Фейнберг.

До Челябинска они не доехали, так как у мамы начались схватки, и на станции Политаево Челябинской области вся семья сошла с поезда.

Седьмого ноября 1941 года в медпункте этой станции я и родилась, находясь половину пути по дороге в эвакуацию под надежной защитой моей мамы.

Родилась я очень слабенькой. От голода и холода мама тоже была не в порядке. На Урале уже выпал снег, а одежда у всех была летняя, в которой ушли из дома. Из-за большой потери крови при родах маму со мной отправили в Челябинск в больницу. У неё не хватало грудного молока, и меня начали прикармливать коровьим, от которого я заболела бруцеллёзом. Необходимо было срочно сделать переливание крови. И эта процедура тоже легла на плечи и без того ослабленной моей мамы. В результате всех перипетий у нее вздулись вены на ногах так, что она не могла ходить. На одной ноге даже открылись раны, такой вот сильный развился тромбоз. С этой ногой она мучилась до самой смерти.

Но то было время, когда мама не думала о себе, она хотела любой ценой спасти меня. Интересная история произошла с моим именем. Они с папой договорились, что если будет девочка, назовут Лилия. Когда мама пришла в районный ЗАГС зарегистрировать меня, служащая сказала, что такого имени нет, это название цветка. Как мама ее ни упрашивала, она не согласилась. И тогда мама зарегистрировала меня под именем Любовь в честь

прадедушки, которого звали Лэйба. Но дома меня все звали Лилей, и я узнала о том, что у меня другое имя, только в 7 лет, когда пошла в школу.

## *В эвакуации*

Со станции Политаево все наше семейство отправили на подводах в село Томино. Село было большое. Местное население жило не в домах, а в юртах. Они занимались скотоводством и переезжали с одного места на другое. Кочевники перегоняли скот.

Цезарь Фейнберг, мамин двоюродный брат, который был главным инженером Челябинского тракторного завода, перепрофилированного на выпуск танков, распорядился отправить в Томино стройматериалы и несколько рабочих, которые построили нам дом из 5-ти комнат.

Кроме нас туда должны были прибыть еще три семьи родственников. Таким образом, было организовано подсобное хозяйство Челябинского тракторного завода, которое снабжало работников завода продуктами питания всю войну до мая 1945 года. Возглавлял это хозяйство Фридкин Евсей Кушелевич – муж старшей маминой сестры Берты.

Он по состоянию здоровья, которое было подорвано пытками еще в 1937 году в застенках КГБ г. Бобруйск, не мог пойти на фронт.

Всю свою энергию он направил на то, чтобы спасти наши семьи, а их уже было пять, помочь голодающим жителям Челябинска и тем самым дать возможность работать на полную мощь Челябинскому тракторному заводу, с конвейера которого сходили танки, так необходимые фронту.

А мы, дети, еще не совсем осознавая всю серьезность обстановки, глядя на взрослых, старались им помочь, чем могли. Всего нас было 11 детей от 1 года до 10 лет. Были распределены обязанности. Старшие дети работали в огороде – сажали, пололи, поливали. По очереди работали на кухне – чистили картошку, готовили еду на всех, убирали в доме и во дворе, заготавливали воду из речушки, передавая по цепочке ведра, воду из которых сливали в бочки.

Я была самая маленькая, стояла у бочки и тоже «переливала» воду маленьким детским ведром в бочку. Помню и такой эпизод. Зимой были сильные морозы. У нас отелилась корова. Теленочка забрали в дом, чтобы не замерз. Он был маленький и все время дрожал. Кормили его из соски молоком. Мне поручали следить за ним, чтобы не нашкодил в доме. Но однажды он умудрился побегать по всем комнатам и пожевать одежду, которая висела на вешалках прямо на стенках. Меня не ругали, но я очень плакала, т.к. не уследила за ним и не позвала старших.

Зимой 1945 года умерла наша бабушка (мамина мама). Похоронили ее в мерзлую землю. Мама и ее сестры тетя Берта и тетя Тамара очень переживали, что весной все растает и могила бабушки провалится.

### *Возвращение домой*

Пришло время, и мы стали собираться в Белоруссию, домой в Бобруйск. Местные жители уговаривали нас остаться хотя бы еще на год. Но мама была непреклонна. Она не верила, что папа погиб, несмотря на то, что на все

ее запросы о нем был один ответ – "Пропал без вести 28 июня 1941 года".

Мама говорила, если он жив, то будет искать нас в Бобруйске, куда мы вернулись в июне 1945 года. Город был почти весь разрушен. Дом, в котором до войны жили мама с папой и моей сестрой Майей, был разрушен одним из первых. Мама с нами на первых порах поселилась в квартире тети Берты, где мы в тесноте располагались на ночлег и спали на полу. У маминой тети Брохи было полдома, который во время войны оказался занят семьей полицейского. Он не хотел освобождать дом, угрожая оружием. Никто из руководства города не заступился за нашу семью. Пришлось вызвать из Москвы маминого брата Володю, который был летчиком в звании полковника.

И только после того, как он появился в своей форме с орденами, милиция занялась выселением семьи бывшего полица из этого дома.

После всех перипетий мама пошла работать, а мы с сестрой оставались одни дома, пока не открылись детские сады.

Мы часто оставались одни дома, так как мама работала бухгалтером торгового предприятия и брала дополнительную работу – проводила переучеты в магазинах.

Однажды вечером к нам в дом кто-то стал царапать. Мы были закрыты снаружи и выяснить, что там происходит, не было возможности. Решили, что это кошка. Под утро пришла мама после переучета и увидела у нас на крыльце полузамерзшую девочку. Мама открыла дверь и втащила обессиленного ребенка в дом. Звали ее Люся. Она бежала со своей мамой из Украины в поисках

пропитания, поскольку там в 1947 году был голод. По дороге ее мама умерла. Люся продолжала идти, куда глаза глядят. Она шла, падала, ползла, поднималась и снова падала. Так она добралась до Бобруйска. Она стучалась во все дома по дороге, но никто не открывал ей двери. Несмотря на то, что мы очень нуждались, мама оставила эту несчастную девочку у нас. Она была старше нас и старалась помочь маме во всем. Отводила нас поутру в детский сад и забирала вечером. Днем она ходила в школу, затем поступила в техникум. Окончила техникум, вышла замуж и уехала с мужем на Украину.

## *Становление*

Ну а мы продолжали жить в Бобруйске. Я после 7-го класса уехала в Гомель, поступила в железнодорожный техникум на экономическое отделение. После окончания техникума в 17 лет уехала по назначению в г. Кызыл-Орда в Казахстане. Отработала там 4 года, училась заочно в Ташкентском институте железнодорожного транспорта на экономическом факультете. Мама в это время поменяла нашу квартиру в Бобруйске на маленькую квартирку без всяких удобств в Минске. Я приехала к ней и окончила вечернее отделение Белорусского Института Народного хозяйства. По работе перевелась в Минское отделение железных дорог экономистом.

Впоследствии работала начальником отдела планирования в центре научных методов организации труда при Госплане Белоруссии. Занималась внедрением новых методов планирования и внедрением хозяйственного расчета на предприятиях легкой промышленности Белоруссии. В процессе подготовки к защите диссертации

опубликовала по теме книжки и брошюры. Изложенными в них методическими наработками пользовались все предприятия легкой промышленности Белоруссии.

Преподавала на курсах повышения квалификации руководящего состава Госплана БССР. Защиту диссертации все время откладывали, а в 1991 году мы решили репатриироваться в Израиль, так что защитить диссертацию мне так и не довелось.

В Израиле мы поселились в Араде, и я с первых дней, занимаясь в ульпане, параллельно участвовала в организации Института прогрессивных исследований в Араде. Мы первыми в Израиле собрали под своей крышей более ста человек с высшим образованием и аттестованных ученых и дали им возможность работать по своим профессиям.

Еще я являюсь председателем арадского отделения амуты «Пострадавшие в Холокосте» со дня ее организации.





## Елена Гришина (Шуцкевер)

### Победа не продается!

До войны мы с мамой и папой жили в большом промышленном и культурном городе Харьков. На лето меня обычно отвозили к бабушке и дедушке в маленький зеленый городок Ромны Сумской области.

В начале июня 1941года папа отвез меня в Ромны и по секрету от меня оставил подарок – большую и красивую куклу, т.к. в начале июля у меня день рождения.

Через три недели началась война. Несмотря на бронь, папа в первый же день ушел на фронт.

К моему дню рождения война гремела уже по всей Украине. Как назвать подаренную папой куклу? "Назовем Победа! – сказала бабушка – Мы победим, и папа вернется домой!"

Немцы были уже совсем близко от нашего полуеврейского городка, но власти не разрешили никому эвакуироваться – "чтобы не создавать панику". По вызову, который прислала мама из Харькова, нам чудом удалось сесть в кузов грузовой машины, которая ехала в Харьков. С собой у нас был маленький чемоданчик со сменой белья и сумка от противогаза, в которой стояла кукла Победа.

### Эвакуация

На следующий день после нашего отъезда городок был захвачен немецким десантом. Погибли все наши родственники, друзья, соседи. Лишь одна семья сумела уйти пешком.

В Харькове под бомбежками мы прожили еще около месяца, и маме удалось получить разрешение на эвакуацию. Ехали в битком набитом плацкартном вагоне, люди стояли во всех проходах и падали от изнеможения. Когда в центре вагона умер старик, его тело передавали над головами – пронести было невозможно. Чемоданы и узлы, которые мы взяли с собой, забросили в вагон, и мы нашли их на конечной станции. Но сумка с куклой Победой все время была на мне, я судорожно вцепилась в нее и не разжимала ручки.

Привезли нас на маленькую железнодорожную станцию на Южном Урале. Там не было ни жилья, ни работы, ни еды. Нас, эвакуированных, расселяли методом уплотнения в дома местных жителей. Мы – мама, тетя, бабушка, дедушка и я – жили в проходной кухне и с завистью смотрели, как хозяева готовят себе еду в большой русской печке. А у нас была только та скудная еда, которую удавалось выменять на наши вещи. Мне было всего 6 лет, но я хорошо помню, как мама отдала свое лучшее платье за одну кружку ржаной муки, из которой бабушка потом целую неделю варила нам "затируху" (мука, растертая с водой - наша единственная еда). Я так любила это мамино нарядное платье и очень плакала, когда увидела, как соседка в этом платье доила корову.

Но у местных жителей тоже было не очень много съестных припасов. Основными поставщиками муки, пшена, картошки были киргизы из окружающих аулов.

## Кукла Победа

Вещей у нас оставалось совсем мало, только то, что было необходимо, чтобы не замерзнуть в лютую, до 40 градусов, стужу при страшных степных ветрах. Как-то приехал очередной торговец, зашел в дом как хозяин и потребовал: "Давай вещи, хорошие давай!" И вдруг он увидел куклу в сумке, висящей на стене.

Светлая головка с косой, выразительное личико куклы, яркий украинский костюм на ней потрясли его.

- Куклу, давай куклу! – закричал он.

- Кукла не продается, - сказала мама, – это подарок дочке.

Но киргиз ничего не хотел слушать.

- Давай куклу! Проси, что хочешь. Мешок муки дам, пшено дам, масло дам! До весны вам еды хватит!

Мама заколебалась, обратилась ко мне: - Лялочка, может, отдадим куклу? Ведь столько еды будет!

У меня глаза наполнились слезами, но дети тогда выросли рано, и, главное, я уже хорошо знала, что такое голод.

- Ну что ж, - сказала я, - как знаешь...

И тут вышла бабушка. Маленького роста, худенькая, всегда такая тихая и немногословная. Вышла и сказала твердо, как отрезала:

- Куклу зовут Победа. Победа не продается!

Забрала куклу и спрятала ее подальше.

Всю зиму мы страшно голодали, но все-таки выжили. Мама ходила в колхоз за 5 км, привела там в порядок всю колхозную документацию, а затем помогала в коровнике – кормила скот, убирала навоз. За это получала пару кружек зерна или крупы в неделю.

Бабушка прославилась в поселке как "доктор" – она вылечила и спасла несколько младенцев, которые умирали от кровавого поноса. Спасла без лекарств, которых не было, спасла с помощью элементарной гигиены и упорядоченного питания.

В поселке никогда не было врача, люди не знали, что такое чистые руки. Прямо из хлева – за стол или к младенцу. Смерть младенца считалось естественным явлением – заболел, значит, умрет, никто их не лечил. Наша хозяйка родила 12 детей – из них выжило трое. Последнего, младшего, спасла моя бабушка. Она не была врачом, не имела образования, была обычной и любящей еврейской мамой. Местные жители ее полюбили, и стали нас подкармливать, делились тем, что у них было.

К лету жить стало легче. В поселке заработал небольшой завод, эвакуированный из Гомеля (пули, снаряды, котелки и кружки для солдат). Все пошли туда работать, получили рабочие продуктовые карточки. Нам дали землю под огород, мы вырастили на зиму картошку, лук, фасоль, огромные тыквы. До конца эвакуации мы больше не голодали, жили как все в те страшные годы.

## *Возвращение*

В 1945 году мы вернулись в Харьков. Папу демобилизовали из армии только в 1946 году. Он до войны был одним из лучших в Украине специалистов по радиосвязи, и его оставили в Калининграде налаживать радиотрансляционную сеть.

Папа был несколько раз ранен, но из госпиталей возвращался на фронт. Много раз его представляли к наградам, а за форсирование Днепра, налаживание свя-

зи и удержание плацдарма при освобождении Киева он был представлен к званию Героя Советского Союза. Но из-за очередного ранения (а может, и из-за пресловутой 5-ой графы) он получил только 2 ордена и несколько медалей, в том числе за Сталинград и за Берлин. Но здоровье его было подорвано, и он скончался, не дожив до 50 лет.

Мой отец провоевал финскую войну, а затем Отечественную от первого до последнего дня, но он не увидел, как в стране начали праздновать День Победы, не получил ни одного послевоенного памятного ордена или медали, которыми страна награждала в большом количестве ветеранов, прошедших хотя бы кусочек войны.

### *Выжили и состоялись*

Мы не только выжили, но и состоялись на зло фашистам. Папа после войны был одним из ведущих инженеров при создании первой атомной электростанции и при наладке синхрофазотрона в Дубне, главным инженером большого линейного ускорителя в Харькове.

Несмотря на полную «инвалидность по пятой графе» (мама Плоткина Циля Ехилелевна, папа Шуцкевер Янкель Шмуелевич), я в 1953 году окончила школу с золотой медалью и, благодаря этому, поступила без экзаменов на физический факультет университета. Окончив университет с красным дипломом, я, единственная из всех евреев курса, была принята на работу в Харьковский физико-технический институт (знаменитая лаборатория №1, где впервые в Советском Союзе проводились работы по расщеплению атомного ядра), где прошла вся моя научно-трудовая жизнь.

Защитив диссертацию, опубликовала в научных журналах 78 статей по тематике физика и техника низких и сверхнизких температур, физика металлов, сверхпроводимость металлов и сплавов и др. Оформила 10 изобретений, получила звание «Заслуженный изобретатель СССР» за внедрение изобретения с высоким экономическим эффектом в Космической технике (правда, как это бывало в СССР, гонорар исчез где-то в высоких сферах).

В партии не состояла никогда, а вот в ранней молодости была активной комсомолкой, честно верила в социализм, коммунизм, мечтала и старалась приносить пользу стране и людям, работала в колхозе, ездила на целину. С годами поумнела.

Вышла замуж за прекрасного человека: честного, умного, талантливого и, главное, высоко порядочного. Мы прожили вместе почти 40 лет и, к большому горю, он умер очень рано - в 63 года.

## *Израиль – конечная остановка*

После кончины мужа мы с дочерью и внучкой репатриировались в Израиль. Приехали мы в декабре 1996 года в прекрасную теплую и солнечную погоду. Когда я увидела зелень, цветы, синее небо после холодной и мрачной погоды, которую мы оставили, я сразу почувствовала, что именно о таком месте я мечтала всю жизнь, потому что всегда ненавидела холод, снег, осень и зиму. Ни у меня, ни у дочери никогда не было ностальгии, мы сразу почувствовали себя дома. Дочь по специальности преподаватель английского языка, она быстро освоила иврит (мы начали учить его ещё в Харькове) и стала преподавать английский.

Я была уже пенсионного возраста, иврит усвоила плохо, поэтому не пыталась работать по специальности, подрабатывала уходом за детьми. Меня нисколько не унижала эта работа, дети очаровательные, их родители приятные люди, я была всем довольна. Сейчас у меня тоже всё в порядке и всего хватает.

Но вернемся к кукле Победа, которая жива до сих пор. Она вернулась из эвакуации целая и невредимая. Правда, ее наряд не уцелел, сейчас она одета в другое платье.

В праздник 30-летия великой Победы моя пятилетняя дочка гордо шагала на демонстрации с куклой Победой и очень охотно рассказывала всем ее историю.

В праздник 50-летия Победы на демонстрацию с куклой Победа выходила моя пятилетняя внучка.

Кукла Победа совершила еще одно путешествие – она приехала с нами в Израиль. Ни мои родители, ни, разумеется, бабушка с дедушкой не дожили до этого радостного дня.

А кукла Победа, 74-х лет от роду, и сейчас живет и радостно встречает вместе со мной ежегодный праздник Великой Победы.



## Лев Гройсберг

Мы эвакуировались из Ростова-на-Дону 19 октября 1941 года, а в ноябре город был взят немецкими войсками в первый раз. Мне было 9 лет и я перешёл во второй класс. К сожалению, многие жители города и в первую очередь евреи не представляли себе, что ждёт их с приходом немцев. Я хорошо запомнил разговоры взрослых: «Мы помним немцев, они здесь были в 1918 году. Это культурный народ, так что особо бояться нечего».

Перед отъездом к нам приехали бежавшие из Полтавы родственники: дедушка, бабушка и тётя (жена маминого брата) с двумя детьми, моими двоюродными сёстрами 3-х и 7-ми лет. Её мужа, доцента Полтавского пединститута, с началом войны, вероятно, по доносу, арестовали «органы», после чего уже никто и никогда его не видел. Кроме родственников из Полтавы и нашей семьи (моих родителей, меня и полуторамесячного брата), к нам присоединилась мамина сестра (её муж был на фронте) с годовалой дочерью. Несмотря на бомбёжки в пути, наш поезд благополучно довёз нас до Махачкалы, где мы несколько дней ждали прибытия парохода.

Наконец, началась посадка на судно. Это оказался грузовой пароход «Профинтерн». Пассажирских кают не было, и мы все расположились на палубе. «Профинтерн» пересёк Каспийское море и доставил нас в Туркмению, в Красноводск. Помнится «военный парад» в Красноводске 7-го ноября 1941 года. Прошла примерно рота солдат в выцветших от солнца гимнастёрках без оружия.

В Красноводске нас погрузили в товарные вагоны с нарами и медленно, со многими остановками повезли



через Среднюю Азию на восток. Это был очень тяжёлый период. Помню, что однажды большой удачей была покупка на каком-то полустанке обычных подсолнечных семечек. В вагоне нары в два этажа, плотно заполненные людьми. Больные оставались лежать, заражая всех вокруг. Мёртвых подолгу оставляли в вагоне. Все наши дети, кроме моего брата, грудного ребёнка, заболели. Я заболел скарлатиной. Большие города, в том числе Ташкент, наш поезд проезжал без остановок. Конечным пунктом нашего пути была станция Чу в Джамбульской области Казахстана, где после туркменской жары нас встретили снег и мороз.

В помещении станции мы пробыли несколько дней, затем нас отвезли в предназначенное нам место проживания: село Ворошиловка Новотроицкого района, расположенного в нескольких километрах от станции. Почти сразу по прибытии две моих двоюродных сестры 1-го года и 3-х лет умерли, а я и моя 7-летняя двоюродная сестра тяжело болели. У меня скарлатина дала осложнение на почки, весь опух, направили в больницу в район-центр. Повезло, выкарабкался. Поселили нас всех оставшихся в живых, 9 человек, в одной комнате с земляным полом в доме, хозяйкой которого была узбечка. Она с 3-мя детьми занимала другую комнату. К дому примыкал довольно большой участок земли – огород. Этот огород мы весной дружно вскапывали, чтобы заработать что-то на пропитание. Кроме того, хозяйка выделила нам участок земли в 6 соток, который мы засадили картошкой.

Работали там, где была возможность что-то заработать: в колхозе, на ремонте домов, мама кому-то шила одежду. Для меня учебный год пропал, но я увлёкся чте-

нием книг. Так как «лампочка Ильича» до этого села в то время ещё не добралась, то по вечерам зажигали фитиль керосиновой коптилки, и я продолжал читать. Результат – необратимое ухудшение зрения. В следующем учебном году я пошёл в сельскую школу во второй класс.

Зимой в начале 1943-го года умер дедушка (отец мамы), ему не было ещё 63-х, но он уже несколько лет был тяжело болен и находился в состоянии депрессии. Он практически не говорил, я не помню ни одного сказанного им слова. Позже мне рассказали, что он работал кузнецом и стал активным участником революционных событий. После революции работал токарем на заводе, но с началом волны сталинского террора, первыми жертвами которого стали те, кто делал эту революцию, он, видимо, понял, что стало с идеалами революции, и впал в глубокую депрессию.

Возвращались мы из эвакуации в мае 1944-го года. Центр города Ростова-на-Дону был почти полностью разрушен, по центральной улице стояли коробки сгоревших зданий. К счастью, тот многоквартирный дом, в котором мы жили до войны, не был в центре, уцелел, и наша семья вернулась в свою коммунальную квартиру. Я продолжил учёбу в школе, но то, что меня поразило и к чему я совершенно не был готов, так это антисемитизм тех, кто оставался в городе при немцах.

Все оставшиеся в Ростове-на-Дону во время второй немецкой оккупации евреи были обманом вывезены в Змиёвскую балку и уничтожены. Я прожил в городе после войны много лет, и я не знаю ни одного еврея, оставшегося в живых после оккупации. Нацистская оккупация закончилась, но принесённое ею презрение к

евреям, которых можно так просто унижить и уничтожить, осталось на поколения. Почва для уже начавшегося государственного антисемитизма была хорошо подготовлена.

Оглядываясь сегодня в прошлое, следует объективно оценивать события того времени. Шла тяжелейшая война, Красная Армия терпела поражение за поражением, и возможности страны по обеспечению эвакуации населения и важного промышленного оборудования были весьма ограничены. Поэтому, несмотря на все невзгоды и трудности периода эвакуации, надо благодарить государство, сумевшее всё же организовать как транспортировку на большие расстояния огромного количества людей, так и их размещение в новых местах проживания. В качестве альтернативного примера можно вспомнить ситуацию в Израиле во время второй ливанской войны, когда весь север страны подвергался непрерывным ракетным обстрелам.

Многие были вынуждены либо скрываться в бомбоубежищах, либо, у кого была такая возможность, уехать к своим родственникам или друзьям на юг. И хотя ситуация в Израиле в тот период не идёт ни в какое сравнение с той тяжелейшей, в которой оказался СССР в 1941-42 годах, тогдашнее правительство Израиля не предприняло необходимых усилий для эвакуации людей в более безопасные места. Только российско-еврейский олигарх Аркадий Гайдамак на свои деньги осуществил эвакуацию большого количества людей из-под обстрелов в организованный им специальный лагерь с жильём и питанием.



## Фрида Гройсберг

### Мы бежали из Сталинграда

Я, Гройсберг (урожд. Идельчук) Фрида Яковлевна, родилась в г.Сталинград. Мои родители – Минкина Слава Давыдовна и Идельчук Яков Иделевич - оба работали на Сталинградском тракторном заводе.

Мне не было 9 лет, когда я с мамой в августе 1942 года бежала из Сталинграда. Нам чудом удалось втиснуться в кузов грузовика, где уже было полно женщин и детей. Так мы доехали до берега Волги. Вокруг грохотали орудийные залпы, в Волгу падали горящие самолёты (не знаю, чьи). До сих пор эта картина чётко стоит у меня перед глазами. Под покровом ночи военные стали переправлять женщин и детей на лодках на другой берег Волги, где не было немцев.

Какой это был кошмар! Темнота, грохот, крики, плач детей, давка, выстрелы военных из пистолетов в воздух для успокоения толпы. В конце концов мы переправились на другой берег реки, где не было немцев, без вещей, без еды. Только помню, что у нас был коричневый бидончик для воды. Бродили мы с мамой по какому-то маленькому лесочку. Кто-то нам что-то давал покушать. А потом каким-то образом нас нашёл папа (он был невоеннообязанным). Какая это была радость! Как ему удалось переправиться на лодке с кое-какими вещами, не знаю. Втроём мы куда-то шли долго. Спали ночью прямо на земле. Какой-то ночью у нас украли чемодан с вещами (большая ценность!). Сколько времени мы шли, не помню. Но мы всё-таки добрались до причала! Нам посчастливилось сесть на грузовое судно. На палубе бы-

ло полно народу. Дождавшись ночи, мы под шквальным огнём поплыли по Волге.

Через какое-то время добрались до железнодорожной станции и сели в товарный поезд. Родители оставили меня в вагоне, где находилось ещё много людей. А сами, получив эвакуационные листы, отправились искать, где можно по ним получить хлеб и ещё что-нибудь. Через какое-то время наш состав тронулся, а родители не вернулись. И вот я еду сама. Я и сейчас прекрасно помню, что меня волновал вопрос, как я одна смогу выйти из поезда с вещами. А вот почему я не беспокоилась о том, где мои мама и папа, куда я еду, сколько времени буду в пути, - ответа не знаю. На первой же остановке родители вернулись в вагон.

Так начался наш долгий путь в теплушках. Когда немцы начинали бомбить состав, мы выбегали из вагона и бежали куда-нибудь спрятаться. Я помню, как я кричала: «Мамочка, бежим! Мамочка, бежим!» Мне было очень страшно. Когда проехали линию фронта, начались новые трудности. Поезд шёл без расписания. Люди не знали, сколько времени продлится стоянка – минуты или часы. За это время нужно было раздобыть воду и сварить еду тут же на костре возле поезда. А бывало и такое, к сожалению, что сваренную пищу приходилось выливать и бежать с пустой кастрюлей за едва тронувшимся поездом. Когда ещё будет остановка, когда удастся поесть, было неизвестно. Вспоминается такой эпизод. Объявили, что стоянка будет несколько часов. Папа отправился искать какую-нибудь деревню, чтобы обменять вещи на спички, соль, хлеб, еду. А наш поезд отправился раньше времени, и папа отстал от поезда.

Только через несколько дней папа догнал наш поезд. Почти на каждой остановке вели борьбу со вшами. Сколько их было! Помню, как на одной остановке нам устроили баню. Сначала мылись женщины и дети, а вещи подвергались дезинфекции. После женщин мылись мужчины. Когда мылась последняя партия мужчин, объявили, что поезд отправляется. И мужчины были вынуждены голыми бежать за уходящим поездом.

А вот приятный момент. Папа где-то раздобыл банку каймака. Я тогда впервые услышала это слово и узнала вкус каймака. Что это была за вкуснятина! Эта банка каймака у меня и сейчас перед глазами. Думаю, что мы тогда проезжали по Средней Азии.

Вот я постаралась вспомнить некоторые эпизоды нашего бегства или путешествия. Началось всё в августе 1942 года в Сталинграде, а закончилось 7 ноября 1942 в Барнауле. Это уже другая жизнь, новые трудности, испытания, горе и утраты.

Приехали мы в Барнаул 7 ноября 1942 года. Был уже снег, мороз, а у нас не было тёплой одежды. В школу во второй класс я не пошла, так как мне не в чем было идти. Угол комнаты, который нам выделила хозяйка, не отапливался. Спали мы втроём на полу. Вода в ведре замерзала. Отец 10 км шел пешком на работу до завода и 10 км обратно без тёплой одежды и обуви. По выходным дням родители, закутавшись в одеяла, шли на железнодорожный вокзал, чтобы там раздобыть какую-нибудь похлёбку и кипяток. Очень тяжёлая была первая зима, но мы чудом выжили. Во вторую зиму папа заболел. Он отморозил ногу, и у него началась гангрена. Отец долго лежал в больнице, ему делали операцию. 29 декабря

1943 года мой папа скончался от дистрофии и эмфиземы лёгких. Для похорон отца маме выделили подводу с быком. И на этой подводе мама одна везла гроб на кладбище. Материальное положение нашей семьи, естественно, ухудшилось. Не помню, как мы питались, как одевались. В сентябре 1943 года я уже пошла во второй класс. После смерти отца нас постигло ещё одно горе. Мамины родители (мои бабушка и дедушка) были уничтожены в Змеёвской балке в городе Ростове-на-Дону немцами.

В 1944 году нам дали комнату в коммунальной квартире. Соседей было много. Это были коренные барнаульцы. Они частенько меня чем-нибудь подкармливали. Я была очень худая. Зима для нас опять была испытанием. У нас не было угля, чтобы отапливать комнату. Мама, уходя на работу, оставляла мне деньги для покупки 4-5 поленьев дров на рынке. Этими дровами мы вечером обогревались. У нас не было электролампы, я выходила в общий коридор, где горел свет, и делала уроки или читала. Хлеб по карточкам всегда покупала я.

В 1944 г. нас ждал ещё один удар. Мама получила извещение, что её брат, Минкин Бер Давыдович, пропал без вести в Польше, а его маленький сын умер в эвакуации. Сплошные утраты. Как мама всё это выдержала? Не знаю. Может, потому она рано ушла из жизни. Пережили мы с мамой зиму 1944-1945гг. В августе 1945г. мы покинули Барнаул. Закончилась война. Закончилась наша эвакуация.



## **Гуревич Этя Семеновна (1909 – 2011)**

К сожалению, бабушки уже нет в живых. Информацию о военных годах, которые пережило ее семейство, я, ее внучка Шошана, собирала по крупицам – кое-что из собственных бесед с бабушкой, кое-что от мамы и др. родственников.

До войны бабушка жила в Минске. Она была одной из младших дочерей в большом и дружном семействе. Отец бабушки, Семен Палей, изготавливал кожаный верх обуви, и его работа очень ценилась. Он был репрессирован по ложному доносу, но к моменту начала войны уже вернулся в Минск, где жили почти все его дети.

У Палеев было 9 детей. Мать бабушки была известна своими добрыми делами, ее знали все бедняки в округе. Семья соблюдала заповеди, насколько это было возможно. Но все дети Палеев, получив "воспитание" советской образовательной системы, были светскими.

Бабушка вышла замуж за парня-сироту Бориса Гуревича, который с детства работал в типографии, чтобы прокормить мать и сестер. Ему не довелось учиться в школе, но в типографии он самостоятельно выучил буквы и освоил грамоту, а затем и другие дисциплины. Ему удалось поступить в ВУЗ на Рабфак, и он приобрел специальность экономиста.

В 1941 г. моей маме Инне исполнилось 2 года. Ее старшей сестре Розе было на тот момент 7 лет. Минск начали бомбить почти сразу после начала войны. Дедушка Борис имел бронь ответственного госслужащего, но сразу побежал в военкомат, сказав бабушке: "Не беспокойся, я скоро вернусь". Видимо, он рассчитывал, что



ему разрешат зайти домой и собрать вещи, но прямо из военкомата его отправили на фронт.

Очень быстро стало понятным, что оставаться в Минске очень опасно. Бабушкин отец, переживший Первую мировую войну, собрал детей и сказал: "Надо бежать. Скоро город будет захвачен". Но бабушка Этя сопротивлялась.

- Борис сказал, что он скоро вернется! Я не могу уехать, я должна его дожидаться!

- Борис будет благодарен тебе, если ты спасешь детей, - возражал ее отец.

Только через пару дней, поняв, что ждать мужа бессмысленно, бабушка согласилась бежать. Это была действительно последняя возможность. Через несколько дней Минск был захвачен, и все евреи, оставшиеся в городе, погибли.

Мама вспоминала, что сначала перемещались пешком, и семилетняя Роза, которой приходилось бежать своими ножками, то и дело падала, разбивала коленки, плакала, несколько раз терялась в толпе беженцев, но каждый раз бабушка находила ее.

На каком-то полустанке их посадили в поезд. В дороге не было еды и других необходимых вещей. В довершение всего, бабушка забыла в Минске все документы.

Как и многие дети беженцев, моя мама подхватила в поезде тиф и болела очень тяжело. На какой-то станции бабушке посоветовали отнести ребенка в местную больницу – там по крайней мере давали еду. Придя в больницу, бабушка вдруг увидела знакомое лицо. Оказалось, что очень хороший друг дедушки Бориса работает в этой больнице главврачом!

- Ребенок Бориса не умрет. Я ручаюсь, - сказал этот человек и сдержал свое слово.

Конечным пунктом эвакуации оказался город Алма-Ата, где уже находилась бабушкина старшая сестра Хина. Она была женой полковника, поэтому ей дали комнату и устроили работать в детский сад. В эту комнатку, где не было никакой мебели, кроме стола, она подселила сестру и племяшек. Благодаря свидетельству Хины бабушке и детям восстановили утерянные документы, после чего бабушку взяли на работу в тот же детский садик завхозом. Кроме этого, бабушка замечательно шила, и местные жительницы заказывали ей наряды. Все это давало возможность прожить.

Хуже всех эвакуацию перенесла Роза. Первый год в Алма-Ате она почти все время лежала и очень тяжело болела, в том числе брюшным тифом. Врачи говорили – "акклиматизация". Дети выжили буквально чудом. Мама вспоминает, что кроватей в их комнате не было, и летом они спали на мокрых простынях, спасаясь от жары. А мама больше всего любила уползать под стол и засыпать там на газетах.

Зимой бабушка брала осла и ездил в степь за саксаулом. Привозила дерево, которое нужно было распилить на дрова, а никаких приспособлений для этого не было. Дерево клали на две табуретки, на которые усаживались поверх дерева маленькие дети – моя мама и дочка Хины, которые удерживали полено, пока женщины его распиливали. Под место распила клали газеты, чтобы не пропали даже опилки.

Ближе к концу войны Хина чудесным образом встрети-лась с Борисом, находясь в другом городе. Он с груп-

пой солдат возвращался из госпиталя на фронт. Узнав, что семья голодает, Борис отдал Хине свой солдатский паек, и его примеру тут же последовали другие солдаты. Набрался большой мешок еды, целое состояние по тем временам! Хина привезла мешок домой и поделилась радостью с соседями. Детям дали попробовать немного "вкуснятины", а остальное спустили в погреб, про запас. Но назавтра мешка там уже не было. А в стене погреба зияла дыра от подкопа.

Дедушка перенес три ранения, в том числе одно тяжелое, но каждый раз возвращался в строй. Он дошел до Берлина и вернулся с победой. Несмотря на ранения, которые тянули на инвалидность 1-й группы, дедушка не только не претендовал на инвалидность, но проработал до последних дней жизни, прожив 82 года.

Как только война закончилась, бабушка с дочками вернулись в Минск. Их дом чудом уцелел, но квартира была занята. Бабушка пожалела семью, расположившуюся в их квартире, и отдала им одну из двух комнат, хотя эти люди бесцеремонно захватили все имущество, которое оставалось в квартире. Мать этого семейства, несколько не стесняясь, носила бабушкино пальто. Они оказались еще и неблагодарными: пользуясь беззащитностью нашей семьи в отсутствие дедушки, третировали хозяев квартиры, вплоть до того, что загородили шкафом дверь в их комнату, так что наши были вынуждены пользоваться окном вместо входной двери. Когда в 1946 г. вернулся дедушка, он надел свои боевые награды и обратился в милицию за справедливостью. При этом выяснилось, что отец вселившегося семейства был полицаем, и, вероятно, участвовал в уничтожении евреев.

После войны у бабушки с дедушкой родилась еще одна дочка. Потом пошли внуки. А в 1995 году, уже после смерти мужа и старшей дочери, Этя Семеновна Гуревич в возрасте 86 лет репатриировалась в Израиль. Поселилась у старшей внучки в г. Арад.

Бабушка оставила после себя 6 внуков и 16 правнуков. После смерти бабушки родилась еще и праправнучка, которая живет в г. Арад.

Один из внуков Эти Семеновны, Дмитрий Богачев, стал основателем и продюсером московского театра "Норд-Ост". В 2011 году он приезжал в Арад – к сожалению, не с гастролями, а на похороны любимой бабушки.



### **Енукова (Зейгер) Шеля Моисеевна**

Родилась я в Румынии, в городе Яссы, 24 апреля 1936 года. В 1940 году наша семья переехала в Молдавию, в город Бельцы.

Когда началась война, мы должны были срочно эвакуироваться. Пришлось бросить квартиру, имущество, взяли только самое необходимое. Все жители города бежали к Днестру, где была переправа. По дороге несколько раз пережили налеты и прятались от бомб, как кто мог. У переправы на реке собралась огромная толпа народу. Ждали лодку, которая должна была перевезти всех на другой берег.

Наконец лодка пришла, и маме с четырьмя детьми удалось, хоть и с трудом, на нее пробраться.

Лодка оказалась переполненной и перевернулась. Все стали тонуть, но нас спасли, притом, что все вещи и документы пропали ...

Отца с нами не было - его забрали на фронт. А тут еще заболела наша мама... Полураздетые и голодные, мы переходили из поезда в поезд и наконец добрались до города Бухара в Узбекистане.

Нам дали маленькую комнатку без полов и потолка. Мама продолжала тяжело болеть, и мы, чтобы не умереть с голоду, ходили попрошайничать. Вечером ложились, как кутята, прижимаясь друг к другу, и так засыпали. Так мы жили, пока мама была жива...

Когда маму похоронили, мы пошли в город. У нас не было ни документов, ни вещей. Мы мерзли, голодали, перебивались тем, что выпросим. Наконец нас подобрали и отправили в приемник-распределитель, оттуда в детский дом № 12 города Бухара.

Нам выдали новые документы, старших сестер отправили учиться в ФЗУ города Ташкент. Позже и меня отправили в столицу Узбекистана, где я училась и закончила среднюю школу в 1950 году, после чего началась моя трудовая деятельность. Работала в детском саду, в пионерских лагерях и снова пошла учиться. Закончив педагогические курсы, пришла работать в школу.

Недоедание, нервное напряжение, неустроенность в детстве и юности до сих пор сказываются на моем здоровье - у меня целый букет болезней!

Я замужем, у меня трое детей. Дочки живут в Израиле, а сын – в Канаде. У всех свои семьи.



## Каплан Любовь

### Не только ужасы, но и горькое разочарование

В деревне Затишье моя свекровь оказалась свидетельницей зверства фашистов в первый же день оккупации их села. В центре села была большая клуня - крытый загон для скота, куда его загоняли во время непогоды.

Немцы, которые остановились в селе, первым делом собрали весь скот в клуне и не подпускали к воротам никого из деревенских.

Так наступил вечер, в коровы стояли не доенные, без питья и еды, что грозило им гибелью. Взрослые мужчины стремились спасти скот, но как только они приближались к охране, немцы сразу же начинали стрелять. Колхозники не расходились и пытались придумать что-нибудь, как помочь животным. Но что может сделать лопата против автомата?! Тем временем немцам понравилась эта "игра" – безнаказанно стрелять по безоружным.

Для спасения скота нужно было всего лишь проделать щель в заграждении и подсветить, дав направление, и коровы пошли бы на огонек сами, проложив себе дорогу. Но сделать это никто не смог.

Один молодой парень все же отважился приблизиться к загону, и мгновенно был сражен. Немец, стоящий ближе всех к клуни, схватил косу и снес ею голову парнишки на глазах его матери и невесты. Народ не сдвинулся с места. Прошло уже столько лет, а этот ужас не покидает нас.

Колхозники (украинцы, русские, евреи) все до войны жили в этом селе как одна семья.

Но, после окончания войны, вернувшиеся старожилы, обнаружили, что их дома в деревне заняты другими жильцами, которые не собирались их освобождать.

И вот старшее поколение односельчан во второй раз вынуждены были оставить свое жилье, скот и уйти навсегда.

Деревня Затишье со своей колокольной живет своей жизнью, как живой памятник и по сегодняшний день. Так же живут и близлежащие деревни: Волноваха, Златоусовка и др.



## **Козлов Михаил Абрамович**

Я родом из Белоруссии. Родился 24 мая 1935г. До войны семья проживала в селе Лобжа Климовичского района Могилевской области.

В первые же дни войны отец был призван в армию. Встретились мы с ним в конце 1945 года, после того как он был демобилизован.

Мы, мама, бабушка (мамина мама), мой брат и тетя Сара – жена младшего брата отца, эвакуировались последним поездом.

Лето и осень мы жили в Ростовской области. В конце октября нас эвакуировали в г. Сталинград. От Ростова до Сталинграда ехали в товарных вагонах больше месяца. В Сальске попали под бомбежку. Половина состава нашего поезда была разбита. Зиму 1941-1942 годов мы прожили в Сталинграде. Запомнился Новый 1942 год. Нам, детсадовцам, дали по дольке апельсина. Сейчас, конечно,

можно хмыкнуть по этому поводу, но в то время – апельсин... - это было нечто, тем более для простого ребенка.

В Сталинграде похоронили бабушку. Уже весной 1942 года нас с мамой и братом эвакуировали в село Лиговка Горно-Белоклеевского района Сталинградской области.

Тетя Сара осталась в Сталинграде и была включена в трудовую армию. Больше мы ее не видели.

Мама работала в колхозе на полевых работах. Там часто они наблюдали воздушные бои. Фашисты из пулеметов пытались с воздуха их достать тоже, обстреливая поля.

В апреле 1944 года мы с мамой и братом вернулись в родную деревню. Из-за войны я пошел в школу на год позже, а из-за службы в Армии на три года позже поступил в институт.

Репатриировался в Израиль в 1995 году.



## **Козлова Александра Владимировна**

Я родилась в 1924 году и перед войной жила с родителями в Днепропетровске. Отец - подполковник медицинской службы, мама – врач. В первые дни войны школьников, окончивших 9-й класс, отправили в колхоз убирать урожай. Поэтому первые бомбежки мы пережили в поле, прячась в снопах.



Когда мы вернулись домой, жильцы нашего дома уже эвакуировались, а мама и мой 10-летний брат ждали меня, поэтому в поезд удалось попасть с большим трудом в числе последних. Это был товарняк, из которого вывели скот и приспособили для нас. Наш поезд называли "500-веселый" (*так называли плохо оборудованные, медленно идущие без четкого расписания поезда – ред.*). Мы выехали из города по понтонному мосту, так как основные ж-д пути были уже уничтожены бомбежкой. В вагонах находились в основном женщины и дети и спали все на нарах, покрытых соломой. На остановках дети, кто постарше, и я в их числе, бегали добывать воду и продукты. Уже вскоре мы узнали, что Днепропетровск занят немцами. Ехали мы больше месяца. Наконец, прибыли в город Молотов (Пермь), а оттуда нас послали на юго-восток Пермского края в село Уинск, районный центр в восьмидесяти километрах от ближайшей железной дороги.

У хозяйки, к которой нас подселили, у самой была куча детей. В школу я пошла учиться в 10-й класс и, что интересно, одновременно преподавала математику в девятом классе, так как в школе не было учителя по этому предмету, наверное, ушел на фронт.

В Уинске мы были первыми эвакуированными и нас там очень тепло и дружелюбно принимали - подкармливали, подлечивали...

С отцом связи не было с самого начала войны. В декабре месяце нам удалось разыскать папиного брата и бабушку, которые вместе с заводом эвакуировались из Москвы в город Касли, и мы с мамой туда переехали и

жили все вместе в одной комнате с хозяйкой и ее детьми. Жили в тесноте, без света, денег и нормальной еды.

Уже в Каслях мы узнали о страшной судьбе наших родных - в числе большой группы евреев они были заживо закопаны в землю...

Десятый класс я закончила уже в Каслях, после чего работала на чугунно-литейном заводе. Работали мы по 12 часов ночью, а днем я еще работала в ОТК, проверяла стабилизаторы для ракет. Закончив в 1943 году школу с золотым аттестатом зрелости, меня приняли без экзаменов в Уральский индустриальный институт в г. Свердловск.

Жили в общеаге, бывшей когда-то лекционной комнатой. Нас было 27 человек, спали на двухэтажных нарах. Ночами работали на овощной базе. Я занялась спортом и выступала за сборную института по гимнастике, получив 2-ой разряд. Выдержала все трудности и в 1948 году окончила институт, вышла замуж за сокурсника и вот уже 66 лет мы вместе. В 2000 году мы переехали в Израиль. У нас двое взрослых детей, три внука и восемь правнуков. Все годы я хожу в клуб "Самовар", пою, танцую!

Благодаря этому дожила до 91 года!



## Нина Кушнер

### Война – это проклятье

Всему, что есть у меня, я обязана своим родителям.

*И все, кого сердце мое не забудет,  
Но кого нигде почему-то нет...  
И страшные дети, которых не будет,  
Которым не будет двадцать лет,  
А было восемь, а девять было,  
А было... – Довольно, не мучь себя,  
И все, кого ты вправду любила,  
Живыми останутся для тебя*

Анна Ахматова

Родилась я в Москве - городе, в котором судьба свела моих родителей, прибывших в двадцатые годы из Украины. Мама, Лариса (Хайя) Марковна Днепровна, с бабушкой перебрались в Москву из маленького украинского городка Золотоноши Полтавской губернии, а папа, Фильцер Моисей (Михаил), родившись в г. Александров (ныне Запорожье), в четырнадцать лет, чтобы не быть обузой, покинул многодетную семью и через ФЗУ устроился в Москве на завод. Впоследствии он участвовал в создании первого советского автомобиля ЗИЛ (ЗИС), пройдя перед этим стажировку в г. Детройт на заводах Форда. На этом заводе папа проработал сорок три года до самой пенсии. Мама, закончив МГУ, сначала работала следователем, а затем двадцать пять лет на нашем родном заводе экономистом.

В июне 1941 года началась война. Война – это страшное проклятье. Мне было пять лет, моему брату – десять. Хорошо помню первые бомбежки. Каждую ночь мы спускались в бомбоубежище (подвал нашего дома). Над головой в небе гремели, гудели, грохотали самолеты, сверкали молнии от падающих бомб. А утром мы с мамой шили мешочки (на 1 кг), наполняли их песком и относили на чердак. Команды противовоздушной обороны гасили этими мешочками фугаски во время ночных бомбежек.

Потом мы с мамой и братом эвакуировались на пароходе по Волге до Саратова. Помню, как, стоя у окна на пароходе, мы видели пикирующие бомбардировщики и бесконечно падающие в Волгу бомбы. Бомбы падали на лодки и пароходы. Но нас чудом миновала эта напасть.

Папа остался на заводе в Москве, но в первые же дни войны пошел в военкомат – хотел уйти добровольцем на фронт (как и его два брата), но ему отказали. Завод прислал бронь на специалистов, которые нужны были на заводе, чтобы создавать технику для фронта.

В детстве я мало ела и была очень маленькая и худенькая. А в новой обстановке – тем более. По приезде в Саратов маму мобилизовали на трудовой фронт – рыть окопы, а нас определили в пионерский лагерь. Стояла лютая зима. Мама в окопах обморозила и лицо, и руки, и ноги, и ее освободили от этой обязанности. Я тяжело заболела – коклюш и двустороннее воспаление легких одновременно. До сих пор помню, как я заходила кашлем – до рвоты. А потом от голода и ослабления развилась тяжелая болезнь, что-то вроде воспаления брюшины, и меня забрали в больницу. Помню, лежу все

время на спине, а живот опухший, вздутый, как гора, за ним ничего не видно, повернуться невозможно. В то время мама еще была на окопах, и я была там совсем одна.

А в это время в Москве решили эвакуировать наш автозавод на Урал, и папе по дороге с большим трудом удалось забрать нас, заехав в Саратов. Но меня не отдавали из больницы, говорили, что я не доеду и умру по дороге. Папа с большим трудом "под расписку" вырвал меня из этой больницы. Помню, когда я болела, в первые дни в Саратове мы с мамой выходили на улицу, а там люди стояли и продавали все, что могли, из вещей. Это были немцы Поволжья, которых выселяли в Сибирь и в Казахстан. Зрелище, надо сказать, тяжкое. Слава Б-гу, спустя 40 лет после войны многие из них смогли вернуться на родину в Германию.

Из Саратова с папой мы ехали в теплушке (товарный вагон), долго добирались до Урала, стояли на запасных путях по несколько дней, пропуская железнодорожные составы на Запад (на фронт). Есть было нечего.

Добрались мы до места в районе станции Миасс Челябинской области поздней осенью, тогда уже выпал снег.

Первое время жили мы в бараке. Маленький поселок стоял в тайге. Завозили заводское оборудование, открывали ящики, из этих досок строили навесы, а под ними монтировали станки и налаживали производство. Вначале это были запчасти для Челябинского тракторного завода, который перестроился на выпуск танков Т-34, а уже через какое-то время навесы из досок "обшивали"

досками из деревьев, которые тут же рубили, освобождая площадку. И все это в лютые морозы и ветры.

И вот уже наконец наладили производство, стали отправлять на фронт первые грузовики. А мы, дети, ходили смотреть на все это, как строили завод, как работала лесопилка. Летом там же мы собирали траву, щавель... Мама была на рядовой работе, она возвращалась домой каждый день, а папа был в руководстве производства, мы не видели его неделями. Он не уходил с завода, работа была круглосуточная, немного удавалось подремать и снова "в бой" на конвейер. Я практически папу во время войны и не видела, и не помню.

Помню сводки по радио: как на фронтах, тревожный голос Левитана, страстные очерки в газетах Ильи Эренбурга, Давида Заславского.

Я тогда еще не умела читать их, но наша бабушка пересказывала нам содержание и объясняла, что было непонятным.

Пришло время, и я пошла в школу. Учились мы в третью смену – от раннего вечера до позднего. Зимой в метель, пургу, ходили далеко, в темноте возвращались домой. Встречать было некому.

Ясно помню очереди, когда на руках писали номера. Стояли сутками, чтобы получить по карточкам хлеб, мыло, спички...

Спустя какое-то время на улице появились колонны военнопленных немцев.

Плохо одетые (а морозы стояли лютые - до 45 градусов), они выглядели замерзшими и несчастными.

Но вот наконец наступил долгожданный день Победы! Война окончена!!!

Мы прожили там до весны 1947 года. Мама и папа работали все время на заводе, но папу не отпускали. Это уже был завод – УралЗИС – Уральский автомобильный завод им. Сталина.

И только в апреле 1947 года мы вернулись в Москву. Но квартира наша была занята чужими людьми, и мы скитались по родственникам. Тогда москвичи жили очень тесно, семья 5-6 человек в одной комнате, в коммунальной квартире. А тут еще наша семья из 6 человек (на Урале у нас родился братик)!

Но потом папа получил на заводе квартиру, и мы перебрались туда. И тогда началась новая мирная жизнь с трудностями того времени!



## **Лейтес (Золотарева) Аэлита Иосифовна**

В 1941 году мы с мамой, Раисой Ильиничной Палей (1904г. рождения), жили в городе Великие Луки, в самом центре, на площади Ленина, в новом доме № 1, на пятом этаже. Мне 12 с половиной лет, маме 36 лет!! Отец, Золотарев Иосиф Маркович, жил в другом городе.

Война грянула, когда были летние каникулы у школьников. 22 июня мы с ребятами рано утром ушли в поход за город и вернулись к обеду.

Во дворе застали наших родителей и соседей в слезах и волнении. По радио из репродуктора все слушали речь Молотова о нападении немцев на СССР.

Так мы узнали о начале войны. Взрослые возмущались, плакали, многие из них еще не забыли и знали, что такое война. Мы, дети, с удивлением наблюдали за происходящим.

*«Мы же немцев сразу разобьем на их земле! Красная армия всех сильнее!»* Никто из нас не предполагал, что станет с городом, с нами, со страной.

Как позже стало ясно, никакого плана спасения населения в городе не было. Правда, кое-где в городе рыли окопы. Началась мобилизация. Через город в июле проезжали автобусы с напуганными, полуодетыми людьми из Прибалтики, останавливались на площади. Мы бегали и приносили им воду, еду. «Эта Прибалтика так далека!» - думали мы. Не было разговоров, что и мы побежим. Ночью автобусы уезжали дальше.

К середине июля начались налеты на город немецких самолетов. Разбомбили электростанцию, вагоноремонтный завод, склады, больницу. Самолеты пролетали над крышей нашего дома. На чердаке сидел один пулеметчик с пулеметом. Народ самостоятельно начал уезжать куда подальше на Восток.

Мама выпустила свой 10 класс и была в отпуске. Как члену партии, ей разрешили уехать. К тому времени просачивались в горькое слухи о том, что творят немцы с евреями и коммунистами.

Мама собрала в чемоданчик летние нарядные вещи, взяла партбилет. Словно едем в отпуск!

Купить билеты невозможно, предложили товарные "телячьи" вагоны с нарами. И они были переполнены. Мы направились в областной город Калинин (ныне Тверь) переждать налеты немцев. По дороге ночью, ко-



гда наш состав бомбили, все разбежались и залегли кто где, но ни одна бомба не попала в поезд.

В Калининe нам настоятельно посоветовали ехать дальше и поскорее. И мы пошли водным путем по Волге. В дороге нас поджидали приключения, включая пересадку с парохода на баржу. Так добрались до Горького, где впервые поели досыта.

К этому времени появилось новое определение нашей судьбы, и беженцев стали называть «эвакуированные». В городе Горьком таких не оставляли, а распределяли по области.

Маму направили в село Ковернино работать в школе историком на место ушедшего на фронт учителя. Село это расположено на расстоянии 60 км от Волги и столько же от железной дороги. Там со всеми трудностями военного времени мы прожили до 1944.

Холод, голод, лесозаготовки, работа в поле, неизвестность, похоронки, слезы и горе и мы среди этого ужаса. В школу меня приняли условно в 6-й класс. Документов об окончании 5-го класса не было, как и свидетельства о рождении и других нужных бумаг. Свои документы о высшем образовании мама восстановила по запросу из московского архива. Всё осталось и сгорело в Великих Луках.

Маме так и не пришлось надеть свои наряды из чемоданчика. Все ушло в обмен на муку и картошку. Как мы смогли продержаться, знает только моя мама с ее деятельным и твердым характером. Все жили ожиданием окончания войны и пристально просматривали сводки в газетах и слушали сообщения по радио о боях и локальных победах.

Мы, городские жители, научились и освоили деревенский труд. Более подробное описание перенесенных бед заняло бы очень много страниц. В любом случае чудо, что мы выжили в условиях, когда «все для фронта, все для победы!»

Летом 1944 года в школьные каникулы мама через обком компартии г. Калинин получила документы, согласно которым можно было возвращаться домой. Называлось это реэвакуация.

Область уже была освобождена от фашистов. С большим трудом добрались до г. Калинин. Там узнали, что наши Великие Луки разрушены на 90% и дом, в котором мы жили, больше не существует. В качестве жилья - лишь землянки и временные бараки.

Но не было не только жилья – не было ни школ, ни работы. Маму направили в город Кашин. Там было хоть и плохое жилье, но под крышей, а также работа и школа для меня. И вновь холод, голод, бедствия, собственно как у всех вокруг, как и во всей стране.

В Кашине встретили 9-е мая. День Победы!!! Какое было ликование, единение, радость и слезы!!! На площади собрался весь город, был митинг, играл оркестр, выступали ораторы. Трудно описать охватившую нас всех радость.

В Великие Луки мы так и не вернулись. Я после школы уехала в Ленинград на учебу, мама же прожила в Кашине до последних своих дней.



## Лобачевская Анна

Жили на Украине в г. Запорожье. Когда началась война, мне было почти 4 года. Отца сразу призвали в армию, а город вскоре стал прифронтовой зоной, т.к. фашисты, захватив остров Хортица, оттуда прямой наводкой обстреливали город и железнодорожную станцию. В городе создалось тяжелое положение: не стало воды и света. И началась эвакуация оборудования заводов.

Мама в это время замещала директора школы. На ней была вся материальная часть школы и дети, у которых не было родителей, поэтому бросить их и уехать она не могла. В городском отделе образования говорили, что война скоро завершится и до Запорожья не дойдет. Но очень быстро стало понятным, что это не так.

Когда стало возможным для мамы уехать, уже все, что можно, в основном было эвакуировано, и из города уходил последний эшелон. Поэтому с большим трудом удалось на него попасть.

На станции Передаточная нас впервые настигла бомбардировка. Впоследствии это повторилось еще несколько раз. Когда эшелон загорелся и пламя охватило весь состав, все побежали к лесопосадке. Вернувшись после налета, мы увидели страшную картину. На земле много трупов. На фоне догоравших вагонов кругом бежали раненые и обгоревшие люди. Все кричали. Матери звали своих детей, а дети матерей. Я очень испугалась и потеряла дар речи. В результате не разговаривала до пяти лет. Этот эпизод остался в моем детском сознании на всю жизнь и до сих пор часто мне снится.

Мы к тому же остались без вещей и документов. Выжившие начали собираться в отряд, после чего двинулись на Восток.

Несколько дней канонада слышалась позади, а потом стала слышна впереди и вскоре все стихло. Стало ясно, что мы оказались на оккупированной территории. Шли только ночами по бездорожью, по пахотной земле, а днем прятались. Иногда заходили в села, где с нами делились скромной едой. Скоро в селах стали появляться немецкие солдаты, из-за чего стало опасно в них заходить.

В конце августа ночи стали холодные, пошли дожди, а тут еще и одежда стала рваться.

В сентябре я сильно заболела и ночью, проходя мимо села, мама решилась тайком в него пробраться, так чтобы никто не видел. Приютила нас женщина, у которой было двое своих детей чуть старше меня, а муж был на фронте. Днем мы прятались в погребе и выходили только ночью.

Так мы прожили больше двух месяцев, т.к. немцев в селе не было. Однажды в дом неожиданно зашел староста, которому хозяйка объяснила, что мы ее родственники. Узнав, что мама учительница немецкого языка, он взял ее на работу в комендатуру. Здесь маме тайно удалось сделать себе новые документы. Мама не была похожа на еврейку, свободно говорила на украинском языке, а я была немая. Так мы и жили, пока однажды приехал карательный отряд. Сигнали всех жителей на площадь, где казнили двоих людей, сказав, что это партизаны. После этого всех закрыли в сарае и не давали еды -

только воду. Через несколько дней нас освободили партизаны, и мы ушли вместе с ними.

В отряде мы продержались несколько месяцев. Нашей обязанностью было собирать продукты в окрестных селениях и, когда в очередной раз мы вошли в село, нас захватили немцы. Они закрыли маму и меня в коровнике, обнесенном колючей проволокой. Там было много солдат и жителей ближайших сел. Еду и воду давали редко, но не препятствовали, когда дети из села приносили нам что-нибудь поесть. В этом загоне мы находились довольно долго, одних привозили, других увозили. Охрана была с собаками.

На всю жизнь мне запомнился огромный пес больше меня ростом. Мы часто смотрели друг на друга, но собака на меня не лаяла. Хозяин ее тоже обратил внимание на немую девочку, которая подолгу стояла возле забора и ждала, чтобы кто-нибудь дал еду. Узнав, что я немая, охранник стал жалеть меня (у него тоже были дети) и иногда даже угощал чем-нибудь съестным. Однажды он всунул мне записку, из которой мы узнали, что нас всех должны расстрелять. Ночью, когда все бросились бежать, он помог нам.

Мы долго бродили по лесу, пока не оказались вновь в партизанском отряде, в котором прожили до конца января 1942 года. Это были леса Харьковской области. На действия партизан немцы отвечали карательными облавами в лесу и партизаны в боях несли потери. Стало ясно, что оставаться в этом районе больше нельзя. Людей разбили на немногочисленные группы, и стали выходить из леса. Нашей группе удалось перейти линию фронта и попасть к нашим. Маму допросили. У меня же

была высокая температура, началось воспаление легких. После осмотра врача, на попутной машине вместе с ранеными меня отправили в госпиталь. Пока я проходила лечение, мама работала в госпитале. Там ей удалось узнать, что Трубный завод из Никополь Днепропетровской области был эвакуирован полностью с оборудованием и рабочими в г. Первоуральск Свердловской области. Родители мамы должны были выехать вместе с заводом, поэтому мы направились туда же. Так мама нашла всех родных и мы (три семьи) стали жить вместе в двухкомнатной квартире. Нам с мамой досталась кухня. Мама скрыла, что мы были более шести месяцев на оккупированной территории, и ей выдали заново документы.

Я же так сильно заболела, что врачи считали - не выживу. Но мне повезло, и после двух с половиной месяцев лечения в больнице я чудом выздоровела.

В феврале 1944 года был освобожден Никополь, а в начале января – Запорожье.

Многие стали возвращаться домой, и мы тоже поехали в Запорожье. Город представлял собой сплошные руины. В наш дом попала бомба и вместо дома была одна большая воронка.

Мы вернулись в Никополь к родителям мамы. Мама и ее сестра пошли работать в школу учителями. К этому времени я заговорила, и мне было строго приказано забыть все (про пленение), что было до этого, и ничего никому не рассказывать. За всю жизнь мама два раза пыталась все рассказать, но всегда это кончалось больницей. Первый раз она рассказала о перенесенном своей маме, я была еще маленькой. Второй раз – перед смер-

тью. Умерла мама в 1985 году. Мы всегда писали и говорили, что на оккупированной территории не были, иначе мама могла лишиться работы, а может быть и хуже.

А потом начались тяжелые годы голода. Ели траву, клевер, конский щавель, крапиву, цветы белой акации, а если находили куст паслена – это был праздник.

С пасленом пекли пирожки, вареники. Еще мы ели макуху – это отходы при выдавливании масла из семечек подсолнуха. Все это осталось в моей детской памяти. Игрушек я не знала, зато хорошо помню степь, куда мы, дети, с мешками ходили за несколько километров, чтобы раздобыть что-то съестное. Долгие годы эти события часто мне снились и сейчас порой всплывают. Так прошли страшные годы детства.

В 1946 году я пошла в первый класс, где давали бесплатные обеды (очень вкусные).

В марте 2000 года приехала в Израиль в г. Арад, где по сей день занимаюсь общественной деятельностью. Я член комитета ВОВ, зам. председателя общества беженцев Холокоста в г. Арад.

Пенсию, заработанную мной за 41 год работы в Украине так и не получила. Благодаря финансовой поддержке Израиля, живу на съемной квартире 15 лет, получая пособие с добавкой до прожиточного уровня. У меня не только выросли внуки, но уже и правнуки. Я очень рада, что живу в Израиле.



## Мазо Наталья

Я в тот год жила у тети и училась в первом классе. Моя мама осталась в Москве. Отца арестовали еще в 1935 году. Когда началась война, мама уже была с нами.

Ленинград бомбили всюду и выли постоянно сирены, когда примерно за неделю до начала блокады нам удалось эвакуироваться.

Не успели мы окончательно обжиться в городе Ряжске Рязанской области, как и туда добралась война. Мы двинули дальше...

В нашем вагоне, теплушке с нарами, ехали три семьи: тетья с моими двоюродными братьями, я с мамой и семья Горфункель. С нами ехала и собачка породы пудель. Звали песика - Викентий Джонович Горфункель. Вот с этим Викентием Джоновичем и связана интересная история. Я бы даже сказала счастливая.

Ехали мы долго - больше месяца. Была морозная зима и мы в вагоне топили "буржуйку". Наконец доехали до Новосибирска. Здесь была огромная узловая станция. Мама с хозяйкой пуделя пошли добывать еду и дрова. Как только они ушли, состав тронулся и его отогнали на какой-то запасной путь. Мороз стоял страшный! Уже стемнело..., а когда отправится поезд тоже неизвестно! И только Джонович не давал закрыть дверь теплушки и лаял, лаял! Пять часов, откуда только силы, он не отходил от приоткрытой двери! Именно по его лаю мама и его, Викентия, хозяйка нашли наш состав и вагон!

На всю жизнь я запомнила этого черного пуделька, спасшего меня от сиротства, и его имя – Викентий Джонович Горфункель! А было мне тогда восемь лет.





## Жанна Пекарская

### Воспоминания из потерянного детства

Был жаркий июль 1941года. Немцы бомбят Днепропетровск. Мне 6,5 лет, сестре 12,5 месяцев. Отца взяли на фронт в первые дни войны. И мы с мамой в товарном поезде на открытой платформе для перевозки скота едем в Узбекистан. Почему в Узбекистан? Там в г. Фергана проходил подготовку в артиллерийском училище племянник мамы - Абраша Кантор, сын Георгия Михайловича Кантора /профессора музыки, арадовца/

Ехали мы целый месяц. На этой платформе было еще несколько детей, и чтобы не сгореть от палящего солнца, нас накрывали простынями и поливали сверху водой. Какие будут остановки и сколько поезд будет стоять, никто не знал. На одной из остановок мама сошла с поезда, чтобы что-то купить, а поезд тронулся. Я начала кричать, а мама успела ухватиться за поручни последнего вагона, и стоявшие там мужчины втащили ее в вагон. Через месяц пути мы приехали в г. Фергана. Местные жители встретили нас приветливо, но смогли поселить нас только в 8-метровой кибитке. На следующий день мама разыскала Абрашу, но его уже отправляли на фронт. И в первом же бою его убили. Молодого, красивого, талантливого, 18-летнего, только что окончившего школу.

Через полгода к нам эвакуировались родители мамы из г. Пирятин.

И мы, 5 человек, жили вместе в 8-метровой кибитке. Мы с мамой и бабушкой спали втроем на кровати, сестра в детской кроватке, а дедушка в проходе между кро-

вацию и столом на цементном полу. А когда шли дожди, единственное сухое место было над столом.

Мама с утра до вечера работала в госпитале, и мы с сестрой бежали ее встречать, т.к. мама приносила хлеб /она получала 500г, а мы по 300/.

Если бы не бабушка с дедушкой, мы бы с сестрой не выжили.

В Фергане я пошла в школу и успела там окончить 3 класса с Похвальной грамотой.

После окончания войны мы вернулись в Днепропетровск, но наша квартира оказалась занятой теми, кто оставался при немцах. По суду их удалось выселить, и в ней остался жить отец моего папы, вернувшийся из эвакуации. Мы же с мамой уехали в Черновцы, т.к. папа пришел туда в составе 4-го Украинского фронта и его не демобилизовали. 10 классов школы я окончила уже в Черновцах.



## **Полоцкий Зиновий**

Я родился в местечке Юровичи, Гомельской области Белоруссии, откуда родом и моя мама, Зинаида Рафаиловна. Отец, Лев Евсеевич, из города Речица Гомельской области, прошел длинный и непростой трудовой путь от рабочего до инженера и преподавателя Белорусского лесотехнического института.

С 1930-го наша семья жила в Гомеле и к началу войны папе было 45, а маме 40 лет, мне исполнилось уже

двенадцать, и я окончил 4-й класс, старшая сестра Браха, 1926 года рождения, окончила шестой класс, а младшей Полине было два годика.

Из Гомеля мы бежали в августе сорок первого, перед самым приходом в город фашистов. Спасаясь от бомбежек, впопыхах сорвались с места и не взяли с собой никаких вещей. После нескольких дней скитаний, нам удалось подсесть в товарный вагон проходящего поезда, набитого людьми, эвакуировавшимися вместе с заводом. Нам удалось только-только втиснуться и стало очевидным, что в закутке, который нам достался, вещи оказались бы лишними. Так, без сна и пищи, мы ехали на Восток. Нас спасло то, что на узловых станциях во время остановок для заводчан были расставлены столы с пищей и мы ели вместе с ними.

Так добрались до станции Михайловский завод, Свердловской области. В близлежащей деревне Уфимка отец устроился на бумажную фабрику, мы с Брахой пошли в школу, а малая в ясли.

Одеты мы были абы как, поэтому некоторые вещи подарила учительница, а когда наступили морозы, не помню кто подарил мне поношенные пимы (мягкие валенки).

Мы, пацаны помогали взрослым на торфяных разработках, укладывая блоки торфа в определенном месте. За эту подработку мы получали от бригадира по шаньге (русские пирожки – определенного рода лепешки). Однако главное, что нас спасало, была картошка, которую мы сами сажали и сами собирали. Это был тяжелый труд с лопатой: землю надо было вспахать, засеять, окучить, выкопать, собрать и перевезти клубни.

После того как в 1943г. папу призвали в армию, стало совсем голодно, и мама варила нам суп из крапивы с добавлением трав. Из-за истощения у меня не ладилось с учебой и я еле-еле тянул на тройки.

За все время пребывания в Уфимке мы ни разу не столкнулись с проявлением антисемитизма ни среди жителей деревни, ни в школе. Память об окружавших нас людях сохранила только хорошее.

В 1947 году мы вернулись в Гомель. Наш дом сгорел, и мы ютились в съемной комнате. Из-за отставания в школьной программе я мог продолжить учебу только в вечерней школе. В педагогическом институте я учился заочно, одновременно работая учителем в деревенской школе.

После окончания педвуза я продолжил работу в средней школе уже в Гомеле. Тогда же втянулся в работу с еврейской общине. В дальнейшем основал и возглавил сионистское движение в Белоруссии «Панэйну ле Исраэль» - «Лицом к Израилю», основной задачей которого была помощь евреям в репатриации и подготовка желающих к абсорбции в Израиле. За эту деятельность подвергался репрессиям и был уволен с государственной работы.

Наше движение было настолько успешным, что меня пригласили в Иерусалим выступить с докладом по обмену опытом на 33-ем Всемирном еврейском конгрессе. Занимаясь этой работой, мне постоянно приходилось отодвигать свою репатриацию, но, в конце концов, в 1998 году я оказался в Араде.

Моя старшая сестра Браха окончила в Гомеле музыкальное училище и преподавала музыку по классу фор-

тепьяно. В настоящее время живет в Ришон-ле- Ционе. Полина окончила Ленинградский педиатрический медицинский институт и работала врачом в Ленинграде, а после репатриации в поликлинике Леумит в Араде.

В Араде я появился, будучи уже в пожилом возрасте, и активной общественной деятельностью не занимался. Однако публиковал в региональной газете статьи об интересных людях, приехавших с алимией 90-х и поселившихся в Араде. Посещал шахматный клуб, литературную студию «Строка» под руководством поэтессы Елены Аксельрод. Будучи поэтом-дилетантом, как и положено в этом статусе, писал стихи в жанре альбомной лирики. Некоторые из них нашли место в 3-ем выпуске альманаха арадской студии.

Бег времени наслаивает годы,  
Вы не стареете, Вы вечно хороши.  
И не сотрут минувшие невзгоды  
Ваши золотые россыпи души.

Стою я, очарованный, немея,  
Свет бьющий виден мне из Ваших глаз,  
И нежностью сердечной пламенея,  
Огонь души, чарующий всех нас.

И сердце мое дарит ласку,  
И вновь я вижу чудный взгляд.  
А Вы – очаровательная сказка,  
Я весь любовью к вам объят!



## Ронис Ида Максовна

Я, Ронис Ида Максовна, родилась 28 августа 1940 года на Украине, в городе Шепетовка. К началу войны мне было всего десять месяцев, поэтому знаю о событиях тех времен только со слов моей мамы.

Маме было в начале войны двадцать шесть лет, но у нее кроме меня было еще двое детей. Старшему (моему брату) девять лет, сестре пять. С нами жила и бабушка – мамина мама.

Папа с первых дней войны ушел на фронт. На прощанье он сказал маме: «Я знаю, что ты сбережешь детей». Мама помнила эти слова всю свою жизнь.

Когда началась эвакуация, то бабушка не хотела уезжать из Шепетовки и говорила маме: «Ты уезжай, а я останусь дома». А мама ей ответила: «Если ты хочешь видеть, как будут издеваться надо мной и моими детьми, то я тоже не поеду!» После этих доводов бабушка поехала с нами. Мы с трудом успели на последний эшелон.

Поезд привез нас в город Тамбов (Россия). Там довелось хлебнуть всякого, но самое ужасное - голод и холод. Я от истощения перестала ходить, и так продолжалось до четырехлетнего возраста.

Мама устроилась работать в колхоз, и нам стало немного легче. Так мы прожили в Тамбове два года. А потом пришло письмо от маминой старшей сестры, и бабушка настояла на том, чтобы жить всем вместе. И мы поехали в город Троицк (Челябинская область). Но и там нам пришлось несладко!

Мы бедствовали - семья была большая! Но со временем всё обустроилось. Мама нашла работу в сапожной мастерской, где работали глухонемые, потому что хорошо знала их язык. В Троицке нам очень везло на хороших людей, которые помогали, чем могли. Там мы прожили до 1946 года.

А потом мы решили вернуться на Украину, в город Проскуров (нынешний Хмельницкий). Мама хотела вернуться в Шепетовку, но в нашей квартире жили чужие люди, и нам даже вещи не вернули.

В 1948 году мы получили извещение, что папа погиб еще в 1942 году...

Потом я выросла, выучилась, вышла замуж, родила троих детей, а первого июня 1998 года мы репатриировались в Израиль. Мы очень хорошо себя здесь чувствуем!



## **Сиркис (Берез) Шура**

Когда началась война, мне было чуть больше 5 лет. Мы жили в г. Тирасполь, и когда немцы подходили к городу, мама взяла в одну руку маленький чемоданчик, а другой держала меня не выпуская. Пропаганда хорошо работала, и мы верили, что выезжаем все ненадолго, остановимся на короткое время в Одессе, Красная Армия немцев быстро прогонит, и мы вернемся. Но, как известно, все получилось не так.

Воспоминания того времени живы и по сей день. Помню, как чуть не потерялась в дороге. Мы ехали в поезде, и на коротких остановках люди выскакивали из поезда, чтобы что-то купить или набрать воды. Вышла и моя мама, приказав мне сидеть на месте. Но я не послушалась и тоже вышла, увидела, что стоят женщины из нашего вагона, и остановилась около них. Тут вдруг я увидела, что наш поезд тронулся, но женщины продолжали стоять на месте, и я решила - раз тети стоят, значит, так и надо. Но поскольку остановки были не лимитированы, поезд всегда начинал двигаться медленно. Тут женщины заметили, что поезд движется, и бросились бежать, а я за ними, естественно, не поспевала. Вот они уже вскочили в вагон, а я бегу, плачу и не успеваю. Тут меня замечают и буквально втаскивают в последний вагон поезда. Но где моя мама, в каком вагоне, я не знаю. Мне подсказывают, что нужно пройтись по вагонам. Я, плача, пошла и, к счастью, в одном из вагонов встретила плачущую маму, которая хотела выпрыгнуть на ходу из поезда, и ее еле удержали. Мы обе долго не могли прийти в себя, но это было мне уроком. Потеряться во время эвакуации в дороге ребенку очень страшно.

Дальше мы ехали в товарном вагоне. Еды не было. Вагоны были забиты, голодные дети плакали. Но самое ужасное - бомбардировки поезда. Очень ярко помню один тяжелый эпизод. Налетели немецкие самолеты, поезд остановился, все выбегают из вагонов... Но куда бежать? Кругом открытая местность... Бежим и мы с мамой. Тут я замечаю снопы, которые образуют в моем понимании домик. Я бегу туда, мама за мной, хотя, конечно, это было глупо, ведь он не защищал, а только мы



больше были видны. Мы сидим в этом мифическом укрытии. И тут совсем низко над нами пролетает немецкий самолет. Немец смотрит прямо на нас и смеется. Ему, конечно, было очень забавно, что мы так укрылись, но он пощадил нас, хотя ему ничего не стоило нас убить. Мы долго не могли прийти в себя и еще долго вспоминали его смеющееся лицо в то время, когда мы дрожали от ужаса.

Но еще более страшное нас всех ждало впереди. В этих тесных голодных вагонах началась эпидемия дифтерита. Дети заражались друг от друга. Конечно, никакой медицинской помощи и никаких лекарств не было, и дети один за другим умирали. Трупики лежали до остановки поезда. В вагоне стоял громкий плач несчастных родителей, а на остановках трупики выносили.

Я лежала на одной импровизированной подушке с больным мальчиком. Он лежал в одну сторону от подушки, я в другую, и когда он умер, мы так и продолжали лежать, пока поезд не остановился. Я, естественно, тоже заболела. Но на мое счастье мы подъехали к Сталинграду, и всех больных детей сняли с поезда и положили в больницу. Но и в больнице не хватало лекарств и еды. Помню, каждому ребенку выдавали по одному кусочку сахара в день. Многие дети умирали в больнице. У меня тоже была очень тяжелая форма дифтерита, я вся опухла и не могла двигаться, но каким-то чудом выжила. А вот дети, которые лежали рядом, нет. Мальчику было лет 7-8, а девочке 2 годика. Я особенно переживала за девочку. Помню, говорила, что мальчик хотя бы успел пожить (в моем понимании он был уже большой), а девочка совсем маленькая.

Когда меня выписали из больницы, была уже зима. Никакой зимней одежды не было. Но на счастье нашлись добрые люди в больнице, которые помогли маме соорудить из марли и ваты что-то наподобие тулупчика. Так мы вышли из больницы и отправились дальше. Последствия дифтерита еще долго давали о себе знать тяжелым ревматизмом и больным сердцем.

Страшное было время, и пусть такое никогда не повторится.



## **Слободкина Елена Шиковна**

Родилась я в городе Днепропетровск, Украинской ССР. Когда началась ВОВ, мне было 3 года и 3 месяца. Линия фронта быстро приближалась к Днепропетровску, и город стал подвергаться бомбежкам, которые усиливались ночью. В детской памяти запечатлелись лучи прожекторов и всполохи взрывов в ночном небе.

Запомнились также мамины поспешные сборы, кошелки с водой и скромной едой, чтобы при объявлении воздушной тревоги бежать в бомбоубежище, которое находилось через дорогу от нашего дома. Чаще всего там же и проводили всю ночь - взрослые на стульях, а маленькие дети на руках у матерей. Вскоре стало ясно, что надо уходить из города. И 17 августа 1941 года моя мама, я, старший брат (16 лет), бабушка и дедушка бежали из родного города.

Из рассказа покойной матери я знаю, что с большим трудом мы добрались до станции Нижнеднепровск, где нам удалось устроиться на открытой железнодорожной платформе эшелона, на которой были заводские станки. По пути следования наш эшелон был неоднократно подвергнут налетам немецкой авиации. Несколько раз эшелон останавливался, и мы прятались в придорожные кусты и овраги. Но уже назавтра нам повезло. 18 августа - это был праздник - День советской авиации, и эшелон, в котором мы находились, стали сопровождать наши самолеты, не позволяя желающим атаковать нас с воздуха.

Так мы добрались до Северного Кавказа, где нас поселили сначала в колхозе им. Берия, а затем перевели в колхоз им. Красной Армии. Мама и брат работали в колхозе. Тем временем фронт быстро приближался к Северному Кавказу, и мы снова двинулись в путь.

Нам удалось в сложной обстановке добраться до железнодорожной станции Прохладная, а затем в товарном вагоне поезда до порта в Махачкале. Здесь, после долгого ожидания, без денег, голодных и промокших от длительных дождей, нас определили на пароход, направлявшийся в г. Красноводск.

И опять, из рассказа мамы, наш пароход попал в сильный шторм. И по словам капитана этого парохода, если бы шторм был еще на один балл больше, пароход не выдержал бы. Часть нашего и так скудного имущества смыло волной с верхней палубы.

Из Красноводска с большим трудом добрались до Ташкента. По дороге я заразилась ветряной оспой, и уже в Ташкенте болезнь проявила себя во всю силу. Затем

мы переехали в Койташстрой Галля-Аральского района Самаркандской области Узбекской ССР.

Там нас поселили в бывшую лепешечную, крохотную комнатку. Это был уже 1942г. Помню, как на новом месте меня мучали приступы малярии - к вечеру с заходом солнца сильнейший озноб. Мама, пытаясь мне помочь, укутывала всеми вещами, какие только были под рукой.

К нашему счастью, освободилось место в общежитии (большой однокомнатный барак), в котором жили 5 семей (у каждой семьи свой угол), и две из них оказались из Днепропетровска. Они и стали звать нас с мамой переселиться к ним на освободившееся место. Мы перешли жить к ним. Оказалось, что чуть ли не в последний миг.

В первую же ночь, как мы ушли из лепешечной, это ветхое строение рухнуло под напором ветра во время дождя. Еще мне было суждено переболеть сыпным тифом (1943 г.). В результате — ревматизм с пороком сердца. В этом же году мы переехали в г. Самарканд к тете (сестра моего отца). Отец пошел на фронт добровольцем, знаем, что воевал на подступах города Днепропетровск. А затем извещение: «Пропал без вести». И так началась полусиротская жизнь.

В освобожденный Красной Армией Днепропетровск мы вернулись в ноябре 1944 года. Наш дом, в котором мы жили до войны, был разрушен, и все имущество пропало. С трудом маме удалось получить маленькую комнатушку (7 кв. м), в которой мы и ютились 25 лет. Впервые в школу я пошла только в 8,5 лет (по состоянию здоровья).

Окончив школу, три года работала, зарабатывая стаж

для поступления в вуз. Поступила на биофак университета (хотела в мединститут, но еврейским детям туда путь был закрыт). По окончании вуза проработала в медицине 34 года на должности врача-лаборанта.

В 1992 г. репатриировалась в Израиль со своей семьей (муж и двое детей). Поселились в г. Арад. По профессии устроиться не удалось - не хватало для нашей алии курсов усовершенствования. С помощью сына, превосходно владеющего компьютерной техникой, освоила компьютер и стала работать техническим редактором, осуществляя вёрстку газеты, издаваемой ИПИ (Институт прогрессивных исследований), а также помощником бухгалтера.

Все годы проживания в Израиле борюсь с тяжелым недугом, сказывается омрачённое войной детство. Жива я до сих пор благодаря успехам израильской медицины и заботливости членов моей семьи.

Большое спасибо всем!



## **Слободкин Марк Михайлович**

Родился я 15 сентября 1940 г. в городе Днепропетровск Украинской ССР. Когда началась война, мне было девять месяцев.

Отец был призван в армию в 1941 году и погиб на фронте. Наша семья - мать, я, шестилетний брат Владимир и двое стариков (бабушка и дедушка), - бросив

имущество, бежали, когда бои шли уже на подступах к городу. Прихваченные с собою нехитрые пожитки были растеряны по дороге, т.к. добирались до станции Нижнеднепровск пешком.

В пути следования эшелон, в котором мы расположились, неоднократно подвергался бомбежкам, но мы тем не менее добрались до Сталинградской области, и здесь, не выдержав перегрузок, умерла моя бабушка.

Затем был Северный Кавказ. С приближением фронта мы бежали все дальше и дальше. Конечным пунктом эпопеи нашего бегства на Восток стал город Алма-Ата. Здесь нас поджидало еще одно несчастье - сразу по приезде умер дедушка.

Детства, как такового, для меня не было. В шесть лет отроду я с моим братом, которому было двенадцать, вынужден был искать источники пропитания. Клондайком для нас служили базары, где мы разносили воду продавцам, разгружали машины и подводы с овощами и фруктами, за что и получали продукты питания. Хозяева, на которых мы работали, были разные, и детский труд не всегда оплачивался достойно, поэтому обид наших было не перечислить. В Алма-Ата мы прожили до 1952 года, затем мама решила вернуться со мной и братом в родной город Днепропетровск, где мы долго скитались без своего жилья. Лишения и трудности последствий эвакуации нас не сломили, что доказывают последующие годы. После окончания семи классов я поступил на работу слесарем и продолжил учебу в вечерней школе. Окончив 10 классов, поступил в Днепропетровский техникум физической культуры. Затем служба в Советской Армии, которая окончилась для меня в 1963 году, и я

был демобилизован в звании офицера запаса. Тут же поступил работать в школу учителем и одновременно на заочное обучение в Киевский институт физической культуры и спорта.

В школе проработал 34 года. Был одним из первых по созданию нестандартного оборудования спортивных залов и спортивных площадок в Советском Союзе. Фотографии, чертежи и методика их применения публиковались во всесоюзном журнале «Физкультура в школе». Мною создан документальный фильм о применении нестандартного оборудования в спортивном зале и на спортивной площадке. Проводил занятия по использованию нестандартного оборудования на уроках физкультуры на республиканских курсах усовершенствования учителей. Был руководителем педагогической практики студентов Днепропетровского института физической культуры и спорта.

Моя работа была отмечена рядом наград: звание «Отличник народного образования Украины», «Учитель методист», «Заслуженный учитель Украины» (1990 г.).

В 1992 году репатриировался с семьей (жена и 2 детей) в Израиль. Здесь, в виду отсутствия других возможностей, работал в отделе по уборке при муниципалитете города Арад.



## Соловьева Наталия

### Наш дом

В Москве на улице Метростроевской (теперь она носит свое прежнее название - Остоженка) с 20-х годов прошлого столетия и до 1969г. жили сестры: Балабан Софья Михайловна (Моисеевна), моя мама – Валентина (Фаина) Михайловна Балабан и их двоюродная сестра Адель Исаевна (Эйдля Шаевна) Герцфельд со своей мамой Фаиной Моисеевной.

Наш дом ласково называли «тетушник», в нём всегда царила атмосфера единой семьи, несмотря на то, что квартира принадлежала старшей из сестер - Софье Балабан. Она получила её в то время, когда работала секретарем Верховного Суда.

Я родилась накануне Финской войны, в 1938 г. Как рассказывала мама, я была длинноногим ребенком. Часто во время прогулок в зимние морозы мои ноги вылезали из-под одеяльца в детской коляске, и, если мама не замечала, прохожие на улице окликали её.

Ощущением и потом осознанием семьи рода Балабан я прониклась еще в детстве, когда в комнате тети Адель - Эйдли Шаевны - за старинным столом красного дерева с резными ножками-тумбами собиралась вся родня семьи Балабан. Мне хотелось, чтобы эти родные лица чаще бывали в нашем доме.

За год до моего рождения, в 1937 году, Софью сослали в Магаданский край, г. Сасуман. Осталась у нее 5-летняя дочь Балабан Нина, 1932 г. рождения. Позднее, когда в 1945 г. Софья Балабан вернулась из Гулага, она рассказала дочери, что ее отец был главным инжене-



ром военного завода в Ленинграде и, очевидно, он исчез в компанию сталинских репрессий по Ленинградскому делу.

Нину же после ареста Софьи взяла на попечительство тетя Адель. Незадолго до войны в квартиру приезжал высокого роста мужчина и спрашивал про дочь Софьи, но ее не отдали. Вскоре квартиру заселили соседи - семья заслуженной ударницы коммунистического труда фабрики "Красная Роза", которую поставили заведующей отделом в магазине "Шелка" на ул. Горького. О том, что значит быть зав. отделом в магазине, можно понять по тому, что, несмотря на трудные времена, молоко для нее приносили на квартиру. До чего ж бывают алчные люди! Во время бомбежек она садилась на сундуки и говорила, что без вещей – никуда!

## *Эвакуация*

С началом Отечественной войны все легло на плечи моей мамы и тетушки, которая уезжать никуда не могла из-за своей престарелой мамы Фаины Моисеевны, двоюродной сестры нашего деда. Вспоминаю тетю Пупу ( La pouree), как она передвигалась по квартире, держась за табурет. Ортопедических приспособлений типа алихон тогда не знали.

Третья сестра - Евгения Балабан, по мужу Каган, перед войной находилась с мужем в Германии, в Гамбурге. Там Абрам был торгпредом автомобильной промышленности, а в начале войны отвечал за эвакуацию предприятий г. Москва. Сестры Балабан знали про "Хрустальную ночь" от Евгении, которая, будучи в Берлине, видела, как горел Рейхстаг. Так что мама была информ-

рована о войне на территории Восточной Европы и об угрозе фашизма раньше других.

Мама видела из окна нашего дома, как в самом начале войны снимали сусальное золото с куполов Храма Христа Спасителя, как баррикадировали Крымский мост, который словно панорама открывался из окон нашего дома. Ее родной брат Балабан Николай был отправлен на фронт комиссаром пехотного полка, сохранились его письма с фронта.

Видимо, мама боялась одна с трехгодовалым ребенком уезжать из Москвы и присоединилась к знакомым людям, отправлявшимся на Север. Так мы с мамой оказались в эвакуации в г. Киров, которому впоследствии вернули его прежнее название Вятка. В памяти остались вагоны-теплушки с раздвигающимися стенами и буржуйка в темноте вагона.

Устроившись на новом месте экономистом в лесной промышленности, мама сразу стала сдавать донорскую кровь, чтобы получать паек. В пайке был мороженный лук, слаще которого она всю последующую короткую жизнь не ела. В течение дня я находилась в детских яслях. Очень много болела бронхитом и впоследствии перенесла много воспалений легких. Вспоминаю маленькие домики в снегу, в мешках мороженое молоко и как однажды мама меня привела к знакомой женщине, а та в какой-то момент обварила себе ногу. От увиденного я упала в обморок, после чего на долгие годы во мне поселился внутренний страх. В дальнейшем это воспоминание помешало мне выбрать медицину в качестве профессии.

## Возвращение

Вернулись мы в Москву, так как мама получила в письме сообщение от сестры Эйдели, что мамину комнату собираются отобрать. Когда мы прибыли в Москву и вышли из вагона, мама внезапно потеряла зрение, и нас за руку вели чужие люди. Потом у нее произошло полное кровоизлияние в одном глазу и развился сильный атеросклероз.

Свое послевоенное детство я вспоминаю как самый счастливый период жизни. Мама воспитывала меня одна. В конце недели забирала с пятнадцатки из Подмосквы, отмывала меня, и мы отправлялись в центр Москвы. Чаще всего это было посещение кинотеатра «Метрополь» - синий, красный или зеленый зал. Я помню, что после просмотра фильмов выходила вся зареванная - жалко было того, кого любили или бросали.

Вижу как сейчас магазин ТЭЖЭ в здании гостиницы «Москва», где в витринах стояли дорогие и престижные духи «Кремль» и «Красная Москва», запах которых я люблю до сих пор. По отцовской линии я москвичка в 4-м поколении. Моего отца крестили в церкви Вознесения у Никитских ворот, в ней А.С.Пушкин венчался с Наталией Гончаровой.

Здоровье мамы оказалось окончательно подорванным, и от малейшего волнения артериальное давление подскакивало до опасной высоты. Кончилось все инсультом. Таков результат военного времени, а маме было всего шестьдесят семь лет.

После учебы моя самостоятельная жизнь продолжилась на производстве, а потом в научной среде. В 1984г.

защитила диссертацию на звание кандидата экономических наук в Институте экономики АН СССР.

Накануне моего отъезда из Москвы на ПМЖ в Израиль я побывала в Доме ученых на концерте Вероники Долиной «Мой дом летает». После концерта я к ней пошла и поделилась планами отъезда в Израиль и намерениями взять фамилию моей мамы - Балабан. И вдруг я услышала от нее, что Балабан - её девичья фамилия. Это было неожиданно.

Я получила от ее слов положительный заряд и чувство, что теперь, когда я живу постоянно в Израиле, мой дом тоже «летает». Я каждый год посещаю Москву, где остались мои родные пенаты. Может быть, поэтому я воспринимаю с удовольствием перемены в своей бытии. И я радуюсь красотам просторов Иудейской пустыни так же, как просторам русских полей.

### *О моем дяде*

От мамы я слышала много рассказов об удивительных судьбах родни из семьи Балабан. Особая судьба, без сомнений, героическая, сложилась у родного брата моей мамы Наума Исидоровича Балабана, профессора психиатрии.

Наум Исидорович Балабан был главным врачом Областной психиатрической больницы Симферополя, возглавлял Академическую комиссию по созданию Крымского медицинского института и кафедру психиатрии Крымского медицинского института. В 1930-е годы спасал политзаключенных от репрессий, а в начале Великой Отечественной войны, оставшись в Симферополе, спас от уничтожения более 400 человек.

С 1921 г. он, будучи членом союза врачей из Крым-ревкома, работает в городе Симферополе.

В 1924 г., 18 ноября, в г. Симферополь Наум Исидорович зарегистрировал брак с Нелидовой Елизаветой Алексеевной. Оба в совершенстве владели немецким языком. Знание немецкого Елизавета Нелидова, княжна родом из Санкт-Петербурга, приобрела еще в Институте благородных девиц.

Посвятив свою жизнь спасению людей, тем более психически больных, с первого дня войны оставался верным служению медицине на благо больных.

Еще во время сталинских репрессий он укрывал под видом психически больных пострадавших от системы. Научное имя профессора Наума И. Балабана было широко известно в мире, и ему это удавалось.

По свидетельству документов, Науму Исидоровичу Балабану должны были присвоить звание Заслуженный врач России, но помешала война.

Наум Исидорович не мог не видеть, что фашизм - это диагноз психиатрический, но лечить таких больных у него не было возможности. Однако ему удалось внести свой вклад в противостоянии их гнусным намерениям.

По приказу начальства, полковник, военврач Балабан Н.И. был оставлен до декабря 1942 года в Крыму.

Когда в 1941 году в Симферополь вошли немцы, то в больнице Балабан разговаривал с ними на чистом немецком языке. Желтую звезду ему не прикрепили, так как рассчитывали его использовать. Все кончилось, когда в городе появились эсэсовцы.

В марте 1942 г. в газете "Известия" была опубликована на целый подвал статья об уничтожении фашистами больных и персонала Крымской психоневрологической больницы, а также главного врача Наума Исидоровича Балабана. Так, благодаря этой статье, его сестры узнали о гибели брата.



## **Яков Сотников**

Мне было десять лет, когда немцы напали на нашу страну. По радио нас успокаивали, что это ненадолго, что Красная армия даст отпор через пару месяцев. Отпор дали при том, что воевали долгие пять лет. Первое понимание серьезности положения пришло, когда мой папа, человек трезвого ума, понимая, что произошло, купил на железнодорожной станции города Кричев лошадь и телегу у беженцев-евреев, которые уезжали дальше на поезде. На вопрос - зачем, ведь война продлится всего - ничего, папа ответил: "Даже два-три месяца я хочу быть спокоен за семью".

Однажды над городом завязался воздушный бой, где был сбит наш истребитель. Он упал за городом. Я сел на велосипед, и помчался посмотреть. Там уже собралась детвора разного возраста. Истребитель лежал на левом боку, уткнувшись носом в землю. Наполовину выпав из кабины, неподвижно лежал летчик.

Один парень, которого я знал по школе, вытащил у летчика из кобуры пистолет и стал заталкивать к себе в карман. Я ему сказал: "Ты что, в своем уме, нужно срочно сообщить в органы", на что он мне ответил: "Убирайся, жид, когда придут немцы, из этого нагана я буду вас убивать".

Это было второе соприкосновение с реальной действительностью. Когда войска Красной армии отступали через наш город, папа стал собирать всю семью. Наша семья: папа Абрам, мама Фаня, старая и больная бабушка Геня, тетя Эся, почти слепая, дети - Миша, Соня и Яша. Со стороны маминого брата, которого призвали в армию, были дедушка Мойсей, бабушка Сара, тетя Роза с двумя детьми: Миша пяти лет и годовалый Боря. Взяли только необходимое, но и этого для небольшой лошади было слишком. Мы уходили из города с отступающими войсками Красной армии. Проезжая мимо дома дяди Лэйзера, мы увидели его жену с теми детьми. Папа сказал: "Бери детей, самое необходимое, и пойдем вместе с нами, только побыстрее. На что последовал ответ: "Мне Лэйзер приказал, когда его вызвали в военкомат, ждать и без него никуда не уходить". Сколько ее не уговаривали, ничего не помогло. До сих пор мы не знаем, где их косточки или пепел.

Когда мы переезжали по мосту через реку Сож, протекающую возле Кричева, саперы сказали нам не задерживаться: мост скоро взорвут. За рекой рос красавец лес, где горожане устраивали народные гуляния на Первое мая. По преданию, у Святого колодца когда-то стояла церквушка, и она провалилась. Вода в колодце была чистая и холодная.

Колхоз под названием Прудок находился в этом лесу. В голодный тридцать второй год мой папа работал там кузнецом, спасая семью от голодной смерти.

У хорошего знакомого папа, вместе с хозяином, в саду под деревом, закопал два чемодана с наиболее ценными вещами, которые мы обратно не получили.

Наутро, узнав, что мост еще не взорвали, папа захотел посмотреть, что и как дома. Это была еще та картина: озверевшие соседи и знакомые оказались мародерами и тащили из дому все подряд, ругаясь между собою.

Папа сказал: "Эта встреча к добру не приведет", и повернул лошадь обратно.

Как только мы переехали мост, его взорвали (повезло).

Наш обоз составили три семьи: наша, дяди Мойсея - папиного двоюродного брата, и Фонгаузы - все на телегах. И мы двинулись в трудный путь по лесам и проселочным дорогам, полный невзгод и недоедания.

На оставшиеся вещи выменивали хлеб, картошку, капусту. Когда проезжали через смоленский лес, немцы сбросили большой десант. Бойцы Красной армии, которых в лесу было очень много, стали прочесывать лес для уничтожения десанта, не забыв вооружить нас, способных стрелять, трехлинейками.

Десант был уничтожен, и мы поехали дальше. С трудностями нелегкого пути мы доехали до Орла, сдали лошадей и телеги в соседний колхоз, и на железнодорожной станции города стали ждать посадки в товарные вагоны.

В зале ожидания было много отъезжающих, я залез под скамейку и уснул, да так, что не слышал, как бомби-



ли железнодорожный узел, горели цистерны, вагоны, коверкались железнодорожные рельсы.

Здание вокзала местами обрушалось, я это увидел потом, когда мама нашла и вытащила меня из-под скамейки, и на руках вынесла из горящего здания. По железной дороге ехать стало невозможно. Папа и наши попутчики забрали наш гужевой транспорт обратно, и мы тронулись в мучительный дальний путь до Мичуринска. Сдав лошадей и телеги в Мичуринске, после долгих проволочек, мы погрузились в товарные вагоны и отправились в дальнейший путь до города Бузулук, где выгрузились на платформы.

Когда во время распределения выяснилось, что мой папа и дедушка кузнецы, а папа еще и механик, нас разместили по телегам, и мы снова поехали к новому месту назначения, по оренбургским степям. Местом назначения оказался Красногорский колхоз в Чкаловской области Грачевского района. По дороге мы заночевали в Грачевке, а утром отправились в колхоз, который состоял из двух деревень. В Ждамеровке были добротные дома под железной крышей. А Урусовка состояла из глинобитных строений с глиняными полами, в них жили украинцы, говорившие на своем языке. Нас встретили доброжелательно, многие из местных в жизни евреев не видели, и удивлялись, что мы обычные люди, так же, как они.

Что такое жизнь в деревне наша семья знала не понаслышке. Мы, потомственные Кричевляне (Могилевская область в Белоруссии) имели свой дом, сад и полный двор скота.

Председатель колхоза Иван Андреевич, хозяйственный человек, понял, что мы не нахлебники, а нужные в колхозе руки. На правлении колхоза постановили поручить моему папе, Абраму Давидовичу, восстановить заброшенную кузницу. Мой папа и дедушка Мойсей, в короткий срок, при участии правления колхоза, приобрели все необходимое, и кузница, как говорят, ожила. Трудно недооценить значение кузницы в огромном колхозе. Как продолжение кузницы, через стену, в полном запустении располагалась мельница, находившаяся в нерабочем состоянии. Председатель спросил у папы, возможно ли ее восстановить. Папа ответил: если когда-то работала, то будет работать снова. Заработала мельница, заработала крупорушка - машина для отжима подсолнечного масла, и все остальное тоже заработало, благодаря моему отцу, Абраму Давидовичу.

Пару слов о себе. Папа меня обучал всему, что умел и делал сам: кузнечному делу, обслуживанию восемнадцатисильного двигателя, молотить зерно, обслуживать на току ВИМ, ремонтировать веелки, жнейки, конные грабли, весь колхозный инвентарь. За что я, светлая ему память, до сих пор благодарен.

Что касается наших женщин, то они, наравне с местными, выполняли все работы и в поле, и на ферме, и на скотном дворе. Когда окончилась война, в 1945 году, Иван Андреевич, и все правление, уговорили папу помочь восстановить послевоенное хозяйство, и мы эвакуировались лишь в 1946 году. Дедушку Мойсея и бабушку Сару, их дети, которые жили в Москве, забрали к себе. Когда мы возвращались домой в город Кричев, то бабушка Сара, вместе с нами и семьей ее младшего сы-

на Семена (он погиб на Курской дуге, о чем нам прислали извещение), вернулась в город Кричев, который здесь в Израиле уже 26 лет называем бывшей родиной.



## Тульчинская Жаннета

До войны наша семья – мама, папа, я и годовалая сестра – жили в г. Днепропетровск. Мне уже было пять лет. Там же жили родители мамы, ее сестры, братья и их семьи.

На шестой день войны дедушка, отец мамы, кузнец по профессии, внезапно умер на моих глазах. Мы с ним пошли забрать из детского садика моего двоюродного брата Алика. Пока мы ждали, когда нам выведут ребенка, дедушке стало плохо, и он умер. Все были в шоке – он никогда не болел. Видимо, сказались переживания первых дней войны, когда всех мужчин семьи забрали в армию. Мы готовились к эвакуации, поезда были забиты людьми, желающими уехать. Тем временем немецкие войска подходили все ближе к Днепропетровску. В эти дни далекие родственники папы из Черниговской области, работавшие в колхозе, приехали на конной упряжке, запряженной в телегу с крытым верхом. С ними папа и отправил нас. Сам он остался в городе, т.к. получил задание со своими сотрудниками взорвать мосты, чтобы задержать таким образом проникновение немцев в го-

род. Папа проводил нас до границы города, а затем вернулся на работу. Прощание с ним было таким горьким, что я запомнила его на всю жизнь. Плакала мама, плакал отец, ревели в два голоса мы с сестрой, словно чуяли, что это навсегда...

В районе Харькова наши пути с родственниками разошлись. Мы пересели в поезд, они поехали дальше. В Харькове у мамы жила в то время младшая сестра Руня, бывшая замужем за этническим немцем. Но ни ее, ни его мы уже никогда не видели. Поиски ее ничего не дали и после войны.

Поезда двигались ночами, а днем оставались на станциях из опасений бомбежек с воздуха. Когда деньги и продукты у мамы почти закончились, стали продавать вещи, бывшие с нами в баулах.

Однажды мама выменяла какие-то вещи на буханку хлеба и кусочек сливочного масла, таящего на сковородке, единственной посудинке, бывшей у нас с собой. А на улице жара, лето. Пока мама "пристраивала" масло в помещении вокзала, наш поезд с нами, детьми, укатил дальше. Можно представить ее состояние, когда она узнала, что поезд с детьми ушел.

В вагоне мы остались одни с чужими людьми. К счастью, попутчики оказались отзывчивыми, и в течение следующих 2-х суток, пока мама на перекладных нас догоняла, эти люди делились с нами своими скудными припасами, успокаивали сестру, меня. В конце концов мама догнала наш поезд и все успокоились. Мы вместе, это главное. Ехали мы долго, и в пути были разные приключения. В небольшом селе Ольшанка, Саратовской

области, нас высадили – сказали, что поезд дальше не идет.

Ни продуктов, ни теплых вещей у нас не было, а дело шло к зиме. Местные жители жалели нас – старушки вязали нам головные платки и варежки, а мужчины валяли валенки.

Скоро мы переехали в Аркадан, мама устроилась там кассиром в единственный кинотеатр. Это уже была зарплата. Нас первоначально подселили к местной жительнице, сын которой был на фронте. Она не хотела терпеть чужих людей в своем доме, и нас забрала к себе добрая душа – тетя Шура, у которой было двое детей такого же возраста, как и мы. У нее мы прожили душа в душу до конца войны. Там я пошла в школу, там же мы получили извещение о том, что папа погиб на фронте.

В 1946 году мы вернулись в Украину, в Днепропетровск, оттуда поехали в село к родителям папы, а потом в г. Никополь, где прожили все годы до переезда в Израиль в 1995 году. Мои дети, внуки и уже 2 правнука живут в Израиле!!!

Будь благословен Израиль, будь прокляты войны!



## Ева Фертель (урожденная Финкель)

Мои родители родом из местечка - мама Финкель Фаня, 1909г. рождения (в девичестве Берзан), родилась в Зенькове, а папа, Финкель Абрам (1899г.), родился в Старо-Константинове. Их родители были верующими. К сожалению после революции они рано ушли в мир иной. Оставшись сиротами, мои родители переехали в город Проскуров (ныне Хмельницкий), а в 1928г. поженились. К началу войны мне было пять лет, а старшей сестре уже двенадцать. Когда город подвергался бомбардировкам, мы прятались в подвале дома. Из города успели бежать до прихода немцев и сесть в товарный вагон поезда шедшего в Узбекистан. Под Жмеринкой наш состав подвергся массированному авианалету и все, кто был жив, разбежались по окрестностям. Так я потерялась, оказавшись в овраге с незнакомыми людьми. Родители все же меня нашли и мы, уже на другом поезде снова двинулись на Восток. В Самарканде нас поселили в кибитке, расположенной в историческом старом городе не далеко от соборной мечети Тамерлана.

Отец ушел на фронт, а мама устроилась на веревочную фабрику. Денег не хватало, и мама приносила работу домой. Мы с сестрой, сколько было возможно, вили по ночам веревки. А еще приходилось по ночам выстаивать очереди за хлебом по карточкам. Хлеба хронически не хватало. Дневную порцию я съедала крошечками по дороге в детский сад, где детям давали похлебку. Но и это не спасало от голода.

Однажды по дороге в садик я увидела ящериц, которые замерли, вперив в меня свой взгляд. Я их пожалела, по-

думав, что они голодны, вынула хлеб из сумочки с красным крестиком, в которой он лежал, и покрошила его. Но ящерики внезапно убежали, и я вновь пожалела, но уже о том, что хлеб пропал.

Моя сестра училась в школе, но часто пропускала занятия, так как ходила на рынок продавать воду, чтобы купить еще немного хлеба. Как-то раз, когда мама варила кашу-затируху, я, с голода, не могла дождаться ее и полезла с ложкой в кастрюлю, стоявшую на буржуйке. Опрокинула варево на себя и оказалась в больнице с тяжелыми ожогами. Шрам на руке сохранился до сих пор.

В 1944-м вернулся с фронта после контузии отец, которого перенаправили в поселок Яготино (Полтавская область) уже на трудовой фронт. Нас поселили в общежитии с еще одной семьей, всего восемь человек в одной комнате. Комнату разделял шкаф с фанерной стенкой, которая служила мне классной доской, и я писала (бумаги не было) на ней, выполняя уроки. Учила меня всему старшая сестра, потому как в поселке не было школы.

Когда война окончилась, мы вернулись в свой родной город. После школы я окончила Львовский лесотехнический институт и поступила на работу в должности инженера-экономиста. Выйдя замуж, я в 1961г. переехала во Львов. Работала зам. начальника лаборатории по научной организации труда. Занялась диссертацией и вскоре была принята преподавателям экономических дисциплин в институт, который ранее окончила.

В 1978г. подали прошение на выезд в Израиль. В результате отказ и увольнение с работы. Поездки в Москву к высокому начальству не помогли. Так прошли три ужасных года, во время которых распродали все, что было в

доме, так как работать не давали. Случайная встреча с бывшим моим студентом решила вопрос с отъездом. И мы, испытывая трудности, вновь бежали без оглядки. И вот Израиль. Шел 1981г. Здесь все было своим чередом: вначале центр абсорбции в г. Арад, затем работа, дом, курсы, учеба дочки в университете. После курсов я работала до пенсии преподавателем в школе.



## **Иосиф Хаит**

Мы бежали в сентябре 1941 года из украинского города Шостка, в котором я родился и вырос, когда немецкая армия была в 40 км от нас. Нам повезло – мы не шли пешком, как многие, а ехали в кузове грузовика (тогда мне, восьмилетнему мальчишке, казалось – огромном), в котором разместилось 30-40 женщин и детей, в том числе наша мама, я и моя шестилетняя сестра. Всякое бывало в этой двухнедельной поездке: и бомбежки, и немецкие истребители, обстреливавшие беженцев из пулеметов. Но особенно мне запомнился один эпизод.

Не помню, на какой день приехали мы в маленький городок – грязные, голодные и обессиленные. Все женщины решили, что мы должны тут остановиться, помыться, поесть и передохнуть. День клонился к вечеру, городок был тихий, зеленый, и казался безопасным. Но наш водитель сказал: «Нет, не будем здесь останавливаться, лучше на природе». Мы проехали 3 – 4 километ-



ра, остановились на пригорке вдали от дороги и начали устраиваться на ночлег. И в этот момент налетела немецкая авиация. В свете закатного солнца было хорошо видно, как бомбардировщики выстроились в круг и буквально за 5 минут стерли этот городок с лица земли. С нашей горки все просматривалось как на ладони, только звуки разрывов доносились оттуда, и весь городок превратился в один огромный клубок дыма. Все молчали, даже дети, обычно шумные, примолкли. Все понимали, что наш водитель спас всех от неминуемой гибели.

С тех пор прошло больше 70 лет, но и сегодня я не могу спокойно слышать звук пролетающего самолета. Хотя у сегодняшних самолетов звук совсем не такой, как у военных “юнкерсов”, те завывали очень уж противно. Говорят, что немцы специально устанавливали на самолеты завывающие устройства – для устрашения.

После почти двухмесячного скитания по вокзалам и теплушкам нас привезли в глухую уральскую деревушку, где был леспромхоз – предприятие по заготовке леса. И название деревни было соответствующее – Ощепково. Спиленные стволы сосен подвозили на тракторе к железной дороге – 40 км.

Снега выше крыши, морозы. Дали нам комнатку, маму взяли на какую-то работу, я пошел в школу, сестра оставалась дома. Моей обязанностью было утром сходить на другой конец деревни и принести паек – хлеб и молоко. И вот я иду по тропинке, в одной руке полбуханки черного хлеба, в другой графин молока. Руки голые, перчаток нет. Вдруг графин выскальзывает из онемевшей руки и разбивается. Я стою, и меня охватывает

ужас: чем кормить сестренку и, главное, – с чем я завтра пойду за молоком?

Я не помню, как и что было дальше, и как мы выжили в эту зиму 1941-42 года. Впрочем, в начале 1942г. мы уехали из леспромхоза в районный центр Белоярка, тоже Свердловской области, куда папу назначили помощником прокурора. Он, о чудо(!), вернулся из ополчения живой и даже не раненый, в то время как в ополчении погибали почти 100%. Вот на его паек мы и жили до осени. А осенью у нас появилась картошка с нашего огорода, так что голодная смерть нам уже не грозила.

В этом году я окончил первый класс, в этом же году к нам в село приехали семьи папиных братьев: Матус с женой Блюмой и дочкой Кетей из Киева и Абрам с женой Лизой и дочками Галей и Кетей, которых вывезли из блокадного Ленинграда по льду Ладожского озера, «дороге жизни». Они были до того худые, что напоминали пауков с четырьмя конечностями. Кетя – ей было 2 года – вообще не ходила, а ползала на четвереньках и все время искала еду, даже после обеда. Первое время все три семьи жили в нашей квартире – двух комнатах с русской печкой и голландкой, общей площадью метров сорок. А еще с нами жила мамина тетя Рахиль, тоже из Питера. Со временем семьи потихоньку рассосались - все нашли жилье, только тетя Рахиль жила с нами до конца войны.

Несколько эпизодов из жизни в Белоярке. Прежде всего, заготовка дров для отопления квартиры и готовки пищи. Дров на зиму нужно было кубов 15. Выделили нам делянку в сосновом лесу, километров 10 от села. И вот мы с папой идем в лес, несем топор и пилу и начи-

наем валить деревья, а мне лет 9-10. Сначала нужно подрубить дерево поближе к земле, потом мы пилим его в этом месте, и оно падает. Предполагается, что дерево упадет в сторону подруба, но так бывает не всегда, и тут нужно быть очень внимательным, чтобы не придавило. С упавшего дерева нужно обрубить сучья, распилить его на куски метра по четыре (чтобы потом вывезти) и сложить в штабель. В каждом дереве высотой 15-20 метров примерно полкуба дров, вот и считай. А зимой (летом туда дороги нет, только на санях) мне дают лошадку, и мы вдвоем с таким же мальчишкой, как я, едем на делянку, накладываем на сани 6-8 стволов и везем их в село. А лошадка такая же голодная, как и мы, и везти не хочет. Потом, уже дома, эти стволы нужно распилить на куски 40-50 сантиметров, и расколоть, и все это делаем мы с папой.

А еще мы, пацаны, добывали дрова на заброшенных дворах. Нужно найти кусок бревна, чтобы мог унести, воткнуть в него топор и взвалить на плечо. И вот однажды я нашел такое бревнышко и почему-то решил придержать его правой рукой, а топор воткнуть левой. И, конечно, рубанул по пальцу. Ничего, замотал палец носовым платком, притащил дрова домой. Зажило, только след остался.

В этой Белоярке мы прожили до лета 1947 года, там я окончил 7 классов. Почему мои родители не вернулись в Украину – не знаю. Возможно, папу непустили, прокуратура в те времена была очень серьезной организацией, просто уволиться и уехать было нельзя. А в 47-м году папа получил назначение в г. Каменск-Уральский на должность помощника прокурора, и мы туда переехали:

папа, мама, мы с сестрой и маленький братик Миша, родившийся в 1944 году. Как мои родители решились на прибавление семейства во время войны – ума не приложу. Впрочем, 70 лет назад все это делалось не по плану. В Каменске наша семья прожила долго. Там я окончил школу с серебряной медалью - золотой не дали, поставив «четверку» за сочинение. Затем уехал и поступил в вуз, оттуда уже на работу в Березники. Только после того, как в 1964 году умерла мама, а в 1966 уехал в Киев папа, я перестал считать Каменск нашим домом. Впрочем, мой брат Миша до сих пор живет там. Дрова мы уже не заготавливали – покупали, а вот работать на огороде, кормить поросенка, косить траву, даже доить корову – все это мне приходилось делать.

В 1964 году я уже со своей семьей вернулся в Украину.



## **Хусид Леонид**

До начала войны наша семья – папа, мама и мы, три брата - жила на Украине в городе Житомир. Старшему брату к началу войны исполнилось 15 лет, мне – 10 и младшему братику 2,5 года.

День, когда началась война, запомнился мне на всю жизнь еще и потому, что 23 июня мне исполнялось 10 лет. По этому случаю вечером 22 июня у нас должны были собраться гости. Утром папа послал меня в магазин принести заказанные накануне продукты. Я пошел в

центр города, там услышал, что объявлена воздушная тревога. Люди бегали и кричали: «Война, война!»

Я пришел домой и говорю папе: «Началась война». Он не поверил: «Что ты, Леня? Это очередное учение». (Накануне войны они у нас участились).

Через некоторое время папа ушел и по возвращении сообщил, что в 5 часов утра немцы бомбили окрестности Житомира, и что началась война.

Среди наших соседей было много людей немецкой национальности, и мы все жили дружно. Они говорили, что немцы – это культурная и дружелюбная нация. Слухи о том, что они убивают евреев, цыган и др. народы – пропаганда.

Однако в Житомире появилось много польских евреев – беженцев, и они говорили, что немцы убивают евреев и коммунистов. Поэтому многие наши стали собираться и уезжать.

В первых числах июля папа собрал кое-какие пожитки и отвез нас на вокзал, а сам остался в народном ополчении Житомира.

На вокзале сгрудилось уже много народа – ждали поездов. Периодически подходили товарные эшелоны, составленные из вагонов - "теплушек", и люди буквально штурмовали их. Мы, дети и мама, смогли залезть в один из них лишь через несколько дней ожидания на вокзале.

Это удалось 3 июля, а 9-го немцы уже захватили наш город. Эшелон, в который мы пробрались, должен был ехать в г. Харьков. Тогда говорили, что это глубокий тыл.

В вагоне было много людей, расположившихся на верхних нарах и на полу. Ночью вдруг эшелон остано-

вился, все начали кричать и выпрыгивать из вагона. Оказалось – налетели немецкие самолеты. Мы тоже выпрыгнули и побежали в поле.

Мы со старшим братом бежим и мама с ребенком на руках, как вдруг кричат: «Ложись!» И мы залегли. Самолет прямо над нами летит и строчит из пулемета. Так я в первый раз столкнулся с настоящей войной. После того как налет окончился и люди друг друга нашли, все собрались в вагоне.

Привезли нас в г. Полтава, высадили на вокзале. Там масса народа, в основном женщины, дети, старики и инвалиды. Сказали, что немцев уже остановили и сюда они не доберутся.

Наша мама была учительницей, и ее направили в село, недалеко от Полтавы. Красивое украинское село, рядом лес, речка. Нас там хорошо селяне встречали, поместили в хату, дали все необходимое. У них не было в школе учительницы, и они остались очень довольны маминым назначением.

От папы вестей не было, он оставался в Житомире и, как потом выяснилось, успел на лошадях в последний момент спастись. Добравшись до Полтавы, разыскал нас, расспрашивая людей на вокзале. Это был счастливый случай в жизни нашей семьи.

Папа уже понимал, что немцы придут в Полтаву, и начал нас собирать в дорогу. Его считали паникером. Однако он остался непреклонен в своем решении. На лошадях мы добрались до станции и сели в поезд, который шел в неопределенное для нас место. Когда мы прибыли в г. Пенза, нас отправили дальше в районный центр Лунино. В Лунино мы прожили до ноября месяца.

Когда наступила зима, а с ней холода, притом, что у нас не было квартиры, одежды, достаточно продуктов, решили ехать в теплые края – в Ташкент.

Поехали опять эшелонам в товарных вагонах, путь оказался очень долгим. В г. Уфа сказали, что дальше поезд не поедет. Высадили нас на вокзале. Зима, холод. Папа пошел искать квартиру, работу. Его тут же забрали и послали на учебный пункт переподготовки.

Старший брат Филя, ему было 15 лет, устроился на завод, его взяли учеником токаря на Уфимский авиамоторный завод и устроили в общежитие.

Маму, меня и младшего брата отправили на эвакуационный пункт в г. Стерлитамак.

Это оказался клуб железнодорожников, там было много людей, которые, чтобы как-то согреться, днем и ночью ютились на полу поближе к печкам "буржуйкам". Днем привозили пшеничную кашу и кипяток.

В этой обстановке мама заболела, и ее забрали в больницу с подозрением на тиф. Мы с братиком остались вдвоем. Старший брат как-то узнал, что случилось, и забрал нас в Уфу. На заводе он подружился с молодой семьей, эвакуированной из Ленинграда. Они жили в маленькой комнате, туда нас и поселили, где мы прожили целый месяц – январь-февраль 1942 года. Я с утра посещал эвакуационный пункт и стоял в очереди за талонами. Потом ходил в пункт выдачи пищи. Там были страшные очереди, иногда удавалось получить кашу и похлебку. Приходилось даже воровать уголь на станции – это была моя обязанность в нашем маленьком коллективе. Филя вечерами приносил нам в баночке часть своего обеда – макароны, кашу.

Когда мама вышла из больницы, то пошла в отдел народного образования, где ее направили учительницей в Чишминский район, село Леонидовка.

И вновь мы в пути. Добирались с большими происшествиями. Вначале на поезде до Чишмов, там ждали на маленьком деревянном вокзале 3 дня, чтобы за нами приехали на лошадях. Мороз 45 градусов, помещение не отапливается. Сердобольная стрелочница иногда пускала нас в свою будку обогреться. Наконец нас забрали. После 20 км морозного пути мы приехали на место еле живыми. По дороге мама постоянно нас тормозила в санях, чтобы мы не уснули от мороза.

По приезде нас разместили в школе, в одном из классов. Там была печка и больше ничего. Мы с мамой притащили две парты, я снял двери в коридоре и устроили кровать. Дрова нам достались сырые, мерзлые. Разжечь печку удавалось с трудом. Но нам повезло в другом. В соседнем классе был склад гороха, и мы практически всю зиму им питались.

Мама собрала детей из села и начала с ними занятия прямо у нас в комнате (классе). Дети приносили для нас продукты - кто что мог.

Так мы прожили до весны 1942 года. Папу отправили на пункт переподготовки войск, т.к. у него был опыт работы с призывниками и он работал там до конца 1942 года. В январе 1943 года его вместе с командой отправили на фронт. Воевал до дня Победы, дошел до Чехословакии и вернулся с боевыми наградами.

Весной 1943 года мама поехала в Уфу и с большим трудом забрала старшего сына.



Мы начали заниматься натуральным хозяйством, копали огород, ходили в лес за грибами. День был распisan буквально по часам, надо было питаться, запастись дровами и кормом на зиму.

Так прожили до 1944 года, когда старшего брата забрали в армию.

После освобождения Украины от немцев мама решила возвращаться. Нам дали вызов и пропуск в Хмельницкую область, ехали целый месяц.

По приезде в г. Проскуров нас отправили в село Богдановцы. Там опять пришлось все обустроить, но я был уже взрослым парнем, как никак мне перевалило за 13 лет. Мы купили корову (колхоз нам помог), а я стал пастухом, пас коров нашей улицы. Нас приняли очень хорошо. Село было большое, богатое, немцы не успели его разрушить, т.к. здесь жила тыловая часть. Так мы прожили до Дня Победы.

Отец демобилизовался в 1945 г. и забрал нас в Житомир. Я пошел в школу сразу в 5 класс, хотя до войны окончил всего два (во время войны я не учился). С большим трудом, работая над собой, много читая, осваивал учебу.

В 1948 году, после 7-го класса, поступил в техникум, который окончил в 1952 году, получив назначение на металлургический завод в Ижевске. В 1963 году получил диплом о высшем образовании, закончив учебу на вечернем отделении института. В дальнейшем работал заместителем начальника крупного мартеновского цеха, где проработал до пенсии.

В 2007 году приехал жить в Израиль.



## Царенко Геннадий

Детская память всегда избирательна. Что-то помнится всю жизнь, а что-то быстро забывается. Иногда картины так ярко запечатлялись в сознании, словно оставались выбитыми на камне.

Мне было всего три с половиной года, когда началась война. В детстве не раз приходилось слышать рассказы моей мамы, Нины Иосифовны, как мы бежали и мытарствовали в эвакуации, начиная с 23 июня 1941 года, потому что жили почти на границе, в г. Барановичи, который являлся областным центром в Западной Белоруссии. Кроме меня, в семье было еще двое пацанов: восьмилетний Эрик и пятилетний Анатолий.

После нескольких месяцев сплошных переездов, сопряженных с голодом и ужасами бомбежек, мать с тремя детьми и двумя чемоданами оказалась на пристани в г. Горький. Отсюда на пароходе нам предстояло добираться дальше. Просто дальше, потому что конечного пункта в то время еще никто не знал...

На причале находилось огромное количество людей и попасть на пароходы было очень сложно.

Мать оставила на время Анатолия с чемоданом недалеко от причала, а сама с двумя детьми начала пробираться в толпе к трапу парохода. Как только мы попали на борт, именно в это время над пристанью появились немецкие самолеты. Они летели совсем низко, стреляли и сбрасывали бомбы, которые взрывались в реке, поднимая огромные волны. Началась ужасная паника, люди кричали, все пришло в движение.

Мать бросилась к трапу, чтобы забрать сына с чемоданом. Но по радио прозвучало сообщение о прекращении посадки и срочном отправлении парохода от пристани. Трап начали убирать и судно стало медленно отдаляться от берега. Мать стояла у борта и отчаянно кричала:

- У меня сын остался на берегу! Помогите! Ну кто-нибудь помогите! Вот стоит мальчик! Это мой сын! Помогите хоть кто-нибудь!

Но в этом хаосе, который стоял на пристани, никто ее на слышал. Бомбы рвались в воде. В небе ревели самолеты. Снизу по ним били зенитки.

И все же кто-то обратил внимание на одинокого мальчика, стоявшего с чемоданом у края причала. Подбежавший к нему мужчина схватил Анатолия и, не раздумывая, бросил его как игрушку на палубу. Стоявший у борта другой мужчина едва успел схватить малыша за край одежды и подтянул его на палубу. Когда мать увидела, что ее сын уже на пароходе, она закричала:

- Бросьте и чемодан! Это наш чемодан!

Мужчина размахнулся и кинул вслед чемодан. Но расстояние до корабля было уже такое, что чемодан плюхнулся в воду и пошел ко дну. Там находилось самое нужное из вещей, что мама успела взять с собой.

Эта картина так хорошо запомнилась именно потому, что мать не раз вспоминала об этом эпизоде как в эвакуации, так и после войны.

Другая картина врезалась в память именно мне. О ней мы никому не рассказывали. Это - впервые. Произошла история в одном из башкирских совхозов, где мы жили некоторое время.

Нас, троих братьев, окружило несколько местных подростков, которые были старше нас и физически гораздо крепче. Подталкивая руками, они велели нам зайти в старый, без крыши, прогнивший бревенчатый сарай, в центре которого росли кусты диких растений, лежала куча мусора, комья земли.

Мальчишки окружили нас и начали допрашивать. Очевидно, предварительную информацию они получили от своих родителей.

- Вы жиды? – спросили они нас.

Тогда, в то время, в том возрасте никто из нас еще не знал и не понимал значение слова "жид". Мы впервые его услышали. Но оно звучало как-то обидно для нас, оскорбительно и даже страшно.

- Нет, мы не жиды, - ответил старший брат Эрик.

- Если вы не жиды, тогда клянитесь и ешьте эту землю!

Мальчишки указали на кучу, перемешанную с отходами и всяким другим мусором.

- Мы не будем это есть! – был наш ответ.

- Тогда вы – жиды! – напирала мальчишки.

- Нет, мы не жиды! - стояли мы на своем.

- Тогда ешьте эту землю!

- Не будем это есть! – отвечали мы.

- Тогда вы жиды!

- Нет, мы не жиды!

Диалог продолжался некоторое время. Мы, трое мальчишек, стояли спинами друг к другу и, возможно, наше упорство подействовало каким-то образом на местных пацанов.

- Мы все равно вас побьем, - сказали они, но отступили и больше не приставали к нам.

У матери тоже часто спрашивали, какой она национальности.

- Я с Украины, - неизменно отвечала она. И это было чистой правдой! Ее родители – отец Иосиф и мать Хая – жили после революции на Черниговщине. У них было девятеро детей. Моя мать, Нина Иосифовна, была младшей в семье.

В 1943 году мы перебрались в Муром к родственникам. Часто ходили на площадь, где размещался огромный стенд с картой. На ней была изображена линия фронта и наступления Красной Армии. Здесь люди обсуждали новые сообщения Информбюро и обменивались новостями. Мать рассказывала, что я часто спрашивал у нее:

- Ну когда уже освободят весь мир и наши Борановичи?!

В 1946 году мы оказались в совершенно разрушенном войной Витебске.

На берегу Западной Двины находилось еще немало снарядов и мин. Мальчишки, дети войны, иногда подрывали их. Некоторые оставались калеками. Часто на берегу можно было увидеть худощавого парня с редкими волосами на бороде. Глаза его смотрели как-то отстраненно. Он неизменно спрашивал одно и тоже:

- Люди примут?... Люди примут?...

Рассказывали, что у него прямо на глазах фашисты расстреляли всю его семью, и он после войны остался совершенно одиноким человеком.



## Чеброва Роза

Поезд шел уже седьмые сутки. Остро пахло потом, мочой, гарью, страхом. Дина Гольман (так звали мою маму) бережно прижимала к себе 4-х месячную малютку Розочку, а другой – крепко держала руку пятилетней Ривы. Заслышав отдаленный гул самолетов, вздрогнула – опять бомбежка!

Снова нужно скатиться с высокой насыпи, упасть на землю, стараясь своим телом прикрыть детей! Хорошо еще, что старшей – Асе, уже 10, она побежит сама. Только бы немцы не сбросили десант, - тогда всем конец.

Вой самолетов затих... На этот раз, кажется, пронесло...но как хочется пить!

На станции в вагон-теплушку приносили воду, но на всех не хватило... Когда они ели в последний раз? – Три дня назад поезд остановился где-то в поле.

Там в степи работали женщины. Завидев остановившийся поезд, они, глядя с сочувствием на изнеможенных голодных людей, кинулись к вагонам и стали протягивать узелки с едой, что взяли в поле для себя. Одна из них обратилась к Дине: «Отдай кроху мне, ведь не довезешь!» Мама молча прижала малышку к себе и прислушалась, - дышит ли она? Молока в груди не было, - сама не ела несколько дней, отдавая добытую еду старшим детям.

Однажды незнакомая пожилая женщина разорвала на себе нижнюю юбку и протянула лоскуты маме: «Возьми на пеленки!». Уезжали впопыхах, срочно, из дому не успели взять ничего - ни денег, ни документов, - ничего, что необходимо в дороге. Не знали куда везут,

сколько ехать. Если бы не помощь добрых людей, пропали бы! Хотя бывали и другие люди...

На какой-то станции мама увидела почтовый ящик. Письмо мужу она написала давно. Но отправить не было возможности. И вот, наконец-то... Но поезд может тронуться в любую минуту, а дети... И тут мама увидела мужчину, бодро шагающего по рельсам. Когда он поравнялся с вагоном, мама попросила его бросить письмо в почтовый ящик, на что он с усмешкой ответил: «Чего?! Так вам, жидам, и надо!» И пошел своей дорогой... В вагоне были и русские, и украинцы, и евреи, и белорусы, все с ненавистью смотрели ему вслед.

Наконец, поезд прибыл в Горьковскую область. Когда поезд остановился, выходили из вагонов, пошатываясь, долго, с трудом - у людей не было сил.

Мама развернула пеленки, сняла с головы ребенка шапочку и в ужасе закричала, - шапочка шевелилась от кишаших в ней вшей! После санобработки нашу семью отправили дальше, в село Кукус (нынче – Приволжское) Саратовской области. До войны здесь было богатое село поволжских немцев, но во время войны их всех депортировали и теперь в селе было безлюдно, бродил голодный скот - полное запустение... А приезжие, городские жители, не умели ни печи топить, ни корову подоить.

Да еще и без мужиков! Приехали одни женщины, единственный мужчина – семидесятилетний дед, - стал председателем колхоза. Деваться было некуда.

Нужно было налаживать жизнь. Мама начала работать в колхозе и получать паек. Старшие сестры носили

меня в обед к маме, - ходить сама я не могла, - слабые ножки не держали худое тельце.

Шли годы. Война подходила к концу. Однажды увидела, как к нам во двор зашел какой-то дядя в шинели, и завопила от страха! Мама выскочила из дома, кинулась к мужчине с криком: «Роза! Это твой папа!» А тот уже протягивал мне сладкого петушка на палочке, но я продолжала реветь, и он спросил меня, чего я хочу?

- «Хеба!» - решительно ответила я.

- Хлеба - пояснила мама. - Она и конфет никогда не видела!

И еще помню: идем через лес, я на руках у мамы и крепко сжимаю на ее груди медаль, которую маме только что вручили. Медаль «За трудовую доблесть». Понимаю, что это что-то важное...

Через некоторое время отец поехал в Витебск, узнать, есть ли у нас возможность вернуться. Приехал из Белоруссии мрачный. Рассказал, что в наш дом попала бомба. На уровне четвертого этажа висит колыбелька, - это все, что осталось от нашей квартиры. Тогда родители решили ехать в город Энгельс Саратовской области. Здесь я пошла в школу, здесь родилась моя младшая сестра, здесь умер отец... А младшая сестра была совсем крошечной. Дальше мама растила нас одна.

...Я окончила школу, институт и 50 лет проработала в школе учителем истории. В 2010 году переехала в Израиль, где уже жила моя средняя сестра Рая Минкина.

Что для меня война? – Это – ранняя смерть отца, это детство без игрушек, без фруктов, без сладостей, это – единственное платье и сапоги – одни на всех, так что даже гулять зимой ходили по очереди! Это рано поста-



ревшая мама, это смерть наших родных в блокадном Ленинграде, это безотцовщина, нищета и вечный голод. Это – мое здоровье, вернее, нездоровье сегодня, - все мои болячки оттуда, из военного нищего детства!

Сейчас я живу в прекрасной стране, у меня есть всё, но никакими «пицуимами» (компенсациями) не вернуть здоровье и родных, утраченных в годы войны!

Ничего нельзя забывать! Дай Бог следующим поколениям не знать тех ужасов и горя, которое выпало на нашу долю! Обязательно расскажите детям и внукам о том, что такое война!



## **Шперлин Кира**

Родилась я 28 августа 1936 года в Риге, в семье портных. Когда началась война, папа как доброволец работал в штабе ПВО, поэтому семьям дали грузовик, и мы в пятницу, 27 июня, сумели эвакуироваться (мама, папа и старшая сестра Зария 1931 года рождения). А до этого, несколько дней, во время бомбежек, укрывались в погребе (был такой в нашем дворе-колодце, который составляли 4 пятиэтажных дома), где были дровяные сараи для каждой квартиры. Нас было четыре или пять семей.

Мы уезжали по Московской улице в сторону Пскова, а с другой стороны Риги, из-за Задвинья, уже входили немцы. Где-то на Псковском шоссе водитель что-то специально испортил в моторе, сел на велосипед, который был в грузовике, и уехал обратно в Ригу, а мы под бомбежкой остались на шоссе и прятались в какой-то кана-

ве. Трое мужчин из нашего грузовика, в том числе и папа, отправились искать помощь.

Нам повезло. Они остановили военную крытую машину, как я помню, что-то вроде "Виллиса". Нас к ней прицепили, довели до станции Дно и посадили в поезд. Помню, что детей из грузовика посадили внутрь машины, и какой-то "дядя" в военной форме угощал нас печеньем.

Поездом мы доехали до станции Фаленки, Кировской области, а там эвакуированных ждали подводы. Так мы доехали до деревни Балмаж, где (75 км от железной дороги) нашу семью определили на постой. Помню, что хозяйку звали Таня. Мама стала работать на току, а папу призвали в армию вместе со всеми местными мужчинами. Я бродила по деревне, понимала только идиш, русского не знала совсем, но как-то местными была обласкана.

Потом нас перевезли в село Уней, так как там был швейный комбинат, который стал шить обмундирование для фронта. Там мама и проработала до конца войны. Сестра окончила в местной школе 4 класса, а я – первый класс.

В августе 1945 года мы вернулись в Ригу по папиному вызову, когда его демобилизовали.



## Штрафун Семен

Мне уже свыше 80 лет, но я всегда с ужасом и содроганием сердца вспоминаю о первых днях войны, когда немцы вероломно напали на Советский Союз. Жили мы тогда в селе Белополье Винницкой области.

Мама и папа работали фармацевтами. Мне было 8 лет, а братику Мише 6 лет.

Ночь, когда началась война, была тихой и спокойной. Вдруг на рассвете мы услышали шум моторов и взрывы бомб, летящих с самолетов. Несколько домов сразу не стало. Крик, шум, плач слышны были повсюду. Мама и папа схватили на руки нас, спящих еще, и убежали из дома. Папа сказал, что это война. Мы с братиком были очень напуганы и все сильнее прижимались к родителям. Люди от всего этого ужаса кричали, бежали неизвестно кто и куда. Кругом бомбежка. Мы тоже бежали, прятались, где могли, а самолеты как будто преследовали нас. На время приостанавливались, а потом опять куда-то бежали, все дальше и дальше от своего дома.

В какой-то момент наступило затишье, и мы повернули обратно, посмотреть, остался ли стоять наш дом. Остался – наполовину. По местному радио передали, что мужчинам немедленно необходимо явиться в военкомат, семьям беженцев необходимо эвакуироваться, для чего явиться с вещами на железнодорожный вокзал, куда завтра будет подан эшелон для отправки на Восток. Уходя в Армию, папа попрощался с нами и велел маме взять документы, только самые необходимые детские вещи и явиться вовремя на вокзал.

Мы УЖЕ побежали к эшелону, как опять началась страшная бомбежка. Немцы были уже в городе и стали стрелять по вагонам и людям, которые с детьми едва успевали заскочить внутрь. Мы тоже успели, кто-то нам помог, буквально бросили меня и братика в вагон отходящего поезда. Мама бежала за нами, а мы кричали, что мамы с нами нет. В конечном итоге кто-то помог ей протиснуться к вагону и взобраться на ступеньки, так мы оказались вместе.

Поезд то и дело останавливался, потому что немцы все больше и больше обстреливали наш эшелон. Я очень захотел пить. На одной из остановок я выпрыгнул из вагона и побежал, не понимая куда. Попал в яму и не мог выбраться из нее. Я слышал вокруг крики людей, но меня никто не видел и не слышал. Я плакал, звал маму. На мое счастье эшелон задерживался и не трогался с места. Мама, обнаружив, что меня нет, стала кричать и некоторые из попутчиков вместе с ней:

- Сеня, где ты?

И вдруг я почувствовал, что меня все-таки заметили. После чего двое мужчин вытащили меня из ямы и впили в вагон. Мама была им очень благодарна, потому что я мог потеряться.

С грехом пополам мы доехали до Гайсина. Нас распределили по квартирам. Но и там очень скоро появились отряды немцев. Нам удалось с большими трудностями сесть в поезд, и каким-то чудом мы добрались до Ростова-на-Дону. Там нам дали направление в поезд на Казахстан. Через несколько дней мы были в Джамбуле и там остались. Местные казахи встретили нас хлебом-солью. Накормили, напоили и распределили по семьям.

Маме, как работнику медицины, досталась комната в медсанчасти и с первых же дней ей поручили раздавать лекарства больным людям.

Я пошел в школу. До обеда мы учились, а потом шли на работу - собирали колоски пшеницы, ржи и овощи на колхозных полях и сдавали колхозу. Вечерами приходилось ходить поливать колхозные огороды. И так было до конца войны.

Жили мы как все беженцы. С питанием было очень плохо. Временами просто голодали. Папа, получив тяжелое ранение в ногу, за полгода до конца войны был демобилизован по состоянию здоровья. Он приехал к нам в Джамбул, и мы остались там жить.

В 1948 году меня вызвали к директору школы. Он вручил мне медаль "За трудовую доблесть в годы ВОВ 1941-1945 г."

После окончания школы я поступил в Ташкентский Государственный Университет. Окончив его, до пенсии работал в "Узбекнефтегазгеологии".

В 1999 году вместе с семьей приехал в Израиль.



## Эсауленко Юлия

Я родилась 19 июля 1938 года в Украине, в г. Днепрпетровск. По образованию – медик.

В начале войны мой отец ушел на фронт, а мы с мамой и бабушкой эвакуировались на Урал, в г. Магнитогорск. Добирались мы в теплушках. Путь был длинным, и я по дороге тяжело заболела.

По прибытии нас поселили в бараке, а меня сразу положили в Магнитогорскую городскую больницу. Болела я долго. Было голодно, и от недоедания умерла моя бабушка, а мы с мамой за это время стали дистрофиками и чудом выжили.

На фронте отец был тяжело ранен в обе ноги и приехал в Магнитогорск из госпиталя на костылях. Родные моего отца во время войны погибли в гетто.

В Украину мы с мамой вернулись в начале 1945 года.

В Израиль я репатриировалась из Луганска в 1993 году. В том же году в Израиле впервые стала писать стихи. Тема Катастрофы всегда волновала меня. Светлой памяти жертв Катастрофы я посвящаю свои стихи.

\*\*\*

Наши любимые, близкие  
Стали травой, обелисками,  
Звездами в небе печальными,  
Стали цветами прощальными.

В ветре порывистом слышится стон,  
В каплях дождя проливается он,  
Кровь багровеет закатами

Тех, кто были солдатами

\*\*\*

Девочка с куклой идет по планете.  
Расстреляно сердце у девочки этой.  
Увядшей былинкой от пули упала,  
И куклу рукою она прикрывала.  
Еврейка, вьетнамка или японка  
Куклу спасала слабой ручонкой.  
Люди, очнитесь! Зачем на планете  
Ведете вы войны кровавые эти?  
Зачем убиваете наших детей?  
И сердце не дрогнет у палачей.  
Мадонна с младенцем  
Сидит на руках, и боль затаилась  
В прекрасных глазах.  
С картин Рафаэля смотрит на нас,  
Как будто предвидит трагедии час.  
Мадонна! Девочку с куклой  
На руки возьми, убитое сердце  
Согрей на груди.

## *Жертвам катастрофы*

У песни трудное начало,  
И музыка звучит без слов,  
Осталось времени так мало,  
Уходит жизнь, и стынет кровь.  
От судьбы не убежать, не скрыться,  
И поступь смерти тяжела,  
Евреев изможденных лица,

И крик, и стоны, и мольба.  
И был тот день, и было утро,  
И были тысячи ночей,  
И холод ям, и жар печей.  
И содрогалась земля, живую ношу унося,  
И уходила в небеса евреев чистая душа.  
Никто не смог их защитить,  
Им заплатить пришлось сполна,  
И плата та была страшна, -  
Ценою в собственную жизнь.  
Сердце истекает болью,  
И ужасом полны глаза,  
У песни трудное начало,  
И нет у песни той конца.

## *Детям - жертвам Катастрофы*

Не звезды смотрят с черноты небес -  
Замученных детей глаза.  
В музее Яд ва-Шем покоятся их имена.  
В чем провинились, перед кем?!  
Кому их смерть была нужна?  
БУДЬ ПРОКЛЯТА ВОЙНА!  
Никто не смог их защитить  
И не разверзлись небеса...  
БУДЬ ПРОКЛЯТА ВОЙНА!  
Забвенья нет, и никогда не унесут года  
Прощальный детский крик...  
БУДЬ ПРОКЛЯТА ВОЙНА!



## Памяти Катастрофы

Сурово мы несем свой крест  
Без заклинания и стона.  
Сурово мы несем свой крест,  
Хоть мы избранники Сиона.

Их было много на Голгофе  
В тот смертный и последний час,  
Их было много на Голгофе,  
Безвестных мучеников - нас.

Судьба свой страшный суд вершила  
И никого не позабыла,  
Не пощадила, не спасла-  
Судьба еврейскою была.

Им вечностью казался миг,  
И небо разрывал их крик.  
Их Б-г спасал в объятиях своих...  
И не осталось никого в живых.



## **P.S. (post scriptum)**

**Елена Гришина-Шуцкевер:**

*«Я не понимаю репатриантов, живущих на пособие по старости, которые кричат о «страшной бедности». Я нормально питаюсь, нормально одета, езжу в театры и на экскурсии, покупаю подарки для родственников и друзей, иногда выезжаю за границу. Причём от помощи детей я постоянно отказываюсь. Также живут все мои подруги.*

*Я не покупаю бриллианты и дорогую косметику, не имею солидного счёта в банке, но мне и не нужно этого даже в мечтах.*

*Мне неприятны люди, которые постоянно выпрашивают или требуют что-то от государства Израиль. Ведь мы, новые репатрианты, ничего не дали этому государству. Более того, многие из нас в Советском Союзе работали на предприятиях и в организациях, которые наносили вред Израилю.*

*Израиль нам ничего не должен, и мы, по совести, должны быть за всё благодарны стране, в которой живём.*

*Когда у меня обнаружили чрезвычайно страшную болезнь, именно израильская медицина справилась с ней. Прошло уже десять лет, как мне была подарена вторая жизнь.*

*Я благодарна судьбе и нашей стране за все, что я достигла и имею, а главное – моя жизнь, как и жизнь многих, многих евреев, состоялась вопреки чаяниям всех врагов и антисемитов».*

